

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 8(84), 2020

*Александр
ПРОХАНОВ*

*ТАБЛИЦА
АГЕЕВА*

Предлагаемый вниманию читателей роман Александра Проханова «Таблица Агеева» представляет собой инициацию целой дискуссии и ряда разработок темы русских кодов внутри сообщества Изборского клуба.

Тема эта в философии не является чем-то абсолютно новым: можно вспомнить и культурный код в трактовке семиотики, и языковые «скрипты» лингвистов, и социокод отечественного культуролога М.К. Петрова, и родомыслие П.А. Флоренского, рассматривавшего судьбу человечества как древо генеалогических связей не столько по крови, сколько по духу («духовный генокод»).

Вместе с тем Александру Проханову удалось дать совершенно нестандартное решение, выразить в художественных образах и размышлениях литературных героев многие подспудные смыслы Русской цивилизации, ее метафизики и мифологии, настойчиво воспроизводящихся, воскресающих в каждом поколении кодов: трудов, подвигов, преодолений. Эти коды-откровения накапливаются и спрессовываются в нашем историческом надвремени, они-то и делают народ народом, культуру культурой, государство государством.

В следующем номере нашего журнала мы опубликуем результаты начатой романом «Таблица Агеева» дискуссии, попытки наших коллег осмыслить эту «периодическую таблицу» кодов, заполнить пустующие в ней ячейки, придать ей стройность и целостность, выразить ее на языке философии, лингвистики, психологии, теории культуры.

Содержание:

2 Александр ПРОХАНОВ.

Таблица Агеева

(роман)

■ ГЛАВА ПЕРВАЯ (стр. 3)	■ ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ (стр. 63)
■ ГЛАВА ВТОРАЯ (стр. 6)	■ ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ (стр. 69)
■ ГЛАВА ТРЕТЬЯ (стр. 10)	■ ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ (стр. 74)
■ ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ (стр. 12)	■ ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ (стр. 77)
■ ГЛАВА ПЯТАЯ (стр. 17)	■ ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ (стр. 80)
■ ГЛАВА ШЕСТАЯ (стр. 23)	■ ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ (стр. 83)
■ ГЛАВА СЕДЬМАЯ (стр. 27)	■ ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ (стр. 87)
■ ГЛАВА ВОСЬМАЯ (стр. 32)	■ ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ (стр. 91)
■ ГЛАВА ДЕВЯТАЯ (стр. 37)	■ ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ (стр. 94)
■ ГЛАВА ДЕСЯТАЯ (стр. 42)	■ ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ (стр. 97)
■ ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ (стр. 45)	■ ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ (стр. 100)
■ ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ (стр. 52)	■ ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ (стр. 103)
■ ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ (стр. 57)	■ ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ (стр. 107)
■ ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ (стр. 59)	

110 Михаил КИЛЬДЯШОВ.

Золото под сердцем

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №8(84), 2020 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора – Сергей БЕЛКИН
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
Телефон: (499) 241 84 96
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 21.11.2020

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 500 экз. Заказ № 1232

/ Александр ПРОХАНОВ /

Таблица Агеева

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

У Петра Дмитриевича Агеева вдруг начинали дрожать руки. Это вынуждало его откладывать ложку, ставить поднятую рюмку, воздерживаться от рукопожатий. Дрожание рук было следствием контузии, которую Петр Дмитриевич получил в Афганистане, управляя боевой машиной разминирования. В Герате, в районе Деванча, машина села на фугас, взрыв подбросил железный короб и оглушил экипаж. Они с напарником сидели среди едкого дыма, залитые кровью, которая хлестала из горла, ушей и ноздрей.

Петр Дмитриевич был из профессорской семьи, родился в Москве, жил на улице Горького в сталинском доме, увешанном мемориальными досками с именами актеров, конструкторов и полководцев. Из окон был виден памятник Пушкину, две кремлевские звезды и великолепный перекресток улицы Горького с Бульварным кольцом. Пушкинскую площадь полосовали крест-накрест пылающие потоки машин, и он зачарованно смотрел на этот волшебный огненный крест.

Тверской бульвар, то весенний, изумрудный, то зимний, с черной графикой деревьев на белом снегу, был местом его детских гуляний и юношеских свиданий.

Отец и мать преподавали историю в университете. Дома стоял застекленный шкаф, в котором хранилась библиотека деда и прадеда, множество удивительных книг. Еще не умея читать, он перелистывал эти книги, пахнущие старым клеем, как пахнет горький миндаль.

Когда он болел, мама приносила ему в кровать тяжелые тома «Истории культуры», и он рассматривал египетские храмы, испещренные иероглифами, гробницы ацтеков с коричневыми мумиями, из которых выглядывали кости, а кругом стояли глиняные сосуды, каменные божки и светильники.

Вечером, когда поднимался жар, в горячих сумерках летали над ним египетские иероглифы, похожие на таинственных насекомых, и маслянисто горели у потолка глиняные светильники.

Позже, школьником, он перечитал подшивки журналов «Аполлон» и «Весы» с певучими стихами неведомых поэтов, с изысканными статьями неизвестных философов, с сиреневыми садами Борисова-Мусатова, с пленительными дамами Бенуа. Этот книжный шкаф со звоном стеклянных створок казался забытым домом, в котором притаились молчаливые обитатели, дожидаясь времени, когда выйдут на свободу.

Прощальный школьный бал запомнился девушками в белоснежных платьях, зарей на Москве-реке, серебряными чайками, скамейкой в сквере, где он впервые поцеловал мягкие девичьи губы, получил в подарок голубые стеклянные бусы. Девушка обещала прийти на свидание в этот сквер, на эту скамейку. Не пришла. Он больше ее не встречал. От синих бус остался стеклянный шарик, а потом и тот куда-то бесследно закатился.

Он готовился поступать в университет на исторический факультет, надеясь при поступлении получить поддержку отца-профессора. За несколько дней до экзаменов отец и мать погибли в авиационной катастрофе. Их самолет разбился, когда возвращался из Сочи. Много лет спустя он все представлял, как мать и отец в последние секунды, взвываясь за руки, падали к земле.

Смерть матери и отца была сокрушительной, словно чья-то свирепая лапа вырвала клочок жизни, оставив рваную пустоту.

Он подходил к платяному шкафу, прижимался лицом к материнскому платью, вдыхая тонкий вянувший запах духов. Разглаживал отцовский пиджак, сохранивший запах вкусного табачного

дыма. Надевал галстук отца, в котором тот уходил в университет читать лекции, и лежал в этом галстуке недвижно, с глазами, полными слез.

Он не пошел на экзамен и осенью был призван в армию. Радовался тому, что внешняя строгая воля подчинила себе его безвольную жизнь, увела из дома, где все напоминало любимых, причиняло нестерпимую боль.

Его отправили в учебный лагерь в казахстанских предгорьях. Загорелые грубоватые офицеры и сержанты учили стрелять из автомата, бегать по горам, водить неуклюжую, на гусеницах, боевую машину разминирования с тралом. Гроздя тяжеловесных катков утюжили землю, прокладывая проходы в минных полях.

Через два месяца самолет опустил его в горячей степи Шиндантского гарнизона. Лежа на железной койке в брезентовой палатке среди спящих солдат, он вдруг ярко, обморочно вспоминал входящую с мороза маму, ее меховой воротник с тающим снегом, ее лицо божественной красоты.

Он был командиром машины, а его подчиненным, механиком, толкавшим рычаги управления, был солдат. Его звали Фадей, фамилия его была Лоб. Он был чернявый, верткий, с глазами цвета черной смородины, в которых вдруг появлялся металлический медный отблеск. Он верил в пришельцев, считал себя одним из них. Любил смотреть в ночное небо, указывал среди сверкающих звезд ту, с которой явился на Землю. Среди дневного пекла машина раскалялась так, что прикосновение к броне вызывало ожоги. Они с Фадеем размачивали в воде черствый хлеб, лепили к броне мякиш, ели горячие душистые лепешки.

Вечерами, в сумерках, когда наступала прохлада, солдаты покидали бэтээры и танки, сходились вместе в открытой степи. Рыли в земле лунки, наливали солярку и грели на огне банки с консервами. В ночи горело множество светильников, озаря солдатские лица. Казалось, теплились лампы. Над ними склонились молитвенники. Шло таинственное богослужение среди военных колонн, нацеленных в завтрашний бой.

Дивизия выдвигалась к Герату, тяжело переваливалась фургонами, тягачами, танками. Разместилась в пригороде, словно улегся многолапый железный зверь. Устремились к пылающему небу чаши антенн. Нацелились на Герат стволы самоходных гаубиц и трубы «Ураганов».

Город туманился в горчичной пыли, как мираж, с проблесками изразцовых мечетей. Взревели «Ураганы», посылая в Герат плазменные вихри. Город глотал снаряды, которые исчезали бесследно в горчичной пыли. Неохотно, лениво над городом начинали взрастать черные клубы. Вяло тянулись

в небо, как одноногие великаны, танцующие медленный танец.

Бронеколонна входила в мятежный район Деванча. Боевые машины пехоты развернули пушки в разные стороны, втягиваясь в узкие улицы, и долбили из орудий по глинобитным домам и дувалам.

Он сидел в машине разминирования. Видел, как Фадей ворочает рычагами, направляет машину в узкий прогал. Сквозь смотровые щели виднелись глинобитные стены с бойницами. Проплыла синяя луковка мечети, крашенные зеленые ворота. Трал с катками, как борона, качался перед носом машины.

Первый взрыв оторвал у трала каток. Удар прокатился по броне, и Фадей отпустил рычаги. Машина, потеряв управление, боднула тралом гончарную стену, прочертила в ней борозду. Второй взрыв рванул под днищем, подбросил машину.

Спустя много лет Петр Дмитриевич продолжал ощущать тот железный удар, расколовший голову, разломавший рассудок. Летела синяя луковка мечети, разбились в щепы зеленые ворота. В голове открылся провал, из которого дул железный горячий ветер. Он и Фадей сидели, залитые кровью. Из ноздрей Фадея выдувался красный пузырь, блестели на губах выбитые розовые зубы.

В медсанбате его трясло. Он мычал. Рядом с ним мычал и сотрясался Фадей. Все указывал рукой в потолок, словно взывал к звездам, хотел улететь в свою космическую прародину. Санитарный самолет унес их в Москву, где они расстались, обменялись адресами, но ни разу не написали друг другу.

После контузии дрожали руки и сохранился страх к земле, по которой осторожно ступал, боясь, что в тротуары и дорожки Тверского бульвара вживлены фугасы и мины.

В военкомате решили, что он может продолжить службу. Но теперь не в Афганистане, а на Байконуре, на космодроме, где ему дали тягач и он перевозил тяжеловесные грузы.

Казахстанская степь цвела весенними маками, струилась серебристыми травами, топоричилась осенними колючками. Из этих маков, трав и колючек взлетали ракеты.

Вдруг начинало угрюмо гудеть. Степь озарялась вспышкой. Появлялся белый бушующий шар. Жаркий факел выносил ракету. Она взмывала, оставляя в облаках туманную прорубь. Небо начинало играть. Летали радуги, горели перламутровые сполохи.

Он останавливал тягач и смотрел с восхищением, как зарастает небесная прорубь, вслушивался в замирающий гул.

Петр Дмитриевич был благодарен судьбе за то, что стал свидетелем чуда. Гигантская ракета «Энергия», подобная слепящему взрыву, ушла в небеса, унося с собой волшебную бабочку приль-

нувшего к ней «Бурана». Казалось, над степью зажглась огромная люстра. Крылатое диво в буре огня вознеслось на небо, оповещая громогласным ревом начало фантастических времен, о которых мечтали люди.

В тишине, после взлета ракеты, все замерло, чутко прислушивалось, бессловесно молилось. Ожидало, когда из неба вернется гонец, принесет долгожданную весть.

Дул ледяной ветер. По степи летели бесчисленные перекасти-поле, комья колючек. Казалось, мчатся бесчисленные духи, стараясь покинуть землю перед тем, как явится посланец небес. Возвестит о начале новых времен.

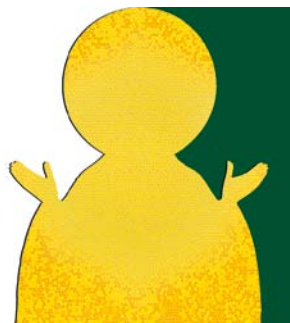
Петр Дмитриевич помнил, как стоял у своего тягача среди летящих колючих ворохов и, не зная ни единой молитвы, молился. Увидел, как над

степью возникло небесное тело, ослепительное, как серебряный слиток. «Буран», покидая Космос, приближался к земле. За ним следовали два истребителя, приветствуя космического собрата. «Буран» коснулся бетона, полыхнул синим дымом. Два тормозных парашюта бурлили, рвались, гасили бег челнока. Казалось, в парашютах еще бушует Космос, не желает отпускать восхитительную белую птицу.

Там же, на Байконуре, он видел, как маститые академики, генералы, конструкторы обнимали, поздравляли высокого человека с восхищенным лицом, на котором сияли чудесным светом глаза, словно они увидели неземное диво. Это был министр Богданов, душа космического проекта «Энергия»—«Буран». Его сияющие космические глаза.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отслужив в армии, он вернулся в Москву, в свою родную квартиру на Пушкинской. В ней ничто не изменилось. Все тот же чудесный книжный шкаф с запахом миндаля. Тот же комод с материнскими платьями и отцовскими костюмами, от которых едва уловимо пахло духами и табаком. Кресло-качалка, в которое можно сесть и сладко, с закрытыми глазами, качаться, слыша, как в соседней комнате смеются мать и отец.

В доме было все то же. Но снаружи, на улицах, бурлила незнакомая страстная жизнь. Под окнами в сквере с утра собирался народ. Кричали, вскакивали на парапет, размахивали кулаками. Человек с благовидной бородкой, в русской косоворотке, выкрикивал в мегафон:

— Товарищи евреи, большая к вам просьба! Соберите чемоданы и, пожалуйста, уезжайте в Израиль!

Его сторонники яростно восклицали:

— Чемодан, вагон, Израиль!

Тут же проходил другой митинг. Полная женщина, грассируя, гудела в мегафон:

— Русские фашисты, предупреждаю, вас ждет Нюрнбергский процесс! Помните судьбу Гимmlера и Риббентропа!

Ее поддерживали криками:

— Фашизм не пройдет! Долой коммуно-фашистов!

По улице Горького шли демонстрации. Плотные взвинченные колонны рвались к Красной площади. Их встречали войска с дубинками и щитами. Обе силы сталкивались на перекрестке. Грохотали щиты, взлетали дубинки. Визжало, ревело, стеноло. Он смотрел с тротуара, как бежит молодая женщина с окровавленным лицом. Как ковыляет старик и солдат в каске догоняет его и бьет дубинкой.

Он не понимал смысл столкновений. Не запомнил имена вождей. Не знал, к кому примкнуть. Ему казалось, что осыпается огромная, казавшаяся неподвижной гора. Из нее выпадают камни, осыпаются склоны, сходит оползень.

Он свыкся с этой неутрахающей бурей. Ее волны исходили из необычных людей, с которыми он ненадолго сходил, жадно внимал их проповедям.

Но рядом с прежним появлялся новый проповедник, и его проповеди казались еще привлекательней.

Седовласый философ с восторженными глазами волхва делил всех людей на «властителей» и «гармонителей». Первые, подобно Сталину, были насильники и разрушители, проливали моря крови. Вторые, подобно Горбачеву, исцеляли раны, возвращивали, как садоводы, а не рубили, как лесорубы.

Был страстный аналитик, полагавший, что Советский Союз следует раздробить на восемьдесят частей и каждую отдельно встраивать в европейскую цивилизацию, тем самым наполняя содержанием формулу: «Европа — наш общий дом».

Изможденный писатель, хлебнувший горя в сталинских лагерях, хотел, чтобы каждый конвоир и надзиратель, каждый чекист и член трибунала посадил яблоню, и, когда дерево покроется цветами, они будут прощены.

Другой писатель, напротив, требовал выявить всех, кто был причастен к репрессиям, чтобы их все-народно судить, объявив Коммунистическую партию и госбезопасность преступными организациями.

Кто-то предлагал все ракеты и танки свалить в единую гору, вбить в эту гору огромный железный кол и назвать это сооружение «Горой мира».

Известный историк предлагал переименовать Россию в Московию. Другой историк полагал, что казаки и поморы — не русские, а совсем особый народ. Третий считал, что Ленина следует извлечь из мавзолея, отправить в стеклянном гробу в круиз по континентам, выставлять в мировых столицах, но брать за это деньги, пополняя оскудевший бюджет.

Петр Дмитриевич вспоминал это время, как время колдовства. В околдованных людях просыпались притаившиеся сущности, и люди начинали летать. Раз в году из муравейника появляются крылатые муравьи, вьются поблескивающим роем, а их бьют на лету пучеглазые голубые стрекозы.

Потом появились танки. Они катили по улице Горького, грызли асфальт, окутанные синей гарью. Стекла дрожали. Танки угрюмо качали стволами. Один танк попятился кормой, встал у памятника Пушкину, направил орудие на перекресток.

Тогда же по телевизору он слушал заявление первых лиц государства о создании комитета, который брал на себя управление страной. Среди его членов он узнал Богданова, создателя «Энергии» — «Бурана».

Улицы вмиг опустели. Так холодный ветер сдувает комаров-толкунов.

Он смотрел на танки, вспоминая бронеколонны на афганских дорогах, и ему казалось, что война докатилась теперь до Москвы.

Однако с полудня люди снова появились на улицах. Опасливо обходили танки. Осторожно к ним приближались. Здоровались с танкистами. Выносили из домов бутерброды, кофе в термосах, бутылки с водкой. Появились девушки, ярко накрашенные, смешливые. Одна поцеловала танк, оставив на броне отпечаток помады. Другая залезла на броню и обнималась с танкистами, и ее утянули в люк, вглубь танка. На броню бросали цветы. Танки стояли в ворохах цветов, притихшие. Из жерла пушек торчали букетики гвоздик.

А потом танки ушли, и на телеэкране вместо аметистовых балерин и неловких, с дрожащими руками политиков появились бурлящие толпы. Колонна, возглавляемая Ельциным, шла по проспекту. Несли перед собой огромное трехцветное полотнище, как рыбаки несут бредень. Улавливали в этот бредень все новые и новые толпы. Вся Москва, как пойманная рыба, колыхалась в трехцветном бредне.

Ночью он спускался по улице Горького к Кремлю, видя под ногами изрезанный гусеницами асфальт. Былолюдно, как во время гуляний. Незнакомые люди подходили к нему, обнимали, восклицали: «Свобода! Свобода!» Было много трехцветных флагов, цветов. На дощатой эстраде стоял музыкант с черной остроконечной бородкой, с вихрами, похожими на козлиные рожки, и играл на саксофоне. Инструмент извивался в его руках, как серебряная змея.

Казалось, что дует горячий ветер, могучий сквозняк. Выдувая из города воздух, уносит с земли атмосферу. Город задыхался, здания иссыхали, становились плоскими, шелушились. С них опадала чешуя.

На Лубянской площади здание КГБ жутко чернело окнами. В свете прожектора, среди кричащей толпы, качался в железной петле памятник Дзержинскому. Люди обращали вверх счастливые лица, глядя на бронзового висельника.

На Старой площади, у здания ЦК, толпились люди. Чернявый верткий парень в джинсах и замызанной майке с изображением американского флага залез по стремянке и долотом сбивал с фасада надпись: «Центральный комитет Коммунистиче-

ской партии Советского Союза». Золотые буквы отскакивали от стены, со звоном падали на асфальт. Люди с хохотом их подбирали. Золоченая буква «М» упала ему под ноги. Он поднял ее и держал.

— Петруха, ты, что ли? С нами? Отлично! — Парень с долотом окликнул его. Это был Фадей Лоб. Спустился по лестнице. Обнялись.

— Мы, пришельцы, установим космический порядок! Пойдем со мной в Белый дом! Там выступает Ельцин!

Фадея закрутили другие люди, куда-то утащили. А он остался один, держа в руке букву «М».

На улицах и площадях дул сквозняк. Незримые духи покидали Москву, уносились туда, откуда когда-то явились.

Что запомнилось Петру Дмитриевичу из последующих лет? События напоминали пластилин, слипались. Из липкого месива полыхал огонь, летели пули, лилась кровь. Кто-то постоянно кричал, звал, проклинал, умолял.

В доме, где он жил, обитали знаменитые поэты, артисты, ученые. На фасаде красовались мраморные и гранитные доски в честь именитых жильцов. Теперь же двор дома облюбовали проститутки. Собирались в сумерках в глубине двора. Подкапывал вместительный джип. В свет фар набегали проститутки. Мерцали их разноцветные юбочки, накрашенные лица. Здоровенный парень обходил их ряд, заставлял поворачиваться спиной, открыть рот. Так на ярмарках покупали лошадей. Три или пять проституток забирались в джип. Машина уезжала, а проститутки оставались в темноте двора, пока не подъезжала другая машина. Утром, когда он выходил из подъезда, в нос шибал едкий запах мочи. Это проститутки ночью мочились у стен дома.

Он недолго выбирал, чью сторону взять среди бесчисленных столкновений. Выбрал ту, что ходила под красными флагами. Вместе с демонстрантами попадал под дубины солдат.

Его били у Белорусского вокзала, когда нестройно шли ветераны, писатели, рабочая молодежь. Они сели на мокрый асфальт, закрыв голову руками, а солдаты внутренних войск ходили среди них и наносили удары дубинами.

Их били у площади Маяковского, когда он нес впереди колонны красный флаг. Навстречу двигался сомкнутый строй солдат в касках, с железными щитами. Когда два строя сошлись, он ударил ногой в железный щит, и гулкий удар слился с другим ударом, прозвучавшим когда-то в Герате.

Их били в Останкине. ОМОН в белых шлемах, размахивая дубинами, вламывался в толпу, и какая-то женщина визжала, карабкалась на фонарный столб, и он видел перед собой узорное литье столба и ее голые ноги.

Он ненавидел. Был готов стрелять в костоломов, в тяжеловесных парней, уводивших в джип раскрашенных девушек, в музыканта, похожего на бородатого козлика с серебряной змеей в руках, в тяжкого, хриплого, жуткого в своей разрушительной мощи Ельцина, окруженного роем крикливых, назойливых, беспощадных сподвижников.

Он был с баррикадниками, которые упорно, как муравьи, сносили к Белому дому из окрестных дворов доски, арматуру, старые ящики и комоды. Громоздили весь этот хлам перед мраморным фасадом Дома Советов. А потом пели, танцевали, читали стихи, ходили крестным ходом, и он нес перед собой тяжелую доску с Богородицей, а над баррикадой трепетали три флага. Красный, Андреевский, черно-золотой Имперский. Там был милый смешливый парень с забавным хохолком. Он кричал кукушкой, одаривая баррикадников долголетием. Его так и звали — Кукушка.

Хождение по черным, без света и тепла, коридорам Дома Советов, где мерцали и гасли фонарики, теплились свечи. Вспыхивал на мгновение ствол автомата, нашивка приднестровского батальона, знак баркашовца, золотой погон отставного офицера. Было чувство, что осажденный Дом Советов, окруженный колючей спиралью, цепями солдат, был неприступной крепостью, откуда начнется победное наступление, которое опрокинет ненавистную власть.

Тот чудесный, студеный день, солнце, голубое небо, когда многолюдье прорвало оцепление солдат, разметало колючую проволоку, и состоялось братание, словно соединились два фронта. Люди целовали друг друга. И среди этого ликования, обнимая кого-то, он обратил вверх лицо и увидел в зеленом осеннем небе клин журавлей. Журавли кружились, курлыкали, а потом медленно покинули зеленое каменное небо, и все утихло, провожали печальный клин.

Потом горело Останкино. Грохотали пулеметы, длинные пунктиры врывались в толпу, выстригая в ней пустоты. Он слышал, как чмокнула пуля в бегущую рядом женщину. Шальной бэтээр носился, разрубая толпу. Из люка смотрело сумасшедшее, с белыми глазами лицо водителя. Ненависть к этому водителю, к осатанелому бэтэеру была столь велика, что он кинул бутылку с бензином. Промахнулся. Бензин горел на асфальте, а по нему с воем бежали люди.

Он вернулся в Дом Советов, лег на пол и завернулся в ковер. Дрожал, то ли от холода, то ли дала себя знать контузия, которая вновь в нем воскресла.

Танки били болванками по Дому Советов стоя на мосту, вздрагивая при каждом выстреле. Он ждал, когда в окно ворвется снаряд, расплющит его красной кляксой. Паренек, которого звали Кукушкой, взял образ Богородицы и вышел навстречу танкам. Шел, пел, куковал, выставил икону, умоляя

прекратить стрельбу. Его скосила пулеметная очередь, и он остался лежать на асфальте.

Их выводили из Дома Советов с поднятыми руками. Рядом бесновалась толпа, размахивала велосипедными цепями. Было солнечно, жутко. Униженный, попраный, он покидал Дом Советов. Сзади разгорался пожар, белые стены лизала черная копоть.

Он бежал из проклятой Москвы, спасаясь от погони. За ним гнались духи в черных масках. Сквозь прорезь смотрели свирепые, налитые кровью глаза. Их вел по следу музыкант, похожий на козлика. Путь указывала серебряная змея.

Он пересаживался с поезда на автобус, с попутной машины на электричку. Путал следы, кидался вспять, ночевал на вокзалах и вскакивал ночью, слыша приближение погони. Он убегал, не зная куда, гонимый едким страхом, слыша за спиной стук солдатских сапог, рев толпы, хруст стены, которую пробивает снаряд. Стремился туда, куда во все века стремились беглые каторжники, староверы, попы-расстриги, измученные крепостные крестьяне. Огромный русский ветер раздувал его пальто, гнал на восток, пока вдруг не утих.

Он стоял на берегу осенней реки, на окраине села. Кругом великолепными иконостасами золотились леса, синели ели, летела в небе одинокая сорока, дрожала на реке студеная рябь.

Он очнулся. Бег его прекратился. Именно сюда он стремился. Мечтал о реке, о синих даях, в которых туманились золотые леса, о холодной капле дождя, которая упала ему на лицо. Он вздохнул, благодарный кому-то, кто смотрел на него из осенней тучи. Пошел в село, в крайний дом, протиснуться на постой.

Он поселился у одинокой старушки, тети Поли, которая охотно отвела ему каморку за печкой. Устроился лесником, и началась для него удивительная жизнь среди лесов, туманных просек, болот со ржавыми камышами.

Он срывал с куста малины запоздалую ягоду, чувствовал на губах ее сладкую каплю. Слушал, как стихает стрекот улетающего рябчика. Видел, как из ельника просовывается губастая лосиная голова с фиолетовыми глазами.

С лесниками, деревенскими мужиками, они клеймили лес, и он ударял в гулкий ствол железным клеймом. Собирали еловые и сосновые шишки на семена, чтобы высаживать на горячих и пустошах хвойные саженцы. Пили водку, сначала молча, а потом все разом начинали галдеть, и он любил их гомон, их обветренные небритые лица, их хитрости, когда они сбывали на сторону незаконно спиленный лес, их издевки над начальством и незлые насмешки над ним, горожанином, профессорским сыном, занесенным в их глухомань.

В селе была библиотека, большая, запущенная, примечательная тем, что в нее в смутные времена свозили книги из разоренных дворянских поместий. В ее собрании были великолепные дореволюционные издания Гоголя, Лермонтова, Достоевского. А также советская фантастика. Он забирал книги, уносил в свою избу и читал, сидя за печкой.

В короткие зимние дни он бродил по лесам на широких охотничьих лыжах. А в долгие вечера садился за книги в своей каморке.

Натопленная печь слабо пахла медом. Тетя Поля раскладывала на столе карты, тасовала дам, королей и валетов. А он читал.

Прочитал всех русских поэтов от Федора Глинки до Твардовского. Всех русских прозаиков и советских фантастов. И по мере того, как читал «Войну и мир», или «Братьев Карамазовых», или «Час быка» Ефремова, в нем росло чувство, что все они, писавшие свои дивные поэмы и романы, стремились познать неведомую высшую тайну, которая, непознанная, присутствовала в мире, витала над землей, манила. Они приближались к ней, почти касались, а потом отступали, умирали, не дожив до божественного откровения.

Он прочитал хранившееся у тети Поли старенькое Евангелие и понял, что этим откровением было Царствие Небесное, где нет смерти, нет гнета, нет боли и где люди встретятся, забыв о земной вражде, ведая только любовь. Каждый русский писатель на свой лад писал свое евангелие, выводил путь, по которому можно его достичь.

Это стремление русских писателей к недостижимому Царствию Небесному он назвал «Русской Мечтой». Он и сам, подобно русским писателям, жил Мечтой. Был Мечтатель. В Афганистане, когда сидел в стальном коробе гусеничной машины. В толпах, шумящих под красными флагами. На баррикаде, неся в руках икону Богородицы. Он был Мечтатель, но не догадывался об этом. Теперь же это ему открылось.

Зимняя ночь. Крохотное оконце в узорном инее. Тетя Поля спит. Он читает, и ему кажется, что сейчас распахнется потолок, откроется звездное небо, и он устремится в сверкание, в мерцание светил, которые расцветут сказочными цветами, несказанными дворцами. Теми, которыми полнятся русские сказки.

Весной, когда таяли снега и кусты на опушках наливались живыми соками, стояли, как розовые и золотые шары, в селе появилась молодая женщина. Приехала из города погостить у тетки на время, пока муж находился «на северах», зарабатывал деньги. Ее звали Вера. Она была статная, с пышной грудью, шла по селу, улыбаясь, не поднимая глаз. Знала, что из всех окон наблюдают за ней. За ее сапожками, меховым тулупчиком, цветастым платком, белым

свежим лицом, на котором румянились губы, чернели подведенные брови, улыбались карие ласковые глаза. Он повстречал Веру на улице, поздоровался. Глаза ее были веселые, приветливые, словно знала, что после этого ласкового взгляда он станет думать о ней, искать новой встречи.

И встреча состоялась.

Из темного неба сыпал мокрый снег. На улице ни души. Кое-где чуть теплятся окна. Они с Верой идут за село, откуда дует просторный ветер весны, пахнет тальными снегами, мокрой пашней, сырими очнувшимися лесами. Они идут вдоль реки по ночной дороге. Ни пешехода, ни автобуса, ни машины. На реке в тумане плывет огонь, рыбаки в лодке ловят на свет рыбу.

— Это Боги! Это русские Боги! — говорила Вера.

Он не понимал, о каких богах она говорит, но чувствовал, как вокруг витают незримые духи.

— Это русские Боги! — повторяла она.

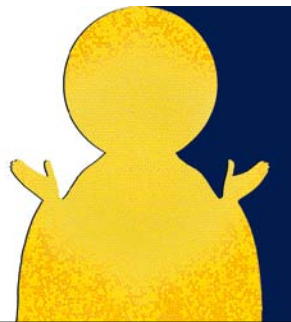
Он и Вера окружены светящимся туманом. Ночным открывшимся зрением он видит ее мокрое от дождя лицо, дышащие губы. Говорит ей о Мечте что-то несвязное, восхитительное. Она отвечает ему такой же несвязной речью о русских Богах, которые привели их на берег весенней ночной реки. Он обнимает ее среди этой весны, опьяняющих ароматов, у туманной реки, по которой плывет волшебный огонь. Мечта — она вот, рядом.

Автобусная будка, пустая, с шелестящим по крыше дождем. Он в темноте обнимает ее, целует холодное, смеющееся лицо, прижимает губы к горячей открытой груди. Скамья, на которую он ее опустил, тесная, сырая. Ее тихий смех, громкий глубокий вздох. Они поднимаются, выходят на дождь и молча идут по дороге в село. И в нем такое счастье, легкость, благоговение перед ней, подарившей ему эту весну, незабываемую ночную дорогу, уплывающий в тумане огонь.

К лету она уехала, не простившись. Ее увез вернувшийся муж, и больше он ее не видал. Но всю жизнь вспоминал их тайные встречи, маленькую светелку, где она жила, и он прокрадывался тайком, пробирался на ощупь сквозь темные сени в теплую комнатку, где на стене висела гитара, стояла высокая, с жестяными шарами кровать. Ее полное, голое в темноте плечо. Шары на спинке кровати, как серебряные слитки. Он засыпал, обняв ее грудь. На рассвете ушел, и она что-то сонно, улыбаясь, произнесла на прощание. Он вышел на крыльцо. Стояла огромная малиновая заря, отражаясь в реке. Река остановилась, отяжелела от зари. Земля оставалась темной, на темной горе цвела черемуха, пахло горечью, и по всей горе пели соловьи. Он стоял, счастливый, любящий, среди соловьиных свистов, под малиновой весенней зарей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вскоре и он оставил село и пустился в странствия. Не задерживался подолгу на одном месте. Менял работу, пробуя себя трактористом, рабочим в геологической партии, охранником, каменщиком на стройке.

Мимо него, не задевая, не роняя, прошли чеченские войны, сначала одна, потом другая. Сменилась власть. Страну терзали теракты. Он отмахивался от них, сторонился московских треволнений и бурь.

Свою великолепную московскую квартиру он сдал богатому армянину. Тот высылал ему деньги, большую часть которых он не тратил, а сберегал.

Мечта о сказочном царстве, о небесном чуде, о вселенском братстве не оставляла его. Он видел, что русский народ-мечтатель, создавший великое государство между тремя океанами, теперь потерял Мечту. Государство разрушалось и падало, а вместе с ним погибал народ.

Признаки этой гибели наблюдались повсюду. Город, который когда-то расцвел вокруг оборонного завода, теперь, когда завод закрыли, — превращался в руину. Дом культуры, стадион, памятник советскому солдату ветшали, шелушились, тонули в мусоре. Рабочие превратились в бродяг, слонялись без дела. Растаскивали бесхозный завод, тащили в свои утлые жилища бессмысленные обломки. Приборы, трубы и вентили, листы железа, детали неведомых изделий, которые прежде мчались в небе, плыли под водой, взлетали на орбиты. Люди, как молчаливые муравьи, тащили мертвых личинок, и глаза их были полны тусклого дыма.

В большом придорожном селе, где когда-то славился богатый совхоз, колосились поля, гуляло тучное стадо, теперь вместо коровников стояли скелеты, поля зарастали лесом, заборы повалились. Мужики спились, гурьбой слонялись по улице, осаждали магазин, вымаливая у продавщицы бутылку. Женщины, оставляя дома детей, молодые и старые, выходили на дорогу, предлагая себя дальнотойщикам. Возвращались в село с размазанной по лицу помадой.

Он видел страшную драку цыган и русских. Хрустели кольца, хрюстали железные шкворни. Бо-

родатый цыган держал на ладони свой кровавый вытекший глаз. Русский парень схватился за бок, в котором торчала финка. Мужики с двустволками палили картечью, и цыгане убегали, волокли по земле убитых и раненых.

В городке судили подростков. Ученики старших классов изловили молодую учительницу, привязали к столу и насильовали всем классом. Вытолкали голую на улицу.

Он видел, что в народе поселился зверь. Народ-великан, народ-мечтатель, победивший в страшной войне, полетевший в Космос, потерял Мечту и превратился в народ-лилипут, народ-малOVER. Невыносимым страданием была жизнь среди погибающего народа, и он думал, как вернуть народу Мечту.

Он осел в небольшом губернском городе, поступил в институт на исторический факультет и окончил его заочно. В институте был интернет-кабинет. Он часами плавал в таинственной ноосфере интернета, читая философов, историков и богословов, статьи которых он когда-то находил в журналах «Аполлон» и «Весы», пахнущих горьким миндалем. Теперь же эти мудрецы говорили о существовании восхитительного царства, к которому во все века стремилась русская душа. Почти достигала ослепительного чуда и вновь срывалась в сумерки.

Он чувствовал свое предназначение. Он должен изгнать из народа зверя и вернуть народу Мечту.

Однажды он шел по горячим лугам, перебрал студеные ручьи. Кругом все цвело, благоухало, летали стрекозы, кружили бабочки. Высоко парил медлительный ястреб. Блестела река. Он шел без усталости, среди колыхания трав и блеска солнечных вод, и его душа молитвенно стремилась ввысь, взывала, ожидала долгожданного чуда. Вдруг полыхнули воды, ослепительно вспыхнули травы, взлетели из воды все рыбы, метнулись все луговые птицы. Могучая бесцветная вспышка ослепила его. Он поднялся ввысь и оттуда увидел всю землю, все небо, все мироздание. Оно цвело, благоухало, было волшебным садом, и в этом саду было множество прекрасных людей. Его бабушка, мать, и отец, и молодой лейтенант, погибший под Гератом, и те

жених и невеста, сторевшие в Доме Советов, и зарезанный в драке парень, и изнасилованная учительница, найденная в петле. Все были живы, прекрасны, любили друг друга.

Это длилось мгновение. Вспышка погасла. Он спустился на землю, стоял в ручье, и вокруг сновали стрекозы. Он побывал в сказочном царстве. Ему открылось небывалое знание. Он был там, куда звала Русская Мечта, где нет смерти, а только одна любовь.

Это чудо было сладостно, несказанно. Он ждал его повторения. Бродил по тем же лугам, перебрал те же ручьи. Но чудо не повторялось. Тихо остывало, рождая печаль.

Но вдруг он увидел сон. Ему явилась Русская Мечта в виде золотой мозаики, которой выкладывают в храме изображение Богородицы. Он не знал, в каком храме сияло это золотое изображение — в Святой Софии Цареградской, или в Софии Киевской, или Новгородской. Быть может, оно сияло в том царстве, что явилось ему среди лугов и ручьев.

Изображение Богородицы состояло из множества золотых частиц. Каждая была таинственным кодом, пробуждала в народе его сокровенные свойства, делала народ необоримым мечтателем. Эти коды в виде золотых частиц были выложены в особом порядке, в особой последовательности. Только при этой последовательности возникало изображение Богородицы, слагался образ Мечты.

Несколько золотых частиц не хватало, и он во сне принялся их искать, чтобы заполнить пустоты.

Сон был яркий, огненный, запечатлелся в нем, как отгиск. Сохранился после пробуждения. Он видел последовательность кодов, видел пустоты недостающих частиц. Коды складывались в таблицу, которую предстояло дополнить.

Он записал свой сон. Нарисовал Богородицу. Начертил таблицу, в которой каждый код будил в народе то или иное чувство, а все вместе они рождали Мечту.

Он стал обладателем таинственных знаний, хранителем волшебных кодов. Владел чудотворной таблицей, коды которой преображали народ. Возвращали народу Мечту.

Он описал явленное ему видение, отправил в местную газету. К удивлению, это описание было опубликовано под рубрикой «Чудаки».

Он написал другую работу, о Русской Мечте. Послал в московскую газету. Статья была напечатана в рубрике «Нечто».

Его пригласили в Москву на телепрограмму, занимательную и веселую.

Он поехал, выступил в программе. Это выступление, его рассказ о Русской Мечте породили несколько других приглашений, в другие программы, развлекательные и научные. «Мечта» кружила

воображение редакторов и телеведущих. Он решил, что так проявляет себя то несказанное чудо, которое его посетило в лугах. Тот сон, в котором ему явилась таблица. Когда вспышка, что его ослепила, утратила свой слепящий свет, он стал различать множество новых явлений, о которых раньше не ведал. Ему стало открываться таинственное содержание русской истории, тайные коды, которые в ней хранились и позволили народу создать непомерное государство среди трех океанов.

Он стал различать музыку русской истории, «музыку русских сфер». Невидимый пианист играл на поднебесном рояле. Нажимал одну клавишу, и русские землепроходцы и казаки выходили к берегу Тихого океана, смотрели, как всплывает из пучин сказочная рыба-кит. Нажатие другой клавиши, и русские танки танцуют кадрили на бункере имперской канцелярии, закупоривая вход в преисподнюю. Нажатие третьей клавиши, и русский человек с белоснежной улыбкой летит в Космос.

Наконец, после долгих скитаний, он вернулся в Москву. Продал дорогую квартиру на Горького. На вырученные деньги купил небольшой двухэтажный домик в ближнем Подмосковье и машину. Перевез из московской квартиры мебель, старомодный книжный шкаф, старинный письменный стол, светильник из наборного стекла. Оставались деньги от предыдущих накоплений, что позволяло ему скромно существовать, не заботясь о хлебе насущном. Он насадил вокруг дома ели, сосны, дубы и клены. Завел кота и стал жить, совершая наезды в Москву, проповедуя Русскую Мечту. Продолжал заполнять в таблице редкие пустоты, искал недостающие частицы, чтобы золотая Богородица воссияла над Россией, как солнце.

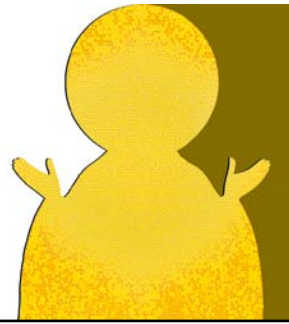
Бумажный лист, на котором была нарисована явленная во сне таблица, Петр Дмитриевич сжег. Она была у него под сердцем. Он видел ее внутренним оком. Мог воспроизвести во всей полноте. Понимал, что обладает сокровищем. Это сокровище вручил ему сам Господь. Выбрал из миллионов людей и открыл тайну, как божественная воля сотворила Россию. Он понимал, что этой тайной могут воспользоваться дурные люди. Те, кто замышляет против России зло, кто лишил народ Мечты и не желает ее возвращения.

Петра Дмитриевича посещали страхи. Он боялся нападения. Боялся не за себя, а за дивное сокровище, которое могут украсть, вырезав вместе с сердцем.

Сорокасемилетний Петр Дмитриевич Агеев, сухощавый, с серыми, тихо сияющими глазами, сдержанный, но вдруг начинавший проповедовать, — таким он предстал в московских кругах, где его принимали одни за чудака, другие за колдуна, третьи за актера, умевшего морочить голову публике.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кот, которым обзавелся Петр Дмитриевич, получил имя Кузьмич. Михаил Кузьмич — так звали школьного учителя словесности, который являлся на урок в застиранной косоворотке, с поношенным портфелем, неловко усаживался, хватая край стола костлявой пятерней, и читал нараспев стихи. Его глаза широко раскрывались, словно он видел бесконечные чудные дали.

Петр Дмитриевич полагал, что Михаил Кузьмич не умер, а переселился в кота, чтобы не расставаться с любимым учеником. Теперь, спустя много лет, между ними по-прежнему сохранялись отношения взыскательного педагога и прилежного ученика.

Кот Кузьмич был крупный, пушистый, с темными полосами на бежевых боках. У него были великолепные усы и большие золотые глаза, которыми он страстно и неотрывно смотрел на Петра Дмитриевича. Черные зрачки, окруженные золотом, уводили в бесконечный сумрак Вселенной, открывали вход в миры, где горели звезды, пылали светила, реяли неведомые духи, непостижимые для Петра Дмитриевича, но доступные коту. Заглядывая в эти немигающие огненные глаза, Петр Дмитриевич сочетался с тайнами мироздания, а также с земной природой. С птицами, за которыми охотился Кузьмич. С шелестящими в траве мышами. С бабочками, за которыми гонялся кот. С таинственной жизнью окрестных садов и огородов, где протекала ночная жизнь кота.

Русский фольклор, чудесные сказки убеждали, что переселение душ возможно. Царевич обращался в серого волка. Дева переселялась в плачущий тростник. Витязь кидался через плечо и становился ясным соколом. Поэтому превращение Михаила Кузьмича в кота не вызывало недоумения. Являлось русским волшебным кодом, делающим человека созвучным природе и всей вселенной.

Кот много гулял по окрестностям. Дома спал на излюбленном месте рядом с книжным старинным шкафом с запахами горького миндаля. Когда Петр Дмитриевич ложился отдохнуть на диван, кот запрыгивал ему на грудь и вытягивался, придавливая своей тяжестью. Золотые глаза гасли, он тихо мурлы-

кал, не позволяя Петру Дмитриевичу шевельнуться. Демонстрировал свою полную власть над ним.

Утром Петр Дмитриевич выпустил Кузьмича из дома, наблюдая, как тот осторожно, чутко вдыхая запахи трав и деревьев, направляется в кущи, исчезает в мире кузнечиков, мышей, трясогузок. Сам же Петр Дмитриевич погрузился в черный, повидавший виды «опель» и отправился в Москву на телешоу, куда был зван как «курьезный мечтатель».

Студия помещалась в здании огромного завода, где прежде создавались могучие машины, строились исполинские агрегаты. Завод рухнул, его разобрали на части, как разобрали на части «красную страну». Обломки станков и кранов, осколки машин и агрегатов пустили на переплав. В пустых цехах разместились телестудии и фотоателье, пиар-конторы и юридические консультации. Места инженеров и рабочих заняли нотариусы, продюсеры, рекламные агенты. И только у высоких закопченных сводов реяли духи небывалых изделий.

Программа, куда был приглашен Петр Дмитриевич, называлась «Культурное побоище». Художники, писатели, режиссеры, исповедующие разные взгляды на политику и культуру, сходились в жестокой схватке. Кричали, оскорбляли друг друга. Ведущий Борис Журавлик не давал утихнуть сражению, умело стравливал соперников. Казалось, вдыхал парной запах, какой возникает во время случки собак. Зрители ужасались и восхищались, нажимали на кнопки пластмассовых пультов, выражая предпочтение тому или иному гладиатору.

Соперником Петра Дмитриевича был культовый режиссер Эраст Богоносцев. В его спектаклях пьесы русских классиков обретали вид чудовищных фарсов, уродливых оргий. Русская жизнь, русские персонажи превращались в устрашающий скабрезный анекдот, в собрание смехотворных уродцев. Эраста Богоносцева поощряли премиями. На его спектакли приходили министры, депутаты Государственной думы.

Петра Дмитриевича усадили в кресло на подиуме. Рядом разместился Эраст Богоносцев. У него был гордый заостренный нос, похожий на

клюв. Голова была надменно откинута, будто он готовился нанести удар клювом. Глаза под черными бровями сверкали, ходили кругами, словно выглядывали жертву, которую надлежало клюнуть. Узкие губы усмехались, как если бы реальность, его окружавшая, была смехотворна, заслуживала издевки. Из рукавов черного сюртука выглядывали кружевные манжеты. Руки были нежные, ухоженные, как у женщины, с розовым маникюром. На пальце сверкал перстень с темным бриллиантом.

Борис Журавлик встал между Петром Дмитриевичем и Эрастом Богоносцевым. Простер над ними руки, покачивал ими, словно это были чаши весов.

Он был мягкий, полный. Его плоть оплывала от плеч к бедрам, как оплывает из квашни перезревшее тесто. Голый череп блеснул. Щеки сдобно обвисли. Веселые глазки сияли, как масляные лампадки. Он передвигался мелкими шажками, разведя мыски, будто вместо ног у него были ласты.

Зал был полон зрителей, в большинстве своем театралов, явившихся поддержать обожаемого режиссера. В руках у всех были пластмассовые пульты, сигналы от которых выводились на экран.

— Господа, — Борис Журавлик голосом циркового конференсье обратился к залу, — и вновь перед нами поле брани, где в страшном побоище сойдутся два непримиримых бойца. Их битва будет беспощадна. Нас забрызгают кровью. Отсеченные руки, вырванные языки, выбитые глаза будут разбросаны по рядам. Одна из этих прекрасных голов покатится вам под ноги. Такова схватка современных идей. — Борис Журавлик сокрушенно вздохнул, сожалея о жестоких нравах, царящих в культуре. — Приветствую нашего великого режиссера Эраста Богоносцева, чьи огненные спектакли испепеляют утлую традицию, открывают путь в пугающее ослепительное будущее. Увлекают за собой самых отважных и дерзких, многие из которых присутствуют сегодня в зале!

Зал отозвался овациями. Было много молодых людей, стильно одетых. Среди них интеллигенты постарше, не пропускавшие скандальные премьеры и авангардные вернисажи.

— Богоносному витязю дерзнул противостоять Петр Агеев, открыватель Русской Мечты, составитель волшебной «Таблицы Агеева». С ее помощью он надеется разбудить богатырские силы, дремлющие в русском народе. Пожелаем ему успеха!

В ответ раздались редкие хлопки. Пожилая женщина в блеклом платье, сутулый старичок с седыми усиками, девушка провинциального вида, казавшаяся измученной и забитой, — они захопали и тут же устыдились своих хлопков.

Петр Дмитриевич чувствовал враждебность зала. Лукавые глазки ведущего сулили ему поражение.

— Начнем поединок! Первое слово Эрасту Богоносцеву!

Режиссер милостиво усмехнулся. Все вокруг — и зал, и преданные обожатели, и велеречивый Борис Журавлик, и скромный старичок с усиками, и он сам, оказавшийся актером на чужой сцене, — все заслуживало иронии и сарказма. Эраст Богоносец отвел назад остроносую голову, страстно взглянул на Петра Дмитриевича и клюнул его. Резко закивал, задвигал кадыком. Казалось, он вырвал из добычи сочный клок и жадно проглатывал.

— Мы существуем в квантовой реальности, когда единица больше, чем двойка, черный квадрат превращается в раду, неподвижность стремительней скорости света. Спираль галактики повторяет спираль генома, а цифра, что умертвляет живое слово, становится залогом бессмертия. — Эраст Богоносец долбил клювом Петра Дмитриевича, заклевывал насмерть. — В этой квантовой реальности, где волна ослепительной красоты превращается в черный фотон уродства, наши русские традиционалисты, весталки погаснувшего огня, выносят на сцену старый сундук. Вытаскивают из него плисовые штаны дяди Вани, сальный корсет Раневской, сапоги бутылками и зипун. Называют все это «русскими кодами». Сморгаться в два пальца, закусывать рукавом, бить девок по заднице деревянной лопатой — это и есть ваши «русские коды»? Ваши «русские глаголы вечной жизни»? — Эраст Богоносец захохотал, открыв черно-красный зев, в котором клокотала ярость. — Мой театр — это кузница, в которой мы дробим эти мертвые коды. Срываем печати с могильного склепа, где лежит омертвевшая Россия. Хотим поднять Россию из гроба. Разбудить любой ценой, даже прижигая ее сигаретами. В этом видим призвание современного русского искусства!

Эраст Богоносец победно откинул голову, сверкал глазами, словно искал несогласных, чтобы их заклевать.

Зал аплодировал. Молодая женщина с голубыми волосами и пунцовыми воспаленными губами крикнула: «Виват!» Мерцали вспышки. Кто-то кинул на подиум красный цветок.

— Великолепно! — восхищался Борис Журавлик. — Разящий удар! Быть может, «удар милосердия»? Ваш ответ, господин Агеев!

Петр Дмитриевич растерянно смотрел в зал, видел ироничные, любопытствующие лица. Режиссер был похож на беркута, чей клюв больно его изранил. Этот клюв продирался под сердце, где таилась драгоценная таблица. Хотел ее вырвать, разметать на множество золотых частичек.

Петр Дмитриевич сберегал сокровище, заслонял его сердцем, чувствовал проникающие ранения в сердце. Искал и не находил слов. Путано произнес:

— Нельзя прижигать сигаретами. Разве можно большую мать прижигать? Огни не погасли. В храме сумрак, но лампы горят. Русские коды, как бриллианты. Нельзя класть бриллианты на наковальню под удары кувалды! — Петр Дмитриевич замялся, сбился, умолк.

— И это все? — удивился Борис Журавлик. — Что ж, похвально, похвально! Особенно про бриллианты! Про ваш перстень, Эраст! — Он улыбнулся, сочувствуя немощному Петру Дмитриевичу. Зал отозвался улыбками и смешками.

Эраст Богоносцев взмахнул руками, словно собирался взлететь. Заплескались кружевные манжеты. Сверкнул черный перстень. Его голос был властный, с колдовским рокотом. Он был чародей, повелевающий заколдованными душами:

— Россия — это затонувшая подводная лодка. Она лежит на дне. В ней поселились глубоководные рыбыны, крабы, осьминоги. Она обросла ракушками. И не дай бог, она снова всплывет! Миру хорошо без России. В мире совершаются небывалые открытия, рождаются нобелевские лауреаты, возникают восхитительные театральные и литературные школы. Люди берегают природу, будь то лист папоротника или кристалл арктического льда. Охраняют зверей и птиц, набожно относятся к человеческой жизни и человеческой душе. Но если Россия всплывет, опять начнется мировая жуть. Двинутся по планете красновоздушные армии, поднимутся вышки концлагерей, будут расстреливать поэтов и философов, и символом нового мира станет хамский солдатский сапог и грузинские усы под кокардой. Русские интеллигенты не позволят поднять со дна это утонувшее чудище. Мы уничтожим коды апокалипсиса!

В зале хлопали. Борис Журавлик протянул к Эрасту Богоносцеву руки, словно держал на них блюдо, угощал зал:

— Ваш черед, господин Агеев. Заступитесь за матушку-Русь!

Петр Дмитриевич молчал. Он был заколдован чародем. Его мысли оледенели, как замерзшие волны на застывшем озере. Он не пускал чародея себе под сердце, где таился бесценный клад, животворящая «Таблица». Позволял стальному клюву терзать плоть, не допуская его к золотой Богородице.

— Нет, нет, Россия не утонувшая лодка! Она Ковчег спасения! Европу зальет вода, и европейцы приплывут к нам на своих утлых челнах, и мы их примем, как братьев!

Веселые лучики сыпались из глаз Бориса Журавлика. Он наслаждался, видя немощь Петра Дмитриевича. Подмигивал залу, извинялся за беспомощность гостя. Эраст Богоносцев не торопился

добивать свою жертву. Его клюв наметил место, куда будет нанесен завершающий удар.

— Почитателям моего театра будет интересно узнать, что я начал работу над новым спектаклем. Мы ставим «Евгения Онегина» Пушкина, но в новой редакции. Мы спасаем Пушкина от забвения. В прежнем виде он несносен, его отвергает современное сознание. Мы воскрешаем мертвого Пушкина. В нашем случае Евгений Онегин является хибстером, который умертвил своего богатого дядюшку с помощью полония и завладел его имением на Рублевке. Соседом Евгения Онегина оказался молодой блогер и поэт Владимир Ленский. Он, как и Евгений Онегин, — гей. Между ними возникает любовь, которая заканчивается однополым браком. Вдвоем они навещают гостеприимную семью Лариных. Ветеран внешней разведки Иван Ларин, он же дядя Ваня, является опекуном трех сестер Лариных — Татьяны, Ольги и Вероники. Сестрам скучно на Рублевке, они рвутся в ночные клубы и то и дело восклицают: «В Москву! В Москву!» Евгений Онегин, будучи бисексуалом, влюбляется в Татьяну Ларину. Ленский ревнует Онегина, и тот умертвляет блогера с помощью газа «Маячок». Посмертно Ленский получает Нобелевскую премию, а Онегин, совратив Татьяну и убив Ленского, боится преследования и скрывается в Лондоне. Дядя Ваня берет на себя грех племянницы Татьяны и женится на ней. Две других сестры, Ольга и Вероника, становятся проститутками и в составе эскорта выезжают по всему миру. Однажды в Лондоне на развратной вечеринке они встречают Евгения Онегина. Вспоминают свое целомудренное прошлое и восклицают: «В Москву! В Москву!» Онегин на берегу Темзы убивает чайку, приносит сестрам, и они смотрят на бедную птицу, которая напоминает им Татьяну. Та к тому времени овдовела, ибо дядя Ваня умер. Узнав об этом, Евгений Онегин устремляется в Москву с криком: «Карету мне! Карету!» На этом спектакль не заканчивается. Пушкин спасен. Он вышел из склепа, куда его заточили блюстители традиционных ценностей с их дурацкими кодами и таблицами. Пушкин снова среди нас, завтракает по утрам в ресторане «Пушкин» в обществе миллиардера Тайванчика!

Эраст Богоносцев торжествующе смотрел на соперника, отпуская ему еще несколько минут жизни, прежде чем ударит в него отточенным клювом. И тогда восхищенный зал увидит, как хищный коршун станет хлопать крыльями над несчастной жертвой, добывая ее беспощадным клювом.

Петр Дмитриевич испытал легкий толчок, какой случается в момент пробуждения. Волшебная «Таблица», дремавшая под сердцем, вдруг просияла дивными переливами. Дурной сон оборвался. Петр Дмитриевич выходил из сна свежим, помолодевшим

шим, с сияющими глазами. Он не испытывал неприязни к хулителю, к его словам, которыми тот стремился причинить боль. Отточенный клюв не наносил вреда. Петр Дмитриевич не чувствовал боли, не подчинялся лукавым правилам, которые придумал вероломный Борис Журавлик. Петр Дмитриевич был волен, не подвержен злым чарам.

— Известно, что Адольф Гитлер, желая вдохновить немецкий народ, утративший волю, веру, поверженный физически и духовно, создал тайный орден, секретное подразделение «Аненербе». Чародеи подземных глубин и маги «Аненербе» находили истоки «сумрачного германского гения» в древнем эпосе. В мифах о нибелунгах, о Зигфриде, о золоте Рейна. Гитлер подключил немцев к тайным кодам немецкой истории, и эти коды сотворили Германию, которая покорила Европу. Сделали немецкого солдата непобедимым. Этого непобедимого жестокого солдата Гитлер бросил на Россию.

— Позвольте, господин Агеев, при чем здесь Пушкин? Где Пушкин, а где Зигфрид? — Борис Журавлик смешно скосил нос в одну, потом в другую сторону, видимо изображая Гитлера и Пушкина.

Петр Дмитриевич не обратил внимания на ироничную гримасу.

— Перед войной Сталин повелел сделать Пушкина самым великим и известным советским поэтом. Пушкина издавали миллионными тиражами, его стихи читали по радио, декламировали в школах, в рабочих коллективах, на приграничных заставах. Звучали романсы на слова Пушкина. Шли оперы по мотивам пушкинских поэм и сказок.

— Ну это же «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой!» — перебил Петра Дмитриевича Борис Журавлик. — Что вы можете возразить Эрасту Богоносцеву?

— Пушкин был тем колодецем, из которого пил перед боем советский народ. Пушкин будил в русском человеке потаенные коды, которые сделали русского человека самым трудолюбивым, возвышенным, верящим и бесстрашным. Позволили русскому народу создать невиданное государство между тремя океанами. Эти пушкинские коды соединили народ с глубинными силами, сделавшими его неодолимым.

— Вы хотите сказать, что маршал Жуков был пушкинист? — засмеялся Борис Журавлик.

— Русский народ — пушкинист. Пушкин сражался вместе с советскими солдатами под Москвой, громил немцев у Волоколамска и Истры. Он стоял насмерть на Волге под Сталинградом, смыкая кольцо окружения. Умирал от голода в блокадном Ленинграде. Горел в танках на Курской дуге, стена от ожогов вместе с танкистами в лазаретах. Ходил в контратаки с морской пехотой под Севастополем. В Берлине, на куполе Рейхстага, вместе с советски-

ми пехотинцами сжимал древко Знамени Победы. Пушкин победил Зигфрида. «Медный всадник» победил «Аненербе»!

Петр Дмитриевич слышал, как по залу катится ропот. Люди изумленно переглядывались, что-то шептались друг другу. То ли возмущались, то ли соглашались. Усатый старичок бодро расправил плечи, озирался, искал вокруг себя тех, кого взволновали слова Петра Дмитриевича, кто считал себя «пушкинистом». Пожилая женщина распрямилась в кресле, посветлела лицом. Девушка, казавшаяся забитой и изнуренной, улыбалась, ее губы шептались, благодарили Петра Дмитриевича.

Эраст Богоносцев стал похож на ночную птицу, которую ослепил дневной свет. Крутил носатой головой, не понимая, откуда грозит опасность.

Петр Дмитриевич испытал счастливое озарение. Он катился по сверкающей снежной дороге, и в лицо летело множество серебристых снежинок. Чудесный шелест полозьев, лошадь встряхивает заиндевелой гривой, разбрасывает в стороны букеты белого пара, и шишки на елях малиновые в вечерней заре.

Петр Дмитриевич закрыл глаза и читал нараспев стихи, которые изливались из его уст восхитительным нескончаемым потоком, захватили и несли туда, где «бег санок вдоль Невы широкой, девичьи лица ярче роз». Игла в золотой морозной дымке, колонны в белых пушистых шубах, на бронзовом всаднике белая шляпа снега, и он целует на морозе ее мягкие губы, она смеется, отстраняется, и фонарь на Марсовом поле окружен летучими радугами. Обнявшись, идут вдоль Зимнего дворца, и в окнах переливается перламутровый город, над которым в вечернем небе «лоскутья сих знамен победных, сиянье шапок этих медных, насквозь простреленных в бою». Дивизия выдвигалась к Герату, 101-й Гератский полк встретил их кострами, и танки скрипели в песке, пятились среди костров, направляя пушки в ночь. Он вдруг вспомнил отца, его прекрасное печальное лицо в свете настольной лампы, и странный скрипучий звук, словно хрустнула половица паркета. Те зимние бури, что «крыли небо мглою», и он выскакивал из натопленной избы на мороз и смотрел на синюю луну, по которой бежала мгла, ему хотелось подняться на цыпочки, дотянуться до ночного светила и тронуть его губами. В избе тетя Поля раскладывала на клеенке королей и валетов, было слышно, как потрескивает от мороза тесовый забор. Тетя Поля шла в сарай, снимала с насеста кур и несла в избу, опускала в погреб, чтобы птицы не отморозили гребни. У петуха был горячий огненный гребень и яркий мерцающий глаз. Ночью из погреба раздавался крик петуха, и казалось, что в центре земли живет волшебный вещий петух. «Я помню чудное мгновенье». Тот чудесный весенний

дождь, когда таяли ночные снега и пахло первыми распустившимися в оврагах цветами. Они шли с Верой вдоль реки, по которой плыл туманный огонь и раздавались голоса рыбаков. Шоссе было пустынным в дожде, и они спрятались под крышей автобусной будки, видели, как проплывает мимо речной огонь, он обнял ее, целуя холодное лицо и горячую дышащую грудь. И когда расцвела по крутым берегам черемуха, и он выходил от нее под латунной недвижимой зарей, и по всей земле пели соловьи, он испытал ликующую радость и силу под этой недвижимой зарей, среди соловьиного пения, и жизнь казалась ему бесконечной.

Петр Дмитриевич очнулся, улыбался, как блаженный. Не понимал, читал ли он вслух стихи, или они звучали в нем восхитительными видениями.

Зал рукоплескал. Казалось, что по лицам летают зарницы. Пожилая женщина в небрежной одежде помолодела, в ней ожила былая красота, платье ее струилось шелком. Старичок с усиками больше не казался старичком, а выглядел молодежато, рукоплескал и выкрикивал: «Браво!» Девушка уже не казалась опечаленной и усталой. На ее лицо упал луч, озарил, и она стала красавицей. Посылала Петру Дмитриевичу воздушный поцелуй.

— Берите пульты, господа! Нажимайте красные кнопки! Выказывайте свое предпочтение! — Борис Журавлик приглашал зрителей вынести свой приговор и назвать победителя. По экрану бежали цифры. Две трети зрителей присудили победу Петру Дмитриевичу.

Эраст Богоносцев язвительно улыбался, не признавал поражение. Отбросил стул и покинул подиум.

— Вы были великолепны, Петр Дмитриевич. Вы нащупали в людях код, который я бы назвал «код Пушкина». Я поверил в «Таблицу Агеева».

— Вот теперь и вы пушкинист, — добродушно рассмеялся Петр Дмитриевич.

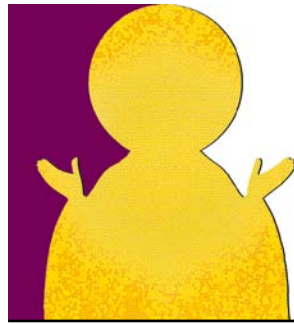
— Я хотел передать вам приглашение. Завтра состоится вечер, который раз в году затевает наша популярная радиостанция «Эхос Мундис». Там будут выдающиеся политики и художники, а также самые прекрасные светские львицы. Вот вам пригласительный билет. — Борис Журавлик протянул Петру Дмитриевичу карту, на которой изображалось ухо с волнами влетающего в него звука. — Надеюсь, завтра снова увидимся.

Петр Дмитриевич, взволнованный успехом, возвращался в свой загородный дом. Покидая вечернюю, озаренную огнями Москву, сворачивая на загородное шоссе, он вспоминал эпизоды недавней схватки. Тот чудесный полет по снежной дороге, золотую иглу, окруженную морозным туманом, и девушку в зале, на которую упал луч и сделал ее прекрасной.

Он поставил машину подле дома, под кленами. После горячей Москвы здесь пахло пионами, темными, полными ночных ароматов березами. У дверей в темноте его встречал кот Кузьмич, нетерпеливо мяукал, требуя, чтобы его пустили в дом.

— Отчитываюсь перед вами, Михаил Кузьмич. Ваши уроки литературы пошли впрок. Пушкин победил, и Петр «промчался пред полками, могуч и яростен, как Бог»! — Он пустил Кузьмича в прихожую, где кот с радостным урчанием принялся поглощать свои лакомства.

Уже в постели, перед сном, Петр Дмитриевич подумал, что прожил день не напрасно. Был открыт еще один русский код — «Пушкин». Золотая Богородица — Русская Мечта — обрела еще одну золотую частицу. «Таблица Агеева» пополнилась еще одним волшебным элементом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Петр Дмитриевич раздумывал, принять ли ему приглашение, поступившее от радиостанции «Эхос Мундис». Посетить ли престижную вечеринку, вход на которую был доступен избранным. Или внять заповеди, гласившей: «Блажен муж, не идущий на совет нечестивых». И словам другой заповеди: «Не ходи в дом врага». Ибо «Эхос Мундис» была радиостанцией «врагов» и «нечестивцев».

Все либеральные кумиры, фрондирующие оппозиционеры, язвительные богохульники, утонченные извращенцы, ниспровергатели основ, духовные смутьяны, безоглядные западники — все получали эфир на «Эхос Мундис». Радиостанция была больше чем радиостанция. Она была партия, искусно управлявшая умами и душами. Была школа, готовящая либеральных политиков. Была организация, подавлявшая «русские коды» везде, где они обнаруживались, — в политике, искусстве, в дискуссиях и спорах. Петру Дмитриевичу, когда он слушал «Эхос Мундис», казалось, что из радиоприемника нескончаемо изливается горячий вар, заливая умы и души раскаленной тьмой. В этой тьме гаснут разноцветные образы Русского мира и вместо них вырастают чертополохи и колючки с огненными цветами преисподней.

Вечеринка проходила в художественной мастерской скульптора-гигантомана. Его латунные великаны высились над крышами городов, рождая в жителях реликтовый ужас, воспоминания о временах, когда землю населяли жестокие исполины. Некоторые из латунных гигантов прохулились от времени и, когда дул ветер, начинали выть, стелать, скрежетать. Это побуждало горожан покидать родные места, у женщин вызывало выкидыши, увеличивало количество самоубийств. Знаменитого скульптора это не останавливало. Громадного роста писатели, цари, полководцы перекликались друг с другом, посылали из города в город стенающий звук, который несся над пустынными полями России, пугая одиноких путников.

Петр Дмитриевич протиснулся сквозь толпу желавших попасть на прием, предъявил в дверях пригласительную карту и оказался в зале приемов.

Просторное помещение напоминало ассирийский или египетский храм. Подобно древним богам, высились громадные статуи, подпирали латунными шлемами, фуражками, бородами сумрачный свод.

Из мрака вдруг начинал смотреть выпуклый, с медным отливом глаз. Вспыхивал жилистый кулак, сжимавший громадный меч. Усы, лишённые лица, казалось, прилетели из Космоса, одиноко висели во тьме.

У ног великанов, у их башмаков, подошв, каблучков кипело многолюдье. Множество возбужденных мужчин и женщин двигались встречными потоками, описывали круги и эллипсы. На мгновение встречались, обнимались, целовались, озарялись ослепительными улыбками и исчезали, чтобы в другом месте снова оказаться в чьих-нибудь объятиях, обменяться поцелуями и легкомысленными фразами.

Петр Дмитриевич был захвачен этим броуновским движением, вовлечен в вязкое кружение. Так движется магма, изливаясь из жерла тягучими языками. Запах, который стоял в помещении, был запахом гари, железного тумана, какой витает над кратером.

Навстречу ему являлось множество лиц, среди них известные политики, журналисты, телеведущие.

Проплыл пожилой, лысый, с белоснежными искусственными зубами телеведущий, бравирующий своим французским и американским гражданством. Приветливо улыбался, зная, что его обожают, что нет ему равных в красноречии и европейском шарме. Промелькнуло узкое, с козлиной бородкой, лицо публициста, который в роковую ночь перед расстрелом мятежного парламента призывал «добить гадину». Прошла в вечернем платье с голой спиной, двигая лопатками, певица, славная тем, что на одном из концертов разделась донага и пела песню «Священная война».

У некоторых в руках были бокалы с шампанским. Они водили глазами в поисках того, с кем можно было бы чокнуться.

Петру Дмитриевичу казалось, что каждый при виде его выделяет капельку яда, обжигая его. Чув-

ствовав, как тело под одеждой начинает гореть, словно его отстегали крапивой.

Все они были специалистами по истреблению «русских кодов». Тот весельчак, вызывающе одетый в цвета тропического попугая, занимался осквернением православия. Другой, жеманный, манерный, похожий на даму, потешался над русскими народными песнями, превозносил реп. Третий, с радужным бантом, делал репортажи из Амстердама, где в кирхах совершались однополые браки.

Петру Дмитриевичу начинало казаться, что его окружают загадочные насекомые. У каждого вместо лица заостренное рыльце с хоботками, зубчиками, буравчиками, напильничками. Они точат, сверлят, надкусывают, подпиливают невидимые столпы и опоры, отчего кругом стоит непрерывный шелест и хруст, какой издают жуки-короеды.

Среди непрерывного вращения, в центре круговорота стоял хозяин торжества, редактор и владелец «Эхос Мундис» Плиний Краснопевцев. Казалось, он управляет силовыми линиями, вдоль которых вращаются людские потоки. Не подпускал к себе обожателей, отталкивая их невидимой силой. Был отделен от толпы колдовским светящимся пространством, делал знаки избранным, кого ненадолго пускал в заколдованный круг. Плиний Краснопевцев был невысок, с огромным лбом, яростно говорящим ртом. Большие зубы не помещались в толстых верблюжьих губах и выступали наружу. Вокруг головы разлеталась седая грива, которую был не способен расчесать ни один гребень. Плиний был одет в красную клетчатую ковбойку, что выделяло его среди сюртуков и вечерних платьев. Казался маткой этого громадного муравейника. Руководил его таинственной деятельностью. Давал каждой особи задание, которое особь беспрекословно исполняла. Удалялась и вновь возвращалась в муравейник, заноса в него мертвую личинку, хвойную иголку, комочек умершей плоти. Муравейник шелестел, рос. Знатоки библейской истории утверждали, что «Эхос Мундис» — это Третий храм, который возводится в центре Москвы.

— Ба, ба, ба! Петр Дмитриевич! — Борис Журавлик сиял лучистыми, как лампадки, глазами, колыхал слоистым подбородком. — Слово и не расставались! — Он дружески приобнял Петра Дмитриевича, и тот почувствовал мякоть жирного тела. — Ваше выступление на моей передаче произвело фурор. Столько звонков! «Кто такой Агеев? Что за «Таблица Агеева»? Даже из администрации президента звонили.

— Президент не звонил? — Петра Дмитриевича удивило это преувеличенное дружелюбие. Обычно едкий, исполненный тонкой неприязни Борис Журавлик обласкивал Петра Дмитриевича, обклеивал сладкими улыбками, липкими прикосновениями.

— Нет, нет, президент не звонил. Наш президент находится где-то в горах Сибири. Вчера показали по телевизору удивительный сюжет. Президент сидит на горе, на вершине мира. Внизу леса, реки, облака. Он держит в руках найденный гриб и соновую шишку. Это вам ни о чем не говорит?

— Ни о чем. Обычная прогулка по лесу.

— Ну как же, Петр Дмитриевич! А ваши «русские коды»? Вы не усмотрели намек? Президент показал нам, что в России созрел монархический проект, и нас извещают об этом таким иносказательным образом.

— В чем иносказание?

— Гриб в руке президента — это скипетр, а шишка — держава. Гора — это трон, с которого будущий царь управляет Россией. Он — царь мира, царь грибов. Ведь это извечный «русский код». Русские — монархический народ. — Борис Журавлик счастливо засмеялся, верил, что эта опасная шутка останется между ними, друзьями.

— Позвольте побежденному склониться перед победителем! — Из толпы появился Эраст Богоносцев. Картинно склонился перед Петром Дмитриевичем. Он был в голубом фраке с длинными фалдами. На груди пенилось кружевное жабо. Узкие губы не кривились надменно, а дружески улыбались. Острый нос не казался жестоким клювом, а глаза под черными бровями не изливали фиолетовую ненависть. — Мы вчера поспешно расстались, и я не успел сказать, что восхищен вашей способностью владеть зрительным залом. Вы мгновенно превратили зрителей из недругов в обожателей. Вы владеете магическими приемами. Используйте ваши «русские коды». Я готов поучиться у вас режиссуре, постичь тайну «русских кодов!» — Он протянул Петру Дмитриевичу холеную ладонь, Петр Дмитриевич пожал ее, почувствовал холод бриллиантового перстня.

Петру Дмитриевичу было лестно слушать похвалу прославленного режиссера, кумира интеллигенции, который еще недавно казался лютым врагом, осквернителем святынь, а теперь был дружелюбен и мил, очаровывал искренностью.

— Хочу побывать на ваших спектаклях. Извините за вчерашние резкости. Это был полемический азарт. — Петру Дмитриевичу было неловко за бестактные высказывания, которые вырвались во время вчерашнего единоборства.

— Эраст, отчего ты не знакомишь меня с новой знаменитостью? — Та, что всплыла из толпы, как русалка из черной пены, была узнаваема. Ксения Фалькон, телеведущая, светская львица, крестница президента, неутомимая любовница миллиардеров, героиня эротических шоу, во время которых она оголялась, открывая ягодицы, где именитые лю-

бовники оставляли свои автографы. «Книга жалоб и предложений», — шутила Ксения Фалькон, играя ягодицами, приглашая обладателей миллиардов расписаться в гостевой книге. — Я смотрела вчера «Культурное побоище» и видела бедняшкого Эраста, который со своим орлиным клювом выглядел как жалкий цыпленок.

— Справедливо, дорогая, меня обработали «русскими кодами», и я потерял мое оперение, — благодушно рассмеялся Эраст Богоносцев.

Петр Дмитриевич почувствовал, как стоящая перед ним Ксения Фалькон взглядом раздела его. От нее пахло духами и парной плотью, как если бы она, благоухающая «Дживанши», стояла за мясным прилавком.

— Господин Богоносцев — достойный соперник, — смутился Петр Дмитриевич. — Его одолел не я, а Пушкин.

Ксения Фалькон хохотала. Ее алые влажные губы приближались к губам Петра Дмитриевича. В глубоком вырезе красного платья дрожала грудь, по которой скользила змейка золотой цепочки. У Ксении Фалькон были волосы цвета меди. Тяжелый лошадиный подбородок говорил о воле и властолюбии, которыми она покоряла мужчин. Толстый горбатый нос с жарко дышащими ноздрями еще больше придавал ей сходство с лошадью. Но, видимо, эта грубая животная плотоядность и близость к президенту делали ее столь привлекательной для пресыщенных миллиардеров, многие из которых имели тюркское происхождение и помнили родные степи с табунами неистовых кобылиц. «Лошадь Пржевальского», — назвал Ксению Фалькон злоязыкий блогер, который вскоре после этого исчез из интернета.

— Вам, дорогой господин Агеев, одному из первых сообщаю, что мы с Эрастом Богоносцевым решили пожениться. Приглашаем вас на свадьбу. Мы хотим сыграть нашу свадьбу в русском стиле, с венчанием, каретами, рысаками. Одним словом, нам нужны ваши советы, ваши «русские коды». Не так ли, Эраст?

— Петр Дмитриевич обещал проконсультировать меня в моих театральных поисках. Наша свадьба будет спектаклем, который оживит русскую традицию, сделает ее вновь привлекательной для мирового зрителя.

Толпа расступилась, как расступилось когда-то Черное море, и посуху, не замочив ног, прошел Плиний Краснопевцев в своей клетчатой ковбойке, с огромным одуванчиком седых волос.

— Рад видеть вас, господин Агеев, в нашем собрании нечестивцев. Кажется, так вы назвали либеральную интеллигенцию в программе своего друга Бориса Журавлика? Я не мог оторваться от

телевизора, наблюдая поединок. А вы подкачали, Эраст. Были бессильны против «русских кодов».

Плиний Краснопевцев сиял голубыми прозрачными глазами. От него исходил жар, будто под ковбойкой пряталась раскаленная топка. Сквозь прозрачные глаза было видно бушующее синее пламя. Одуванчик волос дрожит от раскаленного ветра, который вырывал из головы Плиния летучие семена, разносил по миру, и они прорастали едкими побегими. Петр Дмитриевич боялся обжечься об эту жаровню, которую накалял подземный огонь.

— Глядя на мою внешность, господин Агеев, едва ли можно заподозрить меня в славянофильстве. Но я считаю, что русский народ, потерпевший историческое поражение, должен воскреснуть. У русского народа должны появиться свои мудрецы и пророки. Без русского народа не выживет ни один другой народ, в том числе и евреи. Я верю, что открытые вами коды ведут к русскому возрождению. Приглашаю вас в эфир моей радиостанции. Кстати, Пушкин был русский либерал, как и его друг Чаадаев. — Произнеся это, Плиний Краснопевцев вновь погрузился в толпу, которая расступилась, как библейское море, открывая морское дно. Он шел, и у него под ногами шевелились устрицы, рачки и улитки.

Петр Дмитриевич продолжал кружение у подножия сумрачных истуканов, повинувшись силовым линиям, которые управляли перемещениями толпы. Каждый из гостей был именитой персоной, телезвездой, влиятельным художником или политиком. Но все они, честолюбцы и гордецы, подчинялись невидимой, управлявшей ими власти, которая не имела имени, а безымянно правила ими.

Петру Дмитриевичу было худо, в нем умирали кровяные тельца. Он не уходил, стараясь понять, сколь долго сможет выдержать пребывание во враждебной среде. Сколь долго земное дерево, высаженное на Марсе, может жить без земной атмосферы.

Ровный шелест ног, звон бокалов, невнятные возгласы создавали вязкий неразборчивый шум. Но Петр Дмитриевич вдруг почувствовал сбой, услышал прилетевший сигнал. Так астрофизик среди неразличимых ропотов Вселенной вдруг поймает крохотный импульс, слабый всплеск, исходящий от неизвестной звезды.

Петр Дмитриевич стал оглядываться, желая отыскать источник сигнала.

Сквозь толпу приближался человек, высокий, темноволосый, с благообразной черной бородкой. Приближаясь, он улыбался Петру Дмитриевичу. Что-то знакомое было в гибких движениях, в улыбке, в глазах цвета черной смородины, в которых вдруг пролетал медный отсвет.

— Здравствуй, Петрусь. — Человек протянул Петру Дмитриевичу руку. — Неужели я так изменился?

— Боже, Фадей? Или я ошибаюсь?

— Фадей Аристархович Лоб явился, чтобы засвидетельствовать любовь и дружбу старому фронтовому товарищу, с кем вместе делили хлеб, пили из одной фляжки и который чуть не угробил меня в Герате, посадив на фугас машину боевого разминирования.

— Боже мой, Фадей!

Они обнялись. Проскользнувшая мимо дама пьяно им улыбнулась.

— Сколько лет? Тридцать? Больше? — Растроганный Петр Дмитриевич смотрел на лицо Фадея, сухое, с темной благородной бородкой, стараясь угадать в нем худого верткого юнца, с которым пекли лепешки на раскаленной броне, копали лунку, наполняли горячей соляжкой и грели тушенку на крохотном очаге. Ночью выходили из палатки, смотрели на звезды, Фадей указывал на звезду, с которой прилетел на Землю, чтобы изучить жизнь землян, и где-то в степи звучал одинокий выстрел, караульный случайно разрядил автомат.

— А помнишь хохла Храпенко, которому оторвало ногу? Он держал ее в руках, смеялся и умер.

— А помнишь таджика Шарифа, который удавил собаку, сделал собачье рагу, и все ели, нахваливали, а потом он сказал про собаку, и всех рвало?

— А помнишь дорогу в Герат с соснами на обочинах? Танк ударил в сосну, дерево проломило череп сержанту, а фамилия сержанта была Соснов?

— И как же мы тогда в Деванче сели на фугас?

Петр Дмитриевич вспомнил гонимые лепные дувалы с бойницами, синюю главку мечети и железный удар под днищем, который разорвал перепонки в ушах и глазные сосуды. Они с Фадеем, оглушенные, сидели, прижавшись друг к другу головами, кровь текла у обоих, и они пачкали ею один другого.

Петр Дмитриевич почувствовал, как у него начинают дрожать руки. Взрывная волна, толкнувшая его тело, притаилась где-то в костях и мышцах и время от времени просыпалась, вызывала дрожание рук.

— В последний раз я видел тебя на Старой площади. Мы с друзьями захватывали здание партии. Я сбивал с фасада золоченую надпись. Помню, ты поднял с земли отлетевшую букву. Кажется, букву «О»?

— Это была буква «М». Некоторое время я ее хранил, а потом она затерялась.

— Мы хотели с тобой повидаться, но не пришлось. Такое было время безумное.

— Как ты жил эти годы?

Они отошли в сторону, чтобы их не толкали. Остановились у медного каблука на чьем-то огромном ботфорте.

— Как я жил? — Фадей помолчал, словно вспоминал множество случившихся за эти годы событий, выбирая главные. — Сначала крутился здесь, в политической карусели. Потом благодаря проекции уехал в Америку, окончил Колумбийский университет. Работал во всяких аналитических центрах, изучавших Россию. Написал работу о «Законе и Благодати». Исследовал тексты Феофана Затворника. Несколько раз приезжал в Россию, чтобы полюбоваться на картину Петрова-Водкина «Купание красного коня» и на скульптуру Мухиной «Рабочий и колхозница». Вот где «русские коды», мечта о земном рае! Искал тебя, но не нашел. Только в последнее время прочитал несколько твоих работ. Узнал о «Таблице Агеева». Очень интересно. Был бы рад поговорить с тобой о «Таблице».

Петр Дмитриевич испытал странное беспокойство, необъяснимую тревогу, какая возникает, когда солнце вдруг начинает мутнеть, окутывается дымкой перед ненастьем или затмением. В природе все замирает, умолкают птицы, стихает ветер, не дрогнет лист, не пролетит бабочка, и душа тоскует в предчувствии горя или напасти.

Петр Дмитриевич смотрел на Фадея и не мог остановить дрожание рук. Казалось, толпа, кипевшая вокруг, остановилась, замерла, перестала волноваться и шелестеть. Людей запаяли в прозрачный куб, и Петр Дмитриевич видел их остекленные лица, открытые рты, немигающие глаза. Это длилось мгновение, все снова пришло в движение, загомонило, зашелестело. Прошествовал, озираясь страстными ненавидящими глазами, публицист, которого недавно избили казаки за хуление церкви. Мелькнули медная прическа Ксении Фалькон и птичий клюв Эраста Богоносцева. Окруженные почитателями, они приглашали друзей на предстоящую свадьбу.

Постепенно руки Петра Дмитриевича перестали дрожать. Тревога улетучилась. Он был рад нежданной встрече. Давнишний гератский взрыв разбросал его и Фадея в разные стороны, но, не будь этого взрыва, их встреча не была бы столь сердечна.

— Ты по-прежнему считаешь себя пришельцем из Космоса? — усмехнулся Петр Дмитриевич. — Не собираешься вернуться на космическую родину?

— Угадал, собираюсь. Изучаю «космические коды». Русский, немецкий.

— И чем же они отличаются?

Петр Дмитриевич испытал острое любопытство. Фадей увлекался тем же, чем увлекался Петр Дмитриевич. Среди незнакомой, чуждой по духу толпы вдруг возник человек, который отгадывает те же загадки, что и Петр Дмитриевич. Думает о том, о чем большинство не думает, не знает или хочет забыть.

— Чем отличается русский Космос от немецкого?
 — Ты же вчера, Петрусь, все объяснил в своей передаче. Немецкий Космос темный, зловещий. Питает «сумрачный германский гений». Там Валгалла, нибелунги, угрюмый Рейн, его сокровенное золото. Там Зигфрид, Валькирии. Там небесная Германия, которая вращает в мироздании свою серебряную свастику. Ты говорил об этом в программе «Культурное побоище», и лучше не скажешь. Гитлер поручил Вернеру фон Брауну разработать «оружие возмездия», чтобы разрушить Англию и Америку. Но он хотел, чтобы Вернер фон Браун достиг немецкого Космоса, небесной Германии. Вагнер своей музыкой пробил коридор в темный немецкий Космос. Ницше своей философией определил траекторию полета. Оставалось спроектировать космический корабль. Оставалось запустить немецкий «космический код». Но они не сумели. Видно, им помешал Пушкин!

Петра Дмитриевича удивила осведомленность Фадея. Программа «Культурное побоище» была не столь популярна, но Фадей посмотрел ее. Их сегодняшняя встреча на вечеринке состоялась после тридцати лет разлуки. Но Фадей не предавался воспоминаниям, а говорил о передаче, которая была важнее для него, чем все воспоминания.

— А в чем же, по-твоему, «русский код»? — спросил Петр Дмитриевич. Он знал ответ. Русский «космический код» влек русскую душу в лазурный Космос, где благоухают райские сады, живут бессмертные люди, не ведающие страхов и ненависти, а только любовь. В этот Космос стремились Николай Федоров и Эдуард Циолковский, Пушкин и Гумилев. Золотой наездник на красном коне и два серебряных ангела, воздевшие к небу молот и серп. Королев строил ракеты, нацеленные на Америку, но его космические корабли стремились в лазурный Космос, в котором любовь, красота, справедливость, где люди обретут бессмертие. Все это почувствовал однажды Петр Дмитриевич, когда на Байконуре видел старт ракеты «Энергия» и космического корабля «Буран».

— Русские люди забыли свой «космический код», — произнес Фадей. — Может, в «Таблице Агеева» он существует? Открой мне его, Петрусь!

Петр Дмитриевич не успел ответить.

— А вот и моя ученица! — воскликнул Фадей, указывая на молодую женщину, которая выбиралась из вязкой толпы.

Женщина приближалась. Ее молодое лицо светило. Волосы, расчесанные на прямой пробор, в сумерках казались темными, но вдруг на них мелькал золотой отлив. Она шла, опустив глаза, по прямой, словно по натянутому канату, боялась открыть глаза, чтобы не упасть в пропасть.

И пока она приближалась, Петр Дмитриевич узнавал в ней вчерашнюю зрительницу, наблюдавшую поединок с Эрастом Богоносцевым. Там, в зале, она казалась измученной, смущенной, нелепо, провинциально одетой. Но потом, когда Петр Дмитриевич стал читать стихи, преобразилась. Лицо озарилось красотой, платье заструилось шелком. Восхищенная, она кинула на подиум красный цветок.

— Познакомьтесь, — произнес Фадей. — Петр Дмитриевич Агеев, которому во сне явилась золотая Богородица, она же Душа России. Ирина Волхонцева, аспирантка, которую, как и тебя, Петр Дмитриевич, интересуют «русские коды».

Женщина протянула руку. Петр Дмитриевич пожал узкую горячую ладонь. Ее глаза были серые, чуть зеленоватые, брови светлые, пушистые. Петру Дмитриевичу вдруг захотелось подуть на эти брови, чтобы они еще больше распушились, и тогда она удивленно отстранится, и ее изумленные глаза волшебным образом позеленеют.

— Я так хотела, чтобы вы разгромили этого святотатца, — сказала Ирина. — Я молилась за вас. Кинула вам цветок.

— Цветок не долетел, но я знал, что цветок для меня.

— Ваш соперник чувствовал себя победителем, но вдруг вы стали читать «Евгения Онегина», «Полтаву», «Медного всадника». Я видела, как он сник, сморщился, из него пошел дым. А вы, напротив, посветлели, возвысились, стали блистательным. «И он промчался пред полками могуч и яростен, как бой!»

— Победил не я, а Пушкин. Пушкин — русский Победоносец.

— Я пошла на вчерашнее представление, чтобы познакомиться с вами. Но не пришлось. Фадей Аристархович пригласил меня на эту вечеринку, сказал, что вы придете.

— Ирина хочет узнать, действительно твоя таблица явилась во сне? Как Менделееву?

— Когда-то русским людям снились вещие сны. А потом перестали сниться. Теперь русских людей снова посещают вещие сны, — сказала Ирина. — Я пишу диссертацию об исторических русских энергиях, которые делают русских необоримым народом. Была бы признательна, если бы вы согласились встретиться со мной и побеседовать на эту тему.

— Расскажи Ирине о «русских кодах». Расскажи о «Таблице Агеева».

— Конечно, — согласился Петр Дмитриевич, видя, как по ее волосам пробежал золотой отсвет, а глаза на мгновение стали изумрудными. — Вот моя визитка, звоните.

Внезапно толпу колыхнуло. Людская волна плеснула и смыла Фадея и Ирину. Петр Дмитриевич

был прижат к ботфорту медного великана и видел, как освобождается середина зала.

Люди выстраивались вдоль пустого коридора, начинали аплодировать. В лучах света в зал выкатилась инвалидная коляска. Ее толкали двое в черных, глухо застегнутых пиджаках, похожие на кладбищенских служителей. В коляске, пристегнутый ремнями, жирно оплывая, свесив бессильно руки, сидел Михаил Сергеевич Горбачев. На лице, синеватом, со следами тления, кривилась гримаса, похожая на предсмертную улыбку. Рот съехал набок, из него тянулась желтоватая слюна. На голом черепе чернело знакомое пятно, которое разрослось за годы и напоминало фиолетовую ящерицу. Глаза были выпучены и наполнены слизью. Огромный зуб вываливался из рубашки, кольхался, как студень, словно к горлу прилепился громадный моллюск. Ноги закрывал плед, кисти рук были испачканы землей. Казалось, Горбачев прошел эксгумацию, был извлечен из могилы.

Петр Дмитриевич чувствовал, как по залу распространился трупный запах. Было невозможно дышать, подкатывался рвотный ком. Но все, кто присутствовал в зале, тянулись к коляске, дышали и не могли надышаться духом сырой могилы, впитывали сладковатые испарения истлевающей плоти.

Плиний Краснопевцев в клетчатой ковбойке приблизился к погребальной колеснице, держа букет роз. Что-то восхищенно говорил Горбачеву. Тот не мигая смотрел мимо, кривил рот, пускал желтоватую слюну. Плиний Краснопевцев положил

на колени Горбачева букет роз, осторожно, как кладут цветы в гроб. Все аплодировали.

Петр Дмитриевич чувствовал приближение рвоты. Руки снова дрожали. Голова гудела от давнишнего взрыва. Ему в грудь летели удары. Множество крохотных пуль стремились вонзиться в сердце, где хранилась золотая «Таблица». Сокрушить, раздробить каждый код в отдельности и всю золотую Богородицу целиком.

Петр Дмитриевич отбивался от разящих ударов. Прижимал к сердцу руки, заслоняя его от пуль.

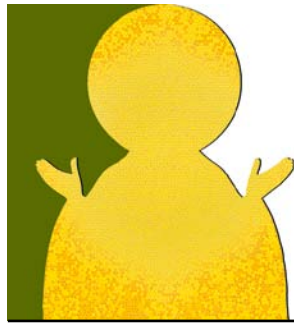
Раненое сердце ходило ходуном, скакало, вскрикивало от каждого попадания.

Петр Дмитриевич протиснулся наружу, на московскую, освещенную огнями улицу. Брел среди особняков, вдыхая вечерний воздух.

Дома он принял душ, смывая частицы истлевшей плоти. Лег в постель. Ему чудилась дыра, спиралью уходящая в землю, похожая на угольный карьер. Из центра земли железные ковши извлекли отвратительный труп, выставили на солнце. Труп разлагался, отекал разноцветной слизью. Из него, разрывая сгнившую кожу, выползали бесчисленные червячки и жуки, расползались по земле.

На кровать запрыгнул кот Кузьмич и свернулся в ногах. Петр Дмитриевич чувствовал теплую тяжесть кота. Успокаивался. К нему явились блаженные воспоминания детства. Новогодняя елка в маленьких мерцающих лампочках. Отец надевает на колючую вершину серебряную звезду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Петр Дмитриевич делил утреннюю трапезу с котом Кузьмичом. Пил кофе, ел согретый в тостере хлеб с ломтями колбасы или красной рыбы. Кот сидел рядом на табуреточке, страстно взирая золотыми глазами. Следил, как рука Петра Дмитриевича подносит ко рту вожделенную колбасу или рыбу. Лакомство исчезало в жующих губах Петра Дмитриевича. Глаза Кузьмича наполнялись возмущением, укоризной. В них трепетало негодование. Петр Дмитриевич, устыдившись, клал колбасу на край стола. Кузьмич коготками изящно цеплял лакомство, скидывал на пол и там, подалеке от Петра Дмитриевича, поедал.

— Конечно, Кузьмич, я обязан тебе знаниями русской литературы и орфографии и в знак признательности кормлю тебя семгой. Но, ведая тайну переселения душ, почему не расскажешь, каково быть оборотнем? «Русские коды» предполагают способность русского человека, в известных обстоятельствах, превращаться в волка, в сокола и, как доказывает твой пример, в кота. Так поведай же мне, в каких космических сферах ты обитал, пока я скитался по свету? Не является ли Космос временным прибежищем душ, где они, покинув Землю, ждут своего нового воплощения?

Упоминание о Космосе в беседе с котом было не случайно. Вчерашний разговор с Фадеем на праздной вечеринке о «космическом коде» волновал Петра Дмитриевича. Он решил посетить Степана Кирилловича Богданова, того счастливого победителя, кого в день пуска «Энергии» и «Бурана» подбрасывали к небу восхищенные соратники.

В далеком прошлом Богданов был могучий партиец и министр, который управлял космическим проектом «Энергия»—«Буран». Один из последних советских правителей, кто пытался отстранить Горбачева, остановить крушение «красной страны».

Страна не устояла. Великий космический проект пал. Богданов очутился в тюрьме. Вышел и оказался в пустоте, где больше не было его министерства, не было страны. Отрешенный от дел, всеми забытый, он старился, чахнул, болел. Был последним живым отростком огромного засохшего дерева.

Его торопился повидать Петр Дмитриевич, который, изучая «русские коды», уверовал в космическое происхождение русского народа.

Богданов жил в подмосковном доме, сохранившем с советских времен свою строгую деревянную архитектуру. Дом ветшал, рассыхался. Стены облысели и местами покрылись мхом. Было видно, что в нем живет одинокий старик, не способный вбить гвоздь, подмести веранду, усыпанную желтыми сосновыми иглами.

Кругом на обширном участке росли сосны. Земля была усеяна шишками, но их не собирали, не разводили самовар, не пахло чудесным самоварным дымком. Вокруг деревянного дома, на соседних участках, теснились роскошные особняки и дворцы. Казалось, эти дворцы надменно возвышаются над утлым жилищем, унижают его своим великолепием.

Тут был дворец с мраморными колоннами, белыми львами, геральдикой на фронтоне, как если бы здесь жил потомок древнего рода. Однако владельцем усадьбы был бакинец, хозяин торговой сети.

Во дворце, напоминавшем буддийскую пагоду с золоченой крышей, обитал работник коммунального хозяйства, который обладал таким богатством, что его стерегли овчарки и автоматчики.

Тут же возвышался средневековый замок, подобный тем, что встречаются в долине Рейна, с готическими арками, стрельчатой кровлей, разноцветными витражами. Здесь проживал генерал таможни. Он редко появлялся в Подмоскovie, потому что подобный замок построил под Петербургом. Оба замка строились по его рисункам, которые он делал с натуры, плавая на яхте по Рейну.

Петр Дмитриевич и Богданов сидели на открытой веранде, за столом, где были небрежно рассыпаны бумаги, стояла хлебница с несвежей булкой. В чашке с недопитым чаем торчала ложка.

— Угостить вас нечем, — извинялся Богданов. — Чайник сгорел. Заварка куда-то делась. Дочка придет, все наладит. Понимаете, я ничего не вижу. Все куда-то девается. — Богданов тоскливо улыбался. На нем была домашняя блуза. Одной пуговицы не хватало, другая висела на нитке. Он был сух,

сгорблен, с костлявыми скрипучими руками. Лицо темное, в печальных складках. В них держалась мутная гарь. Он походил на дерево, обугленное пожаром, который обжег ствол, спалил живые ветки, оставил неровные трещины, полные золы.

Сквозь очки смотрели голубые, с размытыми зрачками глаза. Он водил глазами по столу, хлопал корявой, с негнушимися пальцами пятерней:

— Куда же я ее задевал? Только что здесь была.

Из оправы очков выпало стекло. Со звяком упало на пол. Богданов охнул, бессильно сник. Петр Дмитриевич нагнулся, искал стекло. Видел тощие, вставленные в шлепанцы ноги Богданова, приспущенные носки. Отыскал стекло, поместил в оправу очков.

— Представляете, только вставляю, опять выпадает, — жаловался Богданов Петру Дмитриевичу. Блеклые голубые глаза, увеличенные очками, наполнились слезами.

Петр Дмитриевич хотел угадать в этом слабом старике того восхищенного победителя, которого множество могучих рук подбрасывали и ловили. На это смотрел прилетевший из Космоса белоснежный дельфин, окруженный стеклянным светом. В небе, откуда спустился «Буран», оставалось сияющее окно, и казалось, в это окно стремился улететь восхищенный человек.

— Так что вы хотели? Почему интересуетесь Космосом? — Богданов шарил по столу костлявыми пальцами, словно что-то хотел нащупать. — Я ведь уже никто. Меня давно отстранили.

— Я служил на Байконуре водителем тягача. Видел, как уходила в Космос «Энергия», как сажился «Буран». Видел вас в окружении генералов, конструкторов. Когда все ушли с посадочной полосы, я взял на буксир «Буран» и отвез его в ангар. Я подошел к «Бурану» и коснулся его. Погладил белые, покрывавшие его чешуйки. «Буран» был еще теплый, нагретый. От него исходил запах теплого хлеба. Будто его испекли в космической пекарне. Вот эта рука, — Петр Дмитриевич показал Богданову ладонь. — Эта рука касалась «Бурана». Мне кажется, я тоже побывал в Космосе. — Петр Дмитриевич смотрел на свою ладонь, которая спустя тридцать лет помнила волшебное прикосновение.

— Вы видели запуск «Энергии»? Касались «Бурана»? — Богданов схватил руку Петра Дмитриевича, сжал и не отпускал. Будто эту руку протянули ему во спасение. Эта рука соединяла его с великим исчезнувшим временем, когда и он был велик и счастлив. — Вы слышали гром, летящий по небу, так что валило с ног? Видели свет, озаривший степь, так что на секунду глаза ослепли? А вы правы, «Буран» действительно пахнул хлебом. Он прилетел из небесной пекарни, где пекут хлеб не

земной, а небесный. Мы тогда понимали, что не только хлебом земным сыт человек!

Холодные пальцы Богданова, сжимавшие ладонь Петра Дмитриевича, становились теплее. Петр Дмитриевич переливал Богданову свое живое тепло. Не позволял остыть. Рука Петра Дмитриевича соединяла Богданова с Космосом.

— Это было великое время! На «Буран» и «Энергию» работали тысячи заводов, тысячи лабораторий и институтов. Эта работа сводилась воедино по дням, по часам, по минутам. Металлурги создавали небывалые сплавы. Появлялась неслыханная электроника. Изобреталось невиданное топливо. Строились двигатели чудовищной мощности. Конструировались сопла, изрыгающие плазму. Рождались тугоплавкие материалы, выдерживающие солнечный жар. Там работали гении, понимаете? Только гении! Каждый крохотный узел, каждый сварочный шов или заклепка были гениальным открытием, научной диссертацией. И все это жило, двигалось, сходилось в фокус, приближало старт. «Энергию» и «Буран» делала вся страна. Крохотная деревенька с сельской школой, нанайское стойбище в дельте Амура и, конечно, заводы-гиганты. Все любили друг друга, слышали друг друга. В братской работе сошлись русские, украинцы, эстонцы. Весь народ стремился в Космос, весь народ поднялся в небо, когда взлетел «Буран»! — Морщины на лице Богданова расправились. В них исчез серый пепел, появился слабый румянец. — Какие были люди! Академики, профессора, генералы! Инженеры, способные сделать все, что не противоречит законам физики! Рабочие с воображением художников! Это были великаны, скажу я вам! Народ-великан устремился в Космос! — Богданов расправил плечи, стал шире, крупнее. Был одним из тех великанов.

Петр Дмитриевич чувствовал, как окрепло рукопожатие Богданова, как моложе и звонче стал голос.

— Мы хотели лететь на Луну и на Марс. Были готовы космонавты, богатыри! Архитекторы проектировали марсианские и лунные города. Давали названия площадям и проспектам. Пушкин, Гагарин, Александр Матросов, Циолковский! Ботаники подбирали травы, злаки, деревья, которые должны были насыщать атмосферу Луны и Марса. Горняки строили оборудование для добычи гелия и редкоземельных металлов. Был создан гигантский марсианский телескоп, раздвигающий горизонты Вселенной. Военные собирались создать лунные и марсианские базы, перед которыми меркли американцы, их «стратегическая оборонная инициатива». Ни одна американская ракета не посмела бы взлететь без разрешения из Кремля, ни одна! Но в Космос мы летели не за гелием, не ради орбитальных группировок и дальнобойных лазеров. Вы понимаете,

мы летели за другим! — Богданов смахнул очки. Его глаза, ярко-голубые, сияли, словно он узрел нечто чудесное. — Мы летели в Космос за великой правдой, за великим знанием о чудесной жизни, в которой нет низменного, порочного, смертного. Мы летели в Космос за чудом, о котором мечтал русский народ, создавая свое космическое советское государство. Мы летели в Космос на Родину, которую когда-то покинули и теперь возвращались обратно, — восторг Богданова, как жаркая волна, переплеснулся в Петра Дмитриевича.

— Как вы правы, Степан Кириллович! Русский народ — космический! Русская история — космическая! Пушкин — космический! Жуков — космический! Победа — космическая! Советский Союз — гигантская ракета, летящая в Космос, искупающая все жертвы, все непосильные труды, все горести!

— Но всего этого не случилось! — Богданов вскрикнул, словно его подстрелили. Отпустил руку Петра Дмитриевича. Костлявые пальцы со стуком ударились о стол. — Космос нас не пустил. Все это судило жутким ветром!

Петр Дмитриевич вспомнил казахстанскую степь, железный ветер, который гнал по степи колючие комья. Они летели, как бесчисленные души бессмысленно и безвестно погибших. Колючий ворох, пролетая, зацепился за кочку, дрожал на ветру, похожий на отрубленную голову с растрепанными волосами. Ворох сорвало и умчало. Он сгинул на веки среди остывшей Вселенной.

— Нас не пустили в Космос. Советский Союз разгромили, чтобы мы не вырвались в Космос. Советский Союз пилили на части, как на части пилили «Энергию». Разрубали, как разрубали «Буран». Все тысячи заводов были закрыты и разграблены. Все тысячи лабораторий и институтов были остановлены, и они опустели. Секретные чертежи самолетами вывозили в Америку. Профессора, инженеры торговали китайскими куклами. Великие заводы, где строили космические корабли, стали выпускать канцелярские скрепки. Экипажи космонавтов пошли работать таксистами.

«Буран», тот самый, что побывал в Космосе, был выставлен напоказ, и в нем устроили общественную уборную. Так казнили нашу космическую мечту! — Богданов задохнулся, заклокотал горлом, словно там скопились рыдания. — Дольше всех держались ботаники. Он берегли теплицы с саженцами для лунных и марсианских лесов. Когда пришли разорять теплицы, чтобы на их месте построить торговый центр, ботаники унесли с собой кусты и деревья и посадили на своих домашних участках. А позже высадили их в парке «Зарядье». Я ходил туда, чтобы вдохнуть глоток марсианского воздуха.

Богданов сник. Глаза наполнились мутью. Виски провалились. Морщины засыпала пыль.

— Но почему вы, обладая всей государственной властью, контролируя армию, разведку, милицию, почему вы допустили распад государства? — Петр Дмитриевич хотел причинить Богданову боль, чтобы эта боль не дала ему умереть. — Почему позволили двум предателям разрушить космическую страну? Распилить «Буран» и «Энергию»? У вас не нашлось ни одной снайперской винтовки? — Петр Дмитриевич вспомнил давнишний август и ужасную ночь, когда на площади клубилась толпа, в железной петле качался памятник и в здании госбезопасности вдруг зажглись окна, словно там шел праздничный бал. — Хватило бы одной только пули, и сегодня мы бы жили в Советском Союзе!

Богданов понуро сидел. Его синие губы чуть слышно шептали:

— Я во всем виноват. Я ошибался. Мы стремились в «лазурный Космос», в Космос сверкающих звезд. И забыли, что есть «черный Космос». Мы попали в «черную дыру», из которой нет выхода. Я это понял в тюрьме. Понял, что во всем виноват. Я ввел в гироскоп «Бурана» неверные координаты, и он влетел в «черную дыру». В тюрьме я разорвал простыню и сделал петлю. Я не мог больше жить. Я задыхался в петле, узел давил на артерию. Но надзиратели вынули меня из петли. И вот теперь я живу. Зачем? Зачем мне жить? — Богданов продолжал лепетать, но его не было слышно. Он умирал.

Петр Дмитриевич видел, как он оседает в кресле, как валится набок его голова.

— Нельзя, Степан Кириллович! Не позволю! — Петр Дмитриевич схватил Богданова за руку, сжимал, тянул на себя. Он чувствовал, как Богданова затягивает черная пропасть. Засасывает непроглядная топь. Не пускал Богданова. Не давал ему утонуть. — Нельзя, Степан Кириллович! Держитесь! Вам нельзя утонуть! Вы светоч, мечтатель! Вы живы, и жива мечта! — Богданов погружался в топь.

В черную дыру утягивала его непомерная сила, которой невозможно противостоять. Эта сила утягивала вместе с Богдановым Петра Дмитриевича. Он чувствовал ужас неотвратимого погружения, действие беспощадных неумолимых законов, по которым «черный Космос» сжирает лазурь, гасит звезды, уносит с Земли леса и озера, любовь и память, божественную мечту и бескорыстное творчество. Заглатывает мирозданье.

— Вы, Степан Кириллович, великий, непревзойденный! Вы хранитель космической мечты! Мечта вернется! «Буран» вернется! Мы полетим с вами в Космос! — Петр Дмитриевич тянул Богданова за руку. Слышал, как в их запястьях хрустят сухожилия, как лопаются сосуды в глазах. Они с Богдановым, взявшись за руки, как космонавты, кувыркались в открытом Космосе перед «черной дырой». Их

затягивал черный зев. В них дул железный ветер, тот самый, что нес по степи комья сухих колючек, прах исчезнувших цивилизаций, пепел сгоревших книг, души забытых героев. — Мы полетим с вами в Космос. Степан Кириллович! Туда, где ясновидец Гумилев увидел Млечный Путь, расцветший неожиданно садом ослепительных планет! Куда мчался красный конь Петрова-Водкина! Куда воздела руки алая берегиня на старинных русских вышивках! И золотая Богородица на софийской мозаике!

— Я хочу в Космос, — голос Богданова был едва слышен. Он цеплялся за Петра Дмитриевича. Они оба задержались на незримой черте, разделявшей два Космоса, «лазурный» и «черный». — Хочу на Байконур. Хочу на корабль. Пусть меня возьмут. В детстве ночью мама выносила меня в сад, клала в коляску, и я смотрел на звезды. Я помню звездное небо, планеты, созвездия. Младенцем я стремился в Космос. Туда, к этим звездам, я стремился всю мою жизнь. В Космосе прекрасно! Вы знаете, как в нем прекрасно! Там одна красота, одна любовь. Там никто не умирает. Там мама, наша деревянная хлебница, мои детские рисунки. Там Советский Союз. Его хотели разгромить на земле, а он улетел в Космос и там сияет во всей красоте и могуществе. Улечу в Советский Союз. Там Сталин, Парад Победы, Жуков, Королев, Гагарин! Вместе с тобой полетим!

У Петра Дмитриевича иссякали силы. Чудовищная бездонная яма заглатывала обоих. И уже не упоая на собственные силы, Петр Дмитриевич растворил сердце, где хранилась бесценная «Таблица», и оттуда хлынул свет. Полыхнули стоцветные вспышки, загорелись небесные радуги, расцвели небывалые цветы, закружились хороводы светил, в волшебном танце танцевали планеты и луны. И там, где царила крошечная тьма, теперь сияла лазурь.

Петр Дмитриевич чувствовал, как удаляется «черная дыра», стихает железный ветер. Они летели с Богдановым в лазурном Космосе, и Петру Дмитриевичу казалось, что он уже был однажды среди этих несравненных красот. Мчался на лыжах по сверкающему снежному полю с вихрями прозрачных метелей. Влетал в лесные синие тени. Видел лося, окруженного сиреневым паром. В этих космических далях стояла изба, и тетя Поля сидела у оконца, раскладывала на клеенке королей и валетов. К ночи, когда от мороза потрескивал старый забор, тетя

Поля вносила в избу петуха и кур, спускала в погреб. В центре земли кричал петух с огненным гребнем и синими перьями. Там, в Космосе, среди вечной весны гремели овраги и цвели придорожные ивы. Плыл по реке туманный огонь, женщина целовала его душистыми губами. Когда вышел в сумерках из душной избы, латунная заря отражалась в реке, пахло черемухой и по всей округе страстно пели соловьи.

Петр Дмитриевич и Богданов, два очарованных космонавта, облетев Вселенную, вернулись на Землю. Сидели за столом на деревянной веранде. Улыбались друг другу.

— Спасибо, Степан Кириллович, что приняли меня. Мне пора.

— Провожу вас.

Они спустились с веранды. Шли под соснами. На одной сосне виднелось дупло. Богданов остановился, огляделся вокруг, прошептал на ухо Петру Дмитриевичу:

— Видите это дупло? В него я спрятал чертежи «Энергии» и «Бурана». Там все расчеты. Когда настанет время, мы достанем чертежи и построим «Буран». Пусть об этом никто не знает. Опустите руку в дупло, и вы нащупаете этот клад.

Петр Дмитриевич подошел к сосне, опустил руку в дупло, но оно было полно древесного сора.

— Ну как, убедились? — спросил Богданов.

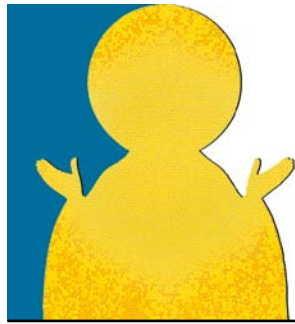
— Да, там лежат чертежи, — ответил Петр Дмитриевич, видя, как счастливо озарилось лицо Богданова.

Под другой сосной на открытом воздухе стояла кровать с мятым одеялом.

— Я здесь сплю. Смотрю на звезды. Хочу улечь в Космос.

Петр Дмитриевич возвращался домой. Навстречу, пылая фарами, мчались автомобили. Сановники, торговцы, банкиры возвращались в свои мраморные дворцы и золоченые пагоды. Где-то под соснами худой старик ложился на деревянную кровать, чтобы смотреть на звезды.

Космическая мечта была спасена. Таинственный код, увлекающий русскую душу в беспредельные дали, где немеркнущая красота, неиссякаемая любовь и бессмертие, — этот код был найден Петром Дмитриевичем и пополнил «Таблицу Агеева». Еще одна драгоценная крупинка легла в золоченый лик Богородицы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кот Кузьмич имел обыкновение проводить дни за пределами дома, вступая в отношения с соседскими котами и кошками, а также предаваясь охоте на трясогузок. Милые птички слетали с ветвей на тропинку, скакали, подергивая хвостиками, и нередко становились добычей Кузьмича. Полосатыми боками кот сливался с травой, подстерегал беспечную птицу, от которой в конце концов оставался крохотный ворох перьев.

К ночи Кузьмич возвращался домой, усаживался у двери, поджидая Петра Дмитриевича, раздраженно мяукал, требуя, чтобы ему отворили дверь.

Но иногда прогулки Кузьмича затягивались, и он возвращался под утро. Вспрыгивал на оконный карниз. Смотрел сквозь стекло страстными золотыми глазами, возмущаясь Петром Дмитриевичем, который делал вид, что не замечает кота, преспокойно попивал кофе. Наконец Петр Дмитриевич приоткрывал окно, Кузьмич протискивался в щель длинным телом, спрыгивал с подоконника на пол. Вытягивал передние лапы, выгибал спину, совершая свое особенное гимнастическое упражнение. Развязно играя бедрами, удалялся в комнаты, не обращая внимания на Петра Дмитриевича. Тот тщетно его окликал, манил кусочками колбасы или красной рыбы. Но Кузьмич не отзывался. Дремал на диване, лишь изредка вскидывал голову, брызгая золотыми глазами.

Петр Дмитриевич был зависим от Кузьмича. Так случилось, что кот стал хранителем воспоминаний о всех событиях, что случались в жизни Петра Дмитриевича. Даже о тех, о которых сам Петр Дмитриевич едва помнил или забыл. Петр Дмитриевич передал Кузьмичу ключи от драгоценного хранилища, где содержались свидетельства самых ранних, младенческих переживаний Петра Дмитриевича, вплоть до недавних, случившихся накануне. Петр Дмитриевич поручил коту этот бесценный архив, заглянув однажды в солнечные глаза Кузьмича. Медленно, как переливают мед из одной беклаги в другую, перелил в эти глаза все свои воспоминания. Кот стал владельцем уникальных свидетельств, но не злоупотреблял своим положением. Продолжал ловить трясогузок.

Помимо воспоминаний детства, памяти о первой любви, о взрыве фугаса в гератском проулке, о бойне на московских площадях Петр Дмитриевич передал Кузьмичу драгоценную таблицу «русских кодов», «Таблицу Агеева», после чего кот стал обладателем великой тайны, через которую случится преобразование России, к народу возвратится Мечта.

Зазвонил телефон. Петр Дмитриевич смотрел, как трепещет выброшенная на берег мерцающая рыбка. Не брал телефон. По другую сторону нежного настойчивого звука таилась неведомая новость, которая стремилась вторгнуться в его жизнь и произвести в ней перемены. Быть может, малые, как удар дождевой капли, или чудовищные, как крушение самолета, того, что унес жизни матери и отца.

Петр Дмитриевич взял телефон.

— Петр Дмитриевич, извините, ради бога. Это беспокоит вас Ирина Волхонцева.

— Кто, простите?

— Ирина Волхонцева. Вы помните, мы недавно встречались. Вы дали свой телефон, сказали, что я могу позвонить.

— Да, да, я помню, — неуверенно ответил Петр Дмитриевич, стараясь вспомнить, где могла произойти их встреча и отчего он дал телефон. Вначале возникли медные ботфорты истукана, чья голова пропадала в сумраке. Рокот, шелест толпы, из которой вдруг возник его фронтовой друг Фадей Аристархович Лоб с аристократической темной бородкой. И следом женщина, которая приближалась, опустив глаза, словно боялась соскользнуть с каната. Ее серые, с зеленоватым отливом глаза. Темные, с золотистым отблеском волосы, расчесанные на прямой пробор. Пушистые брови, на которые Петру Дмитриевичу вдруг захотелось дунуть.

— Ну конечно я вас узнал! Вы аспирантка, и вас интересуют «русские коды».

— Мне хочется с вами встретиться, задать несколько вопросов. Фадей Аристархович сказал, что вы сможете мне помочь.

— Конечно, мы выберем время.

— Я должна сдавать реферат. Мне так нужна ваша помощь.

Петр Дмитриевич не хотел встречаться. У него были другие заботы. Он наметил серию визитов, которые помогут ему обнаружить недостающие в «Таблице» «русские коды». Собираясь отказать малознакомой аспирантке, он вдруг вспомнил, что Богданов во время недавней встречи сообщил, что в парке «Зарядье» были высажены растения, предназначенные для марсианских лесов. Там особенный воздух, и если им надышаться, то ощутишь невесомость. Петр Дмитриевич хотел посетить «Зарядье», и теперь для этого представился случай.

— Что ж, если у вас есть время, приезжайте сегодня в парк «Зарядье». Пообедаем и побеседуем.

— Приеду. Я вам так благодарна.

Кот Кузьмич недовольно раскрыл медовые глаза и вновь погрузился в сон.

Петр Дмитриевич оставил автомобиль на стоянке. Шел по набережной Москвы-реки, глядя на речные трамвайчики. Каждый проносил по реке разноцветный ворох пассажиров, окруженных громогласной музыкой. Музыка гасла по мере того, как кораблик удалялся к розовому Кремлю или в противоположную сторону, к сталинской высоте.

Парк «Зарядье» размещался на искусственно насыпном холме, где прежде находилась гостиница «Россия», пример пуританской хрущевской архитектуры, несовместимой с аристократическими претензиями новых времен.

Петр Дмитриевич вошел в парк, но не стал углубляться, а направился к ресторану, где занял столик, лицом к реке, и стал поджидать аспирантку.

Посетителей ресторана было немного, но все они, как показалось Петру Дмитриевичу, были чем-то взволнованы. Заставляли обращать на себя внимание.

Две женщины сидели за столиком и о чем-то беседовали. Внезапно прерывали беседу, поднимались и начинали раскачиваться, как если бы они были водоросли, колеблемые течением. Вновь опускались на стулья, продолжали беседу.

За соседним столиком два молодых человека шумно смеялись, что-то праздновали. Поднялись, держа бокалы, желая чокнуться, но промахнулись. Бокалы прошли мимо. Весельчаки еще раз попытались сдвинуть бокалы, и опять бокалы не нашли друг друга. Молодые люди расхохотались, сели и выпили, не чокаясь.

Рядом обедала семья. Видный мужчина, милая женщина, маленький мальчик и младенец, который лежал на стуле, закутанный в сверток. Младенец стал попискивать. Мать взяла его на руки, скинула с себя легкую блузку, обнажила полные млечные груди. Поднесла младенца и кормила, голая по пояс. Молодые парни, перестав смеяться, уставились на большие сочные груди.

Официант, кудрявый брюнет, принес меню. Улыбался, тихо ухмылялся. Его что-то веселило. Не то, что

находилось вокруг, а что было в нем самом, что-то легкомысленное и приятное.

Петр Дмитриевич читал меню. Блюда показались ему несколько странными.

Здесь была холодная камбала с медом и семенами липы. Был бульон из кальмаров с куриными лапками и молодыми желудями. Был стейк, посыпанный осиными крылышками, сдобренный белками оленьих глаз.

— Я никогда не пробовал этих блюд, — изумился Петр Дмитриевич. — Это какая-то особая кухня?

— Это кухня «Зарядье», — тихо засмеялся официант. — Ее изобрел наш повар. Он был обычный парень, но у нас в ресторане стал творцом. К нам пообедать приходят послы. Повара собирается перекупить английская королева. Ей понравились жуки-плавунцы, пойманные в Чистых прудах.

— Интересное у вас заведение. И посетители интересные. — Петр Дмитриевич указал на гологрудую женщину и на молодых парней, которые тщетно пытались чокнуться.

— Вчера к нам привезли человека в инвалидной коляске. Он отведал хвостиков ящериц с лепестками нераспустившихся роз. Встал с коляски и пошел. А на прошлой неделе пришел посетитель, который заказал бруснику, найденную в желудке убитого тетерева. Отведал, вскочил и стал кричать: «Я убил! Позовите полицию!» Он оказался убийцей, объявленным в розыск. А вы что бы хотели отведать?

— Пока ничего, — осторожно отказался Петр Дмитриевич. — Только вино, надеюсь, из винограда, а не из тресковой печени.

Он увидел, как приближается женщина, которой он назначил встречу. «Кажется, Ирина Волхонцева», — вспомнил он имя.

Женщина шла, закрыв глаза, по прямой, как по канату, под которым темнеет пропасть. Так ходят во сне лунатики. Петр Дмитриевич испугался, что вдруг она откроет глаза, проснется и сорвется в пропасть.

Она подошла, подняла лицо. Посмотрела на Петра Дмитриевича сияющими серыми глазами, которые на мгновение стали зелеными. Петру Дмитриевичу вдруг захотелось дунуть на ее пушистые брови, чтобы они распушились еще больше.

— Я немного опоздала, простите. Я отнимаю у вас время. — Ирина протянула Петру Дмитриевичу руку, и тот, пожимая узкую ладонь, вспомнил прикосновение хрупких пальцев там, на вечеринке, когда ее внезапно выплеснула толпа, а потом толпа отхлынула и они остались вдвоем среди гигантских статуй, какие высекали в горах исчезнувшие огнепоклонники.

— Вы знакомая моего друга Фадея. Я вам не мог отказать. — Петр Дмитриевич усадил Ирину, заглядывая в карту. — Что мы закажем? Здешний повар — колдун. В каждое блюдо он добавляет снадобье, от которого люди на время сходят с ума. Одни начинают летать,

другие разговаривают на языках умерших народов, третьи переживают вселенскую любовь.

— Я уже летаю, летела к вам как на крыльях. Я исследую «русские коды», утратив которые наш народ умер. А вселенскую любовь я испытала в первые секунды нашего знакомства. — Ирина засмеялась.

Петру Дмитриевичу, который неохотно шел на свидание, тяготился встречей с неизвестным человеком, — Петру Дмитриевичу стала интересна эта молодая женщина, настоявшая на свидании.

— Тогда просто вино, — сказал он.

Они пили вино, брали с блюда тонкие ломтики сыра. Сквозь окно виднелась река. Плыли кораблики с ворохами разноцветной толпы, но музыки не было слышно. Петр Дмитриевич, заслоняясь бокалом, осторожно поглядывал на Ирину, стараясь угадать, сколь откровенен он может с ней быть, в чем ее тайный умысел.

— На вечеринке я ничего не успела вам сказать. Меня подхватила толпа и куда-то унесла. Меня в одну, вас в другую сторону. Мне вдруг стало дурно. Показалось, что сейчас кого-то убьют.

— Там было много убийц. Один убивал веру в Победу. Другой осквернял алтари. Третий портил русский язык. Четвертый хулил русскую историю. Я ушел, хватаясь за стену, когда на боевой колеснице появился главный палач. На его голове шевелила цепкими лапками фиолетовая ящерица.

— Да, это было ужасно! — воскликнула Ирина.

Петр Дмитриевич убедился, что собеседница сотворена из той же плоти, что и он. Ее кровяные тельца разрушаются, попадая в ядовитое излучение. Она содрогнулась, видя, как в царской колеснице появился убийца сокровенных святынь.

— Я собиралась сказать, как я вам благодарна. На том ужасном представлении у Бориса Журавлика мне казалось, что меня казнят. Богоносцев пытал меня, причинял страшную боль, губил во мне самое драгоценное. Губил стихи, которые я читала на школьных вечерах. Губил цветы, которые мама в детстве ставила в вазочке у моей кровати. Губил ту чудесную церквушку в переулке, посыпанную снегом, у которой я любила гулять. Губил русскую песню, которую мы разучивали в хоре. Я умирала, и все вокруг умирали. И никто не мог защитить колокольчики и ромашки в маминой вазочке, песню о тройке, которая мчится по Волге-матушке зимой. Никто не мог защитить моего прадедушку в гимнастерке с медалями, который погиб под Берлином. И вдруг вы, ваш голос, ваши глаза, ваши необычайные слова! Вы спасли меня. Спасли всех, кто умер в этом зале. Поэтому я и кинула вам красный цветок.

Она протянула Петру Дмитриевичу руку, словно хотела благодарно его коснуться. Но испугалась, виновато отдернула ее. Петра Дмитриевича взволновало

это признание. Он видел, как сияют ее серые глаза, переливаясь изумрудом.

— Я тоже умирал. Этот колдун превратил меня в каменный столп. Но вдруг кто-то тронул меня перстом, вот сюда. — Петр Дмитриевич коснулся шеи, где билась потаенная жилка. — Быть может, Пушкин пришел мне на помощь.

— Вы декламировали оду «Вольность», «Сказку о золотом петушке», «Сон Татьяны», «Клеветникам России». А потом нараспев, будто сказитель, стали вспоминать, как видели всплывавшего в Охотском море кита. Как марийские волхвы поклонялись священному дереву и на это дерево слетелись дятлы, совы, синицы, ястребы, дрозды, крохотные трясогузки. Рассказали о девушке, которая в юности подарила вам бусы. Эти синие бусины вы разбросали по всей земле, а потом стали их собирать, и это были «русские коды», которые сложились в дивное ожерелье. Вы говорили о каком-то восточном городе с изразцовыми мечетями, мимо которых шли танки, и горы в вечернем солнце становились синими, красными, золотыми, и на ваш автомат вдруг села большая стрекоза со слюдяными крыльями. Какой-то волшебный огонь плыл по вечерней реке, и женщина на прощание протягивала вам розовую мальву, обещала новую встречу.

— Неужели я это все рассказал? — Петр Дмитриевич не помнил ничего из того, о чем говорила Ирина.

По Москве-реке за окном плыл корабль. Он был белоснежный, с зеркальной рубкой. Над ним развевалась малиновая хоругвь, на которой сиял златовласый Спас. Корабль плыл медленно, будто хотел, чтобы Петр Дмитриевич его запомнил.

Петр Дмитриевич смотрел на видение корабля. Ему казалось, что этот корабль — мираж, и сидящая перед ним женщина — тоже мираж, и ее пушистые брови, и серые, с зеленью, глаза, и влажные от вина губы, и близкие волосы, которые можно погладить, — все это мираж, наваждение. И оно сейчас расплывется, растает, как изображение на горящей бумаге.

Это было тихое помешательство, которое испытывал всякий, кто оказывался в парке с марсианскими деревьями.

— Я что-то хотел спросить. — Петр Дмитриевич провел перед глазами рукой, устраняя видение. — Вы сказали, что пели в хоре народные песни?

— Я разучивала народные песни. Когда их пела, казалось, что мне открываются потаенные сущности, те, что вы называете «русскими кодами».

Петру Дмитриевичу почудилось, что где-то высоко запел печальный восхитительный голос. Пел про дальнюю дорогу, про милого, который уехал, про вдовью долю весь век горевать и печалиться.

— А вы как обретаєте эти волшебные коды? — спросила Ирина.

Петр Дмитриевич сомневался, следует ли открывать едва знакомому человеку потаенные знания, плод чудесного ясновидения. Но так искренне звучал ее голос, так сияли ее глаза, так странно и сладко дышалось воздухом марсианских лесов, что Петр Дмитриевич решил не таить от Ирины свои сокровенные открытия.

— Я путешествовал по Брянщине, по деревням, маленьким городам, по холмам, где когда-то стояли монастыри и палаты, а теперь пестрели полевые цветы. Я искал то место, где родился святой монах Пересвет. Его послал преподобный Сергей на Куликово поле биться с татарами. Соперником Пересвета был татарский богатырь Челубей. Копье Челубея было длинней и тяжелей копья Пересвета. Он убивал соперников, прежде чем те успевали дотянуться своими копьями. Пересвет снял с себя монашескую рясу, кольчугу, голый по пояс вскочил на коня. Понесся навстречу сопернику. Он подставил грудь под копье Челубея, насадил себя на копье и тем самым приблизил себя к врагу. Уже мертвый, с пробитым сердцем, дотянулся копьем до татарина и убил его. Тем самым предрешил победу русских на Куликовом поле.

Я искал то место, где когда-то появился на свет святой монах. Но оно не было отмечено в летописях, не значилось на картах. Я чувствовал, что оно где-то рядом, то ли на этом холме, то ли дальше. Вдыхал воздух, надеясь уловить запах дыма, признаки исчезнувшего жилья. Но пахло сладким ветром и полевыми цветами. Я прикладывал ухо к земле, не раздастся ли топот копыт. Но шелестели травы, трещали кузнечики, и в синей далекой туче перекачивался гром. Я смотрел в небо, не будет ли мне знак, не сверкнет ли луч, как перст Божий, указывая на заветное место. Но в небе кружил ястреб и стояла высокая синяя туча.

И вдруг я услышал зов, не звук, а влечение. Будто кто-то указал мне далекий холм, к которому я должен идти. Я шел через поле, распугивая серебристых птиц. Перебрел мелкую речку с брызнувшими мальками. Спустился в овраг, где меня обожгла крапива. Вышел к холму. Холм был высокий, в красных цветах, над которыми летали маленькие голубые бабочки. Вершина холма была плоской, срезанной. Дул ветер, красные цветочки дрожали, бабочек сносило в сторону. Я вдруг понял, что здесь, на этом месте, родился Пересвет. Так дул ветер, так дрожали цветы, так блестела далекая речка, так белела проселочная дорога, и так из-за синей тучи падал луч. Я лег на вершине холма. Земля была теплая, в меня из теплой земли потекли волшебные силы. Я испытал небывалую любовь, несказанное обожание к этим затуманенным далям, белевшему проселку, крохотной деревеньке, к синей туче с расплавленной кромкой. Туча закрыла солнце, посыпался легкий дождь. Дождь мочил меня, цветы, все окрестные травяные холмы. А когда

кончился и вышло солнце, все вокруг засверкало алмазами, вся бескрайняя русская даль светилась и сверкала. И я понял, что здесь появился Пересвет, и его подвиг родился из бесконечной любви, из молитвенного обожания, которые передались мне, и я на мгновение стал Пересветом.

Я много думал, и мне открылось, что русские — это народ Пересвет. Иван Сусанин, заманивший поляков в чащобу и погибший от польской сабли, был Пересвет. Александр Матросов, закрывший грудью амбразуру немецкого дзота, был Пересвет. Народный святой Евгений Родионов, которому отсекли голову чеченские боевики, но он не отрекся от Родины, — он был Пересвет. «Русский код», который живет в каждом русском, я называю «код Пересвет».

Петр Дмитриевич умолк. Продолжал слышать шелест дождя в траве, вдыхал запах цветочной пыльцы, видел крохотную бабочку-голубянку, сбитую каплей дождя.

Ирина коснулась его руки:

— Господи, какой вы чудесный! Как много вы мне открыли! Как мне хочется учиться у вас, вам помогать!

Она убрала руку, не сразу, а медленно, и пока ее пальцы скользили по его руке, он испытывал сладость, благодарность к ней за то, что воскресила эти изумительные мгновения.

Подумал, еще недавно они были едва знакомы, он испытывал к ней отчуждение, но теперь она тронула его своей чудесной рукой, и он любит ее скользящими пальцами.

— Я хотела вам что-то сказать. В чем-то признаться. Вы не узнаете меня? — Ирина повернула лицо к окну, свет реки упал на ее высокий лоб, позолотил волосы, линии носа и губ стали тоньше, словно их провел живописец, глаза стали прозрачнее и зеленее. — Не узнаете меня?

— Не узнаю. — Петр Дмитриевич никогда не дул на эти пушистые брови, не пожимал эти чудные пальцы, не целовал эти мягкие розовые губы. — Не помню.

— Вглядитесь в меня.

— Нет, не помню.

Петр Дмитриевич отвечал неуверенно. Воздух марсианских лесов кружил голову, рождал миражи, побуждал верить в невероятное.

— Сейчас я живу на Сретенке. Но мое детство прошло в Люблине. Там есть большой пруд с остатками старой усадьбы. Летом на пруду плавали лодки, а зимой снег расчищали и устраивали каток. Я любила смотреть на первый лед, когда он кажется стеклом. Мальчишки кидали камни, камни летели, отскакивали ото льда, а некоторые пробивали лед, и начинала пузыриться вода.

Я шла по берегу и увидела на льду куклу. Она была растрепанная, раздерганная. Кто-то ее кинул. Мне ее стало жаль. Я пошла на лед, чтобы спасти куклу. Лед

провалился, я ухнула в воду. Ушла с головой, будто кто-то ужасный тянул меня на дно. Стала барахтаться, кричать, а меня утягивало. Я захлебнулась, потеряла сознание. Очнулась на берегу. Кругом люди, среди них молодой мужчина, весь мокрый. Это он кинулся за мной в прорубь. Меня повели домой, чтобы я не замерзла. А мужчина повернулся и пошел. Я видела, как он выжимает кепку. Я запомнила его лицо. Подумала, что непременно его найду.

— Нашли?

— Нашла.

— Кто же он?

— Это вы!

— Вы ошибаетесь, — отмахнулся Петр Дмитриевич. — Я никого никогда не вытаскивал из пруда.

— Это были вы. Когда увидела вас на программе у Бориса Журавлика, сразу узнала вас. И пошла на вечеринку, чтобы убедиться. Это были вы. Я вас нашла. Вы мой спаситель.

— Да нет же, я никого не спасал. Не знаю пруд в Люблине.

— Все эти долгие годы я искала вас и теперь нашла. Вы мой спаситель.

Петр Дмитриевич видел ее благодарные глаза. Ему вдруг стало казаться, что был пруд, сизый лед, растрепанная кукла, бурлящая прорубь и в ней бьется, кричит светловолосая девочка.

Это был мираж. Он и она надышались воздуха марсианского леса, и их посетили миражи.

За окном на реке снова показался белоснежный корабль с зеркальной рубкой. Теперь он плыл обратно, и над ним развевалась малиновая хоругвь со златовласым Спасом.

— Нет, нет, я никого не спасал, — произнес Петр Дмитриевич. — Нам пора идти.

Они покинули ресторан и простились. Ирина спустилась к набережной с непрерывным блеском машин. Петр Дмитриевич поднялся по выложенной плитками дорожке в парк. И ему открылся восхитительный вид. Варварка с золотыми куполами струилась, лилась, приближаясь к Кремлю с его розовыми зубцами, белоснежной колокольней Ивана Великого, на которой горело золотое солнце. На заостренных башнях мерцали капли рубина. Храм Василия Блаженного казался огненной клумбой райских цветов.

Петр Дмитриевич смотрел на Кремль, испытывая восхищение, волшебное озарение от несравненной красоты, которой не было равной в мире. Эта красота казалась родной, обожаемой. Он хранил в себе эту красоту на войне, в скитаниях. Она вдохновляла его, сладко погружала в бесконечное прошлое, делая это прошлое близким и драгоценным. Очертания башен, стен, золоченых куполов находились в таинственной гармонии с его дыханием, сердцебиением. Казалось,

он создан по тем же законам, по тем же божественным чертежам, что и Кремль.

Воздух, окружавший Кремль, светился и чуть трепетал. Так трепещет отражение, потревоженное тихим ветром. Земной Кремль был отражением небесного, который сиял в бездонной лазури. Земной Кремль сошел в Москву с небес, был образом небесного царства. Петр Дмитриевич был одарен этим небесным образом.

В парке былолюдно. Посетители шли по дорожкам, наклонялись к диковинным растениям, вдыхали их запах, и этот аромат действовал на них, как веселящий газ. Все смеялись. Смеялась невеста в белом платье, обнимая жениха в черном костюме с красным цветком в петлице. Смеялись молодые люди, которые шли, пританцовывая, перебрасывая друг другу чей-то желтый картуз. Смеялась молодая женщина, которая катила перед собой колясочку с ребенком, и тот, оглядываясь на мать, смеялся.

Петр Дмитриевич увидел в конце дорожки мужчину и женщину. Они шли, обнявшись, и смеялись. Он испугался и счастливо замер, узнав в них отца и мать, которые не разбились в злосчастном самолете, а остались живы и шли теперь, молодые и прекрасные, и смеялись. Петр Дмитриевич кинулся их догонять, но они свернули на другую дорожку и исчезли, а перед ним оказался изумительный куст жасмина, усыпанный благоухающими цветами.

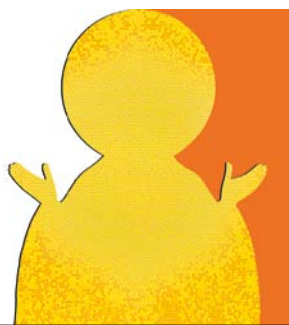
Петр Дмитриевич рассматривал растения, пересаженные в парк из космической лаборатории. У березы был розовый ствол и плакучие ветки. От нее исходил запах церкви, убранной на Троицу березовыми ветками, чуть увядшими среди кадильного дыма и пылающего воска. У сосны были длинные серебряные иглы, словно она стояла среди рождественского мороза и от нее веяло холодом. Клен имел маленькие перламутровые листья, и они пахли, как те заповедные книги из семейного шкафа с подшивками «Весов» и «Аполлона». Дуб был огненно-красным, и от него полыхало жаром.

Петр Дмитриевич чувствовал, как что-то приближалось, огромное, чудесное. Накатилось волной света. Он увидел каждый кирпичик в кремлевской стене, каждый изразец в храме Василия Блаженного, каждого голубя, притаившегося в звоннице колокольни. Он любил Москву, город своего рождения и своей будущей смерти, зная, что смерти нет. Все они сойдутся в небесном Кремле, и ему откроется наконец тайна его появления в этом божественном мире, в божественном городе, где его ожидает несказанное чудо.

Петру Дмитриевичу казалось, что он совершил полет в мирозданье. Очертил круг и вернулся на Землю. Во время полета он добыл еще один «русский код» — «код Москвы». Пополнил «Таблицу Агеева». Вложил золотую частицу в хитон Богородицы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вечером Петр Дмитриевич вернулся домой, в свой уютный загородный дом. Кот Кузьмич выскочил из кустов и побежал впереди машины. Петр Дмитриевич убавил скорость, позволяя Кузьмичу важничать, делать вид, что он, своей милостью, пропускает Петра Дмитриевича к дому. Кот умудрялся различать машину Петра Дмитриевича среди всех проезжавших мимо машин. Бежал впереди к воротам, задрал хвост и перебирая лапами в свете фар. Кот полагал, и быть может справедливо, что именно он является хозяином дома, пускает в него Петра Дмитриевича, снисходительно позволяет Петру Дмитриевичу насыпать корм в мисочку, брать себя на руки и, скрывая недовольство, мурлыкать. Петр Дмитриевич ни в чем не перечил коту, признавал его превосходство. Помнил, что этот полосатый златоглазый зверь хранит в глубине своей кошачьей души «Таблицу Агеева».

Позвонил телефон:

— Дорогой Петрусь, ты предпочитаешь кружить голову юным аспиранткам и забываешь своего старого фронтowego товарища! — Голос Фадея был бархатный, сочный, дружелюбный. В воображении Петра Дмитриевича возникли сразу три Фадея. Один — поникший, с окровавленной головой. Другой — верткий, счастливый, сбивающий с фасада блестящие буквы. Третий — пристойный, светский, с благообразной бородкой.

— Фадей, рад тебе. Хочу повидаться.

— Ирина тобой восхищается. Называет тебя Пересветом. Когда встретимся?

— Когда скажешь.

— У меня есть предложение. Не удивляйся. Существует Сигарный союз. Люди собираются и курят сигары. Что-то вроде клуба любителей санскрита. Дымят, молчат, пьют вино. Приходи завтра вечером в клуб. Подымим, побеседуем, повспоминаем.

— Приду, называй адрес.

Сигарный клуб помещался в ампирном особняке у Чистых прудов. Петр Дмитриевич постоял у янтарного, с белыми колоннами фасада, любясь чугунным балконом и таким же, из узорного чугуна, крыльцом. Позвонил и был впушен. Строгий привратник спросил:

— Вы к кому, господин?

— К Фадею Аристарховичу, — ответил Петр Дмитриевич, разглядывая стены прихожей, увешанные фотографиями именитых курильщиков с сигарами во рту. Среди портретов были те, кого Петр Дмитриевич видел на телешоу, в репортажах из Думы, а также важные незнакомцы, быть может, банкиры, промышленники, послы.

— Петр Дмитриевич, я вас встречаю. Меня зовут Майкл Вякио. Фадей Аристархович вас ждет! — Скорым шагом подошел человек с усиками на круглом лице. На нем была клетчатая кепка, ладный пиджак из клетчатого же сукна, на ногах вязаные гетры. Он напоминал шофера, который водит автомобиль с клаксоном. — Здесь у нас бывают миллиардеры, принцы крови, отставные разведчики. Мы вам очень рады, Петр Дмитриевич.

Любезный, в клетчатом одеянии человек проводил Петра Дмитриевича коридорами и ввел в просторную залу с колоннами. Здесь было сумрачно, мглисто. Стояли кожаные диваны и кресла. В них расположились курильщики. Загорались и гасли огоньки сигар. Поднимались вялые дымы, медленно текли, сливались, тянулись к потолку, где слабо светлела роспись — колесница, богиня, летящие купидоны.

— Вон, видите, господин в черном смокинге? — осторожно, с порога указывал Майкл Вякио. — Это вице-президент «Альфа-банка», старейший член нашего братства.

Костлявый старик с лошадиным черепом погрузился в кресло. Во рту его торчала сигара. Он сделал вдох. Красный уголек загорелся в сигаре. Двумя пальцами он вынул изо рта сигару. Задвигал подбородком, толстыми губами. Выпустил колечки дыма. Колечки излетали одно за другим, текли вверх, медленно увеличивались в размерах.

— Рядом с ним, в малиновом смокинге, владелец сталелитейной компании. Друг президента.

Узколицый господин с зоркими глазами стрелка сделал затяжку. Сжал губы в трубочку и выпустил струю дыма, целясь в дымные кольца соседа. Струя пронзила кольцо, рассекла, и кольцо, как сбитый самолет, стало снижаться и падать.

— А рядом, видите, в вязаной кофте? Это разведчик-нелегал, работавший в Бельгии. Его вернули в Россию по обмену.

Рыхлый толстяк в домашней блузе развалился на диване, закрыл глаза, раскрыл оскаленный рот. В опущенной руке дымилась сигара. На пальце блестел перстень. Изо рта медленно валил дым, будто внутри у разведчика что-то тлело, чадило. Там истлевало его нелегальное прошлое.

— А вот и Фадей Аристархович!

Фадей появился из сумрака, и Петр Дмитриевич подумал, что Афродита родилась из морской пены, а Фадей был сотворен из табачного дыма.

— Петрусь, с гератским приветом!

Они обнялись. Бородка друга кольнула щеку Петра Дмитриевича. Фадей был в вельветовом пиджаке, в рубашке опаш, в модных джинсах и черно-белых туфлях, отличаясь от чопорных, в смокингах, послов и банкиров.

— Майкл Вякио, принесите нам сигары! — попросил Фадей, увлекая Петра Дмитриевича в уединенный угол залы, где стояли два кожаных кресла и столик с бокалами и бутылкой вина. — Поставим дымовую завесу, чтобы нам никто не мешал.

Фадей принял от Майкла Вякио две сигары. Серебряными щипчиками откусил у обеих концы. Одну из сигар передал Петру Дмитриевичу, дожидаясь, когда тот взял ее в рот. Зажигалкой с газовым язычком поджег сигару, наблюдая, как Петр Дмитриевич делает первый вдох. Тлеющий огонек погрузился в табачные листья. Фадей закурил свою сигару. Удобно уселся в кресле, кинув ногу на ногу, и выпустил дым в сторону Петра Дмитриевича, но не в лицо, а мимо, вдоль виска.

— Ну, мой друг, расскажи, как ты жил эти годы?

— Всего не расскажешь. Много странствовал, от Магадана до Смоленска. Один раз тонул в Мезени. Другой раз едва не замерз в Хибинах. Били кастетом в Туле. Стреляли из дробовика под Ростовом. Уцелел, как видишь.

— Собирал «русские коды»?

— Они как зерна. Ими засеяна вся русская пашня.

— А где урожай? Снопки обмолочены, а хлеба нет. Одна мякина.

— Что ж, придется перебирать мякину, выскидывать оставшиеся зерна, вновь засеять русскую пашню, дожидаться нового урожая.

— Уж не знаю, наполним ли мы когда-нибудь наши русские амбары? Вкусим ли досыта хлеба?

— Лишь бы снискать хлеб небесный, а насущный приложится.

Они дымили. Петр Дмитриевич не глотал вкусный дым. Выдувал его обратно. Его дым сливался с дымом Фадея, и их дымы общим облаком поднимались вверх.

— А ты как жил, Фадей? Когда-то ты сообщил мне, что являешься инопланетянином. Улетал к своим на звезду?

— Побывал на черной звезде. Там все в черном свете. Жил в Америке, но решил вернуться в Россию. Во мне живут «русские коды». Хотя я — обмолоченный сноп, но два-три живых зерна во мне осталось.

Они делились воспоминаниями. Вспоминали свалку за расположением полка, где на солнце искрились консервные банки и в сухом знойном небе кружили грифы. Спускались на помойку, били мучнистыми клювами ржавую жесть. Ротный стрелял по грифам из снайперской винтовки.

Вспоминали московскую ночь, когда на проспектах оставались следы гусениц и носились счастливые ватаги с трехцветными флагами. Латунные буквы откалывались от фасада и звонко скакали по асфальту.

Дымы истекали из них, сливались в душистое облако.

— Я услышал о тебе, Петрусь, когда находился в Америке. В интернете прочитал твои статьи о Русской Мечте. Видел передачи с твоим участием. Потом узнал про «Таблицу Агеева». Меня это поразило. Ведь я, как и ты, изучаю «русские коды». Ищу их в Повести временных лет, в русских волшебных сказках, в учении старца Филофея и патриарха Никона. Я перечитал всю русскую поэзию, ее золотой век, век Серебряный, Маяковского, Твардовского. Я тоже хотел составить таблицу, в которой «русские коды» стройно воплотились в Русскую Мечту. Не получилось. Все коды рассыпались, враждовали друг с другом, Мечта не складывалась. Как ты пришел к своей «Таблице»? — Фадей выпустил дым, который свился в спираль и, как вьюн, устремился ввысь.

Петр Дмитриевич не глотал дым, держал его во рту, чувствуя гортанью и нёбом горьковатую прелесть тлеющих листьев. Открывал рот, плавно выпускал дым на свободу. Облако медленно расплывалось, и Петру Дмитриевичу казалось, что вместе с дымом улетучиваются несколько секунд его жизни.

— «Таблица Агеева» явилась мне во сне. Как Менделееву его таблица.

— В те годы, когда жил Менделеев, русским людям снились великие сны. Неужели эти времена возвращаются? Как же это случилось? — Дым, который изошел из Фадея, коснулся дыма, принадлежащего Петру Дмитриевичу, но не слился с ним, а обнял, словно одна душа заключила в объятия другую. — Как сделать так, чтобы мне приснился подобный сон?

— Была весна. Я гулял вдоль лесной опушки. Цвели ивы, похожие на золотые подсвечники, и в каждой свече гудела пчела. Дома я размышлял об удивительной способности русских превращать тьму в свет. В Храме на крови висит чудотворная икона царской семьи. Расстрелянные в Ипатьевском доме святые мученики не требуют отмщения и возмездия, но прощают, взывают к примирению. Не проклинают, но благословляют. С этими размышлениями я уснул. Во сне услышал дивный аромат. Это пахла медом цветущая ива, и

этот запах превратился в аромат маминых духов. Так пахло ее летнее платье. Я сидел в боевой машине разминирования, где-то рядом был ты. В смотровую щель я видел глинобитную стену и над ней синюю главку мечети. Эта главка превратилась в синюю бусину от стеклянных бус, которые мне подарила девушка в день окончания школы. В нашем доме на столе стояла бабушкина хрустальная ваза. Я потянулся к ней, желая кинуть бусину в вазу. Но ваза упала и разбилась. Рассыпалась на множество блестящих осколков. Я закричал, но осколки собрались воедино и сложились в хрустальную вазу, полную солнца. Это была «Таблица Агеева». Все множество кодов сложилось в стройную систему, где один код сочетался с другим и вместе они составляли Русскую Мечту. Таблица отпечаталась во мне. Оставалось только нарисовать ее.

— Поразительно! Так русским святым являлись иконы и звучал во сне голос Господа! — Фадей выдохнул дым, который проник в дым Петра Дмитриевича и остановился в нем, как сердцевина.

Общались между собой Фадей и Петр Дмитриевич. Общались их дымы.

— Сегодня русский народ — это ваза, разбитая на тысячи осколков. — Фадей держал сигару двумя пальцами, водил ею в воздухе, рисуя дымом письма. — Все «русские коды» сместились, перепутались, уничтожают друг друга. Одни коды погибли, другие, неведомые, появились. Народ сошел с ума. Не понимает себя, не понимает мира. Не видит, где его гибель, а где спасение. Ты должен спасти народ. Должен предъявить чудесную таблицу, чтобы расколота ваза снова сложилась. Чтобы вазу наполнило солнце. В этом твое предназначение! Для этого тебе Господь показал во сне вещь таблицу!

— Но в ней присутствуют еще не все элементы. — Петр Дмитриевич следил за письмами, возникавшими из дыма, но не мог прочитать. Фадей писал на незнакомом языке. — В таблице остаются пустоты. Я должен открыть еще несколько кодов и найти им место в таблице. И главное, я должен обнаружить ключевой код, который оживит всю таблицу, превратит ее в могучую силу. Ключ «живой воды», который оросит «Таблицу» и с ее помощью воскресит народ. Я ищу этот таинственный ключ, волшебный родник русской жизни.

— Так давай вместе искать. Давай вместе заполним «Таблицу» недостающими кодами. Все эти годы я занимаюсь тем же, чем и ты. Я изучаю «русские коды». Собираю те, что еще уцелели. Отыскиваю те, что погибли под развалинами русской истории. Я создал хранилище «русских кодов», как создают хранилище элитного зерна. Когда-нибудь мы вместе поседем эти зерна. Покажи мне свою «Таблицу». Мы ее оцифруем, и в таком исполнении введем во все структуры одряхлевшей русской жизни. В затухающую космическую отрасль, превратим ее в «Космос

Русской Мечты». В атомную энергетику, воссоздадим «Реактор Русской Мечты». В армию, наградив ее «Религией Русской Победы». В культуру, где правят бал такие, как Богоносцев и его невеста Ксения Фалькон, провозгласим «Культуру Русской Мечты». Везде, где существуют системы управления, где присутствует Искусственный интеллект, мы внесем в эти системы цифровую «Таблицу Агеева», и она преобразит всю русскую жизнь. Даст долгожданный полет Русскому государству. Открой мне «Таблицу», Петрусь!

Петр Дмитриевич старался прочитать письма, которые выводила сигара Фадея. Они казались ему арабской вязью. Или персидским орнаментом. Или китайскими иероглифами. Или шумерской клинописью. Их смысл оставался сокрытым, и только завораживала дымная струйка, выводившая витиеватую строку.

— Я не могу открыть тебе «Таблицу», Фадей. «Таблица» — сокровенная власть. Кто владеет «Таблицей» — обладает властью, способной устремить Россию в великое будущее, вернуть русскому народу непочатые силы. Или, если «Таблица» попадет к врагу, с ее помощью можно погубить народ, навсегда запечатать Россию в черных пещерах истории.

Я храню «Таблицу Агеева» там, где ее не достать врагу. Я поместил ее в моего домашнего кота Кузьмича. Кот хранит ее, а не я. Не хочу, чтобы «Таблица» попала к врагу и враг поступил с «русскими кодами», как поступил с ними в горбачевскую перестройку.

— Я предоставляю тебе мой сейф. В него невозможно проникнуть чужому. Он снабжен электронными замками, такими системами, которые охраняют склады ядерных боеприпасов, золотые слитки в банке. Положи «Таблицу» в мой сейф, и ключи будут только у тебя и у меня.

— Я не могу открыть тебе «Таблицу», Фадей. Только президенту.

— Ты мне не веришь? Ведь у нас с тобой одна судьба, одна война. Нас покалечил один и тот же взрыв. Одна и та же перестройка. Мы вместе сбивали с партийного фасада золоченые буквы, и ты держал в руке сбитую мной букву «М». Мы русские люди. Как никто, любим Россию, хотим ее возродить. Вооружить русский народ накануне тяжелых испытаний. Если надо, отдадим за Россию жизнь, как отдавали жизнь за нашу красную исчезнувшую Родину!

У Петра Дмитриевича плыла голова. Дымы, его окружавшие, казались разноцветными облаками, и он парил среди разноцветных облаков на воздушном шаре.

Огонь на конце сигары проникал вглубь, сжигал табачные листья, превращал в дым душистые смолы, пьянящие эфиры, наполнял дурманами легкие, летал по крови и возвращался в воздух в виде голубого дымного облака. В этом облаке витала душа курильщика, его тайные чувства и помыслы.

Петр Дмитриевич любил Фадея, чувствовал свою с ним тайную связь. Оба были порождением взрыва. Оба встретились, чтобы вместе совершить великий подвиг во имя ненаглядной Родины. Оба исповедовались друг другу, но не словами, а летучими дымами.

— А ты не боисься, Петрусь, что кто-нибудь вдохнет твой дым и узнает тайну «Таблицы Агеева»?

— Он увидит золотую Богородицу, стоящую на облаке.

Петр Дмитриевич блаженно улыбался, посылая своему другу, своему единомышленнику облако серебристого дыма.

Некоторое время они молчали, улыбались, витали в разноцветных туманах. Глотали волшебный огонь, который разлетался по крови, рождая видения.

— Хочу познакомить тебя, Петрусь, с господами, прилетевшими в Москву из Америки. Они охотятся за «русскими кодами». Охотятся на тебя, Петрусь. Я знаю об их задании. Я работал с ними в Бостоне. Они умны, жестоки. Они умеют под пыткой выбивать из человека информацию. Умеют водить боевые истребители. Умеют взламывать социальные сети. Я предлагаю тебе защиту. Мы спрячем «Таблицу Агеева» так, что они ее не достанут. Но ты запомни их лица и берегись их!

Фадей поднялся из кресла и повел Петра Дмитриевича через залу.

Петр Дмитриевич заметил, как по зале движется Майкл Вякио. Тот держал в руках сачок, каким ловят бабочек. Осторожно приближался к облаку дыма, ловко вычерпывал, уносил куда-то и вновь возвращался. Искусный ловец, он подкрадывался к добычке, улавливал вялый клуб дыма и бережно уносил.

— Что он делает? — Петр Дмитриевич зачарованно наблюдал охоту за дымами.

— Майкл Вякио коллекционирует дымы известных персон. У него огромная коллекция. Ты можешь подарить ему свой дым.

Несколько диванов и кресел были сдвинуты, образуя купе. Здесь уединились три курильщика, чем-то похожие один на другого. Все трое в черных смокингах, с усами, колючими, пушистыми, вразлет. Усы закрывали верхнюю губу, из-под которой истекал дым. Казалось, вместе с сигарами дымятся усы.

Фадей не представил Петра Дмитриевича, но каждого американца называл по имени. Петр Дмитриевич, опьяненный дурманом сгоревших листьев, не запомнил имен. Опустился в кресло и стал наблюдать, как дым просачивается сквозь усы курильщиков и те одинаковыми движениями языка выталкивают дым изо рта.

— Надо признать, что наша работа не была доведена до конца, — произнес тот, что имел усы щеткой. Он говорил на прекрасном русском, и лишь конец фразы слегка загибался вверх, как восточный чувяк. — Нами были уничтожены все «советские коды», «красная»

Россия пала и, казалось, больше не возродится. Но, видимо, оставался еще один неведомый код, малый ключик, который не удалось обнаружить. Русские спрятали его в какое-нибудь русское животное, в сказочную утку или в зайца. Может быть, укрыли его в дупле дерева или на кончике сосновой иглы. Мы должны отыскать этот код, чтобы ошибка не повторилась. Не случилось воскрешения русских.

— Но, может быть, мы ищем этот волшебный ключик на земле, а русские прячут его на небе? — произнес второй с пышными усами. Во рту его виднелись два желтоватых резца, придававшие ему сходство с бобром. — Русские считают себя небесным народом, объясняют свое происхождение чудом. Чудо позволяет русским воскреснуть после очередной смерти. Из чудесного сосуда капает в мертвую Россию капля «живой воды», и Россия воскресает. Мы должны искать «русский код» на небе. На том, до которого не долетают космические корабли.

— Насколько я понимаю, для русских чудом является Победа. — Третий господин носил усы вразлет, причем один ус был короче другого, словно короткому усу не хватало питания и он отстал в своем росте. — Русские понимают Победу как одоление адской тьмы райским светом. Считают своих павших солдат ангелами, а Сталина архангелом. Нам не удалось сжечь икону русской Победы, и они перенесли эту икону из «красной» России в нынешнюю. Может быть, они спрятали свой волшебный код в Победу?

— А что думает русский коллега? — спросил тот, что был похож на бобра.

Петру Дмитриевичу казалось, что он кружится в вальсе. Так действовал на него табачный дурман. Он понимал, что сидящие перед ним усачи были врагами, принимавшими участие в убийстве его «красной» Родины, и явились в Москву, чтобы добить Россию. Он не испытывал к ним ни вражды, ни страха. Дымы действовали на него как наркоз, снимавший боль и гасящий бдительность. Рядом сидел его друг Фадей, готовый защищать драгоценные коды, сберегать от врагов «Таблицу Агеева». Продолжая вальсировать под хрустальными люстрами, среди восхитительных дам и блистательных кавалеров, Петр Дмитриевич произнес:

— Вы хотите узнать, господа, где таится русский волшебный код, коим совершится воскрешение России? Этот код таит в себе Пушкин, потому в него и стреляли, но промахнулись. Этот код хранится в «коте ученом», а также в сосновом дупле возле дома старого космиста. Он сбережен в Победе, которую пытались отнять у русских, поливали грязью, жгли огнеметами, били из танков у Дома Советов. Но русские перенесли Победу из «красного» времени в нынешнее. Так выносят из окружения знамя полка, наматывая его на простреленную грудь. Переносят через линию фронта, поднимают, и под знаменем вновь собирается полк.

Не трудитесь, господа, отыскивать этот «русский код». Завтра я отправляюсь в Новый Иерусалим, где хранится тайна главного «русского кода» — «кода Победы». Вам его не найти, господа. Вам не помогут никакие усы! — Петр Дмитриевич встал с легкостью молодого танцора, продолжил кружение. Майкл Вякио махнул перед его глазами сачком, стараясь поймать облако дыма, но промахнулся, и дым улетел к потолку, где богиня неслась на колеснице в окружении купидонов.

— Хочешь посмотреть хранилище дымов? — Фадей взял Петра Дмитриевича под руку, чтобы тот не упал. — Ты зря сообщил этим трем колдунам, что отправляешься завтра в Новый Иерусалим. Как бы они не увязались за тобой.

— Что ж, покажите мне ваш колумбарий! А эта усатая троица мне не помеха.

Майкл Вякио, отложив сачок, повел Петра Дмитриевича и Фадея вниз по лестнице в подземный этаж, где располагалось хранилище. Вдоль стен от пола до потолка высились стеллажи. На них плотно стояли стеклянные сосуды. В каждом что-то неясно туманилось. Это были дымы, которые когда-то излетели из уст знаменитых курильщиков. Сами знаменитости были давно мертвы, а их дыхание вместе с дымом было уловлено в сосуды.

— Здесь есть дымы русских царей и русских писателей, — пояснял Майкл Вякио, бережно касаясь сосудов. — Есть дым Витте и Струве. Дым Зинаиды Гиппиус и Владимира Маяковского. Дым Гесса, взятый у него в тюрьме Шпандау за неделю до самоубийства.

— Что вы делаете с этой драгоценной коллекцией? — поинтересовался Петр Дмитриевич, постепенно освобождаясь от табачного дурмана.

— Каждый дым содержит тайну человека, курившего когда-то сигару, — пояснял Майкл Вякио. — Если вдохнуть этот дым, вам откроется эта тайна. Мы узнаем тайны дымов и пишем историю, основанную не на слухах и случайных документах, а на помыслах тех, кто творит историю.

— Какие же тайны вам удалось разгадать?

— Вот, например, дым Наполеона, — Майкл Вякио тронул сосуд, в котором таилась голубоватая дымка. — Отведав этого дыма, мы выяснили, что между Наполеоном и Александром Первым был заключен пакт о ненападении, который имел секретные протоколы. По этим протоколам совершался раздел мира между Россией и Францией. России отходила Индия, бывшая тогда английской колонией, а Наполеон забирал себе Африку, Австралию и саму Британию. Поход атамана Платова в Индию провалился, потому что случился падеж лошадей и казакам не на чем было добраться до Индии.

— Могу я попробовать дым Наполеона? — робко поинтересовался Петр Дмитриевич.

— Это весьма опасно, — деликатно отклонил просьбу Майкл Вякио. — К нам приходил один пе-

тербургский профессор. Он обожал Наполеона и во всем ему подражал. Он отведал дым императора, вернулся в Петербург и расчленил молодую красавицу, полагая, что это символическое расчленение мира. С четвертованной женщиной он решил переправиться через Березину, но, как вы знаете, переправа прошла неудачно.

— А какой дым я могу отведать? — продолжал настаивать Петр Дмитриевич.

— Пожалуй, дым от сигары Василия Ивановича Чапаева.

— Чапаев курил сигары?

— Он разгромил штаб Колчака и нашел там сигары. Перед атакой он курил сигары.

Майкл Вякио достал с полки стеклянный флакон. В нем содержалась серая муть. Поставил флакон на подставку, как это делают с электрическим чайником, и нажал кнопку. Муть взволновалась, обрела розовый цвет, стала огненно-красной. Майкл Вякио снял флакон с подставки, достал пластиковую трубочку и вставил ее в сосуд, словно в нем содержался коктейль.

— Отведайте, — Майкл Вякио пригласил Петра Дмитриевича. — Только, пожалуйста, самый малый глоточек!

Петр Дмитриевич ухватил губами трубочку и втянул дым.

Почувствовал слабый ожог, будто проглотил капелюку уксуса. Ему показалось, что в язык укусила пчела, и он вскрикнул от боли. Жаркая боль проникла в сердце, и оно расширилось, взбухло. Глаза стали выпучиваться, полыхнул ослепительный свет, и Петра Дмитриевича подхватило, помчалось, понесло. Кругом свистело, грохотало. Сливались размытые дали. Мелькали города, реки, горы. Летели звезды. Визжали осколки. Это были осколки разорванных планет и рассеченных галактик. Петр Дмитриевич мчался в седле с криком: «Даешь!» В руке сверкала верная сабля с отражением Млечного Пути, и от нее отлетали отрубленные головы встречных планет.

Петр Дмитриевич очнулся. Майкл Вякио и Фадей приводили его в чувство. А Петр Дмитриевич, испытавший восторг русской атаки, помещал в свою «Таблицу» еще один русский код — «код Чапаева».

— Мне пора идти, — слабо произнес Петр Дмитриевич. — В следующий раз я приду и сделаю две затяжки.

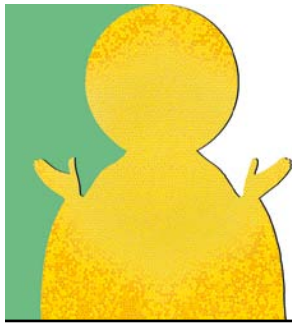
Его провожал Фадей:

— Еще раз прошу, Петрусь, давай работать вместе. Покажи мне «Таблицу Агеева».

— Не могу, Фадей. Только президенту России. Она находится под грифом «секретно».

— Я не настаиваю. Вместе нам было бы легче ее охранять. И еще раз скажу, зря ты сообщил этим трем усачам, что отправляешься завтра в Новый Иерусалим.

Друзья обнялись, условились встретиться вновь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Петр Дмитриевич не сомневался, что кот Кузьмич любит его. Просто кот был скуп на внешние изъявления чувств. Ему была чужда привычка впрыгивать Петру Дмитриевичу на колени. Он редко позволял себе забираться на кровать хозяина и спать у него в ногах. Нехотя оборачивался, когда Петр Дмитриевич окликал его. А иногда и просто делал вид, что не замечает, следовал мимо, не оглядываясь. Не откликался на все заискивания и оклики.

Но между котом и Петром Дмитриевичем существовала молчаливая связь, которая не нуждалась в словах и признаниях, в умиленных знаках внимания. Когда Петр Дмитриевич выходил из дома и усаживался в кресло под сосной, глядел, как из-за дерева медленно выплывает белое облако и мимо пролетает бабочка-белянка и в этом блаженном созерцании являются образы детства, милые лица близких, строка полузабытого стихотворения, кот Кузьмич появлялся и ложился в стороне, так чтобы его мог видеть Петр Дмитриевич. Они часами находились рядом, не докучая друг другу, погруженные в единое сладостное созерцание, в полуденный свет, где они оказались вместе среди запаха цветов, белого облака, пролетевшей бабочки и мимолетной строки: «Младая будет жизнь играть». Кот Кузьмич знал эту строку, как и все пушкинское стихотворение. Знал все, что знал Петр Дмитриевич, и гораздо больше. Ибо имел заоблачное, космическое происхождение. Был мудрее и совершеннее Петра Дмитриевича. Недаром Петр Дмитриевич доверил коту сбережение самого драгоценного своего достояния — «Таблицы Агеева».

«Вера в Чудо» была «русским кодом», который приводил в движение множество других «русских кодов». «Таблица Агеева» была Чудом. Чудом была и сама Россия с ее историей, где чередой смертей сменялась чередой воскрешений. Это придавало русской истории пасхальный смысл.

Желая увидеть, как сходит на Россию благодатный огонь, Петр Дмитриевич отправился к своему знакомцу отцу Андрею, обитавшему в подмосковном селе вблизи Нового Иерусалима.

Новоиерусалимский монастырь был прекрасен. Колокольня струилась в лазурь, похожая на восхитительное райское дерево. Главы соборов, как воздушные шары, колыхались, касались друг друга, издавали тихие перезвоны. Стены с башнями были покрыты серебристым тесом, и если подняться на стену, открывались зеленые дали, синие леса, блестела река, и в небе летели птичьи стаи. Шатер Воскресенского собора, полный голубых лучей, казался небесным сводом. В нем витали ангелы. Песнопения, вместе с душистыми дымами, утекали ввысь, и там, под куполом, что-то сотворялось из лучей, дымов, песнопений, плещущих ангельских крыльев. Оттуда тихо стекало сусальное золото, и лица молящихся казались озаренными.

Было много старушек в блеклых разноцветных платочках. Пожилые мужчины стояли без шапок, сутулые, с задумчивыми тихими лицами. Молодые крепкие парни теснились вместе и истово одновременно осеяли себя крестным знаменем. Были паломники и паломницы в стоптанных башмаках и черных подрясниках. Был юродивый, который кривлялся и что-то выкрикивал. Малые дети шалили и бегали по храму. Было несколько солдат в форме с фуражками под мышкой. Молились казаки с лампасами, усыпанные крестами.

Петру Дмитриевичу было хорошо. Он был вместе со своим народом, молился, ставил свечки, не стеснялся слез, когда хор страстно, неземными голосами пел: «Богородице дево, радуйся». Все вокруг начинало плыть, плавилось, отекало золотом, и хотелось, чтобы не кончались песнопения, не кончались слезы, не кончалась любовь.

Юродивый в обносках, кривляясь, шлепая слюнявым ртом, шел среди прихожан с картонной коробкой, собирая деньги. Подходил к каждому, говоря:

— Клади рупь — возьми два!

Люди сыпали деньги. Юродивый подошел к Петру Дмитриевичу. Пахло кислым потом. Одноглазое лицо ухмылялось.

— Клади рупь — возьми три!

— Почему три, а не два? — Петр Дмитриевич кинул в коробку купюру.

— У собак лица, а у людей морды. Такое время, — произнес юродивый и пошел толкаться среди прихожан.

Петру Дмитриевичу показалось, что из толпы сверкнула вспышка. Кто-то сделал снимок. Мелькнул человек с аппаратом и скрылся. Его лицо показалось знакомым. Пушистые усы и два резца во рту, как у бобра. Такое лицо Петр Дмитриевич видел накануне в курительной зале, где Фадей знакомил его с тремя усачами. Однако Петр Дмитриевич мог обознаться и скоро об этом забыл.

Петр Дмитриевич и прежде бывал здесь. Патриарх Никон, основатель монастыря, волновал его. Грозное лицо, косая борода, черные, навывкат, глаза, тяжелый нос и толстые губы, могучий кулак, сжимающий посох, — таким выглядел Никон на старой парсуне, перед которой долго простаивал Петр Дмитриевич. Старался разгадать тайную мечту патриарха.

Тот решил возвести среди подмосковных берез точное подобие храма Гроба Господня в Иерусалиме. Перенес из Палестины в Подмоскovie образы и названия Святой земли, где прошла земная жизнь Иисуса Христа, где ступала нога Спасителя, где Его постигла мученическая смерть и случилось чудесное воскрешение. В монастыре и вокруг были Крестный путь, Голгофа, Гефсиманский сад, Фавор, Генисаретское озеро, Галилейское море. Речка Истра именовалась Иорданом.

Петр Дмитриевич не мог понять могучую и пугающую идею патриарха, который перенес под Москву, как по воздуху, палестинский Иерусалим. Не стал завоевывать, как крестоносцы, залившие Палестину кровью, а волей и духом переместил под Москву светоносную землю. Победил пространство и время. Присоединил к Москве Палестину, как до этого присоединили Сибирь и Малороссию.

Эта затея могла показаться прихотью. Новый Иерусалим мог выглядеть макетом, копией подлинного Иерусалима. Но здесь, у монастырских стен, веяло таинственной силой, будто и впрямь эти опушки, деревеньки, проселки «в рабском виде Царь Небесный исходил благословляя».

Несколько раз во время этих размышлений ему казалось, что он видит вспышку фотокамеры. Кто-то фотографировал его, укрываясь в толпе. Вчерашняя усатая троица мерещилась ему среди прихожан. Усы щеткой, пушистые и вразлет мелькали среди подсвечников и лампад. Но, быть может, ему это только казалось.

В раздумьях Петр Дмитриевич покинул монастырь и отправился к отцу Андрею поразмышлять о Русском Чуде.

Он застал отца Андрея в саду под яблонями за чаепитием. Статный, с каштановой бородой,

ясным взглядом, отец Андрей в белом подряснике поднялся навстречу Петру Дмитриевичу. Благословил, усадил за стол. Придвинул чашку и вазочку с земляничным вареньем, вокруг которого кружила оса. Сквозь яблони, на которых наливались плоды, белела церковь, блестел пруд с плавающими гусями. Слышался свист косы. Громадного роста казак в шароварах с лампасами, в рубахе навыпуск махал косой, выкашивая бурьян.

— Какими судьбами, Петр Дмитриевич? — Отец Андрей наливал в чашку Петра Дмитриевича чай из фарфорового чайника с красным петухом.

— Да вот, переплыл Иордан и сразу к вам, отче.

— Омовение в Иордане, считайте, второе крещение.

— В чудесном месте обитаете, отец Андрей. Должно, кругом чудеса творятся?

— А это разве не чудо? — Священник указал на церковь, нежно белевшую сквозь яблони. — Какой она мне досталась! Один фундамент, алтарь мерзостями исписан, смрад. «Боже, как мне ее поднимать?» Но вот чудо, стоит Божья краса!

— Вы чудотворец, отец Андрей.

— Не я — патриарх Никон. Он помогает. Откуда силы берутся? Откуда дарители являются? Патриарх присылает.

— Как же он присылает?

— Я вам расскажу, Петр Дмитриевич. Задумал я заказать пять икон во славу русского оружия. Денег нет, где взять? Казна моя пуста. И вот приходит один человек, в брезентовом плаще, грязью заляпанный, с сумкой. Спрашивает меня. Я младенцев крещу, не могу к нему выйти. Он два часа смиренно ждал под дождем. Я вышел: «Что вы хотели?» Он сумку на землю поставил: «Тут вам, батюшка, на иконы». И ушел. Я сумку открыл, а она полна денег. Десять миллионов. Кто прислал благодетеля? Патриарх Никон.

Они сидели, пили чай. Пот катился по лицам. В стороне свистела коса. Казак могуче двигал плечами, отирал сверкающую косу клочком травы.

— Вы спрашиваете, Петр Дмитриевич, какие чудеса здесь творятся? Я вам скажу какие. Я сам местный, родился в Истре. Монастырь с детства знаю. Ну развалины ну, немцы в войну взорвали. Все привычно. Ушел в армию, пришел из армии. Ищу работу. Не нахожу подходящей. Маюсь. Стал водкой баловаться. А было Крещение. Снег, мороз. В церковь никогда не ходил. Лег спать. Вдруг среди ночи кто-то толкнул: «Встань и иди!» Куда идти, не сказал, но я знаю. В монастырь. Взял фонарь, ночью пошел в монастырь. Темень, ветер жжет. Вошел в собор. Руина. Под ногами хрустят изразцы, о кирпичи спотыкаюсь. Зажег фонарь. Под ногами то голова ангела вспыхнет, то крыло. Вошел в со-

бор. Огромный, ветер в окнах ревет, а купола нет, рухнул. В небе дыра. А оттуда, из черной дыры, звезды. Сверкают, переливаются, то зеленые, то голубые, то розовые. На меня из неба чудесная сила нисходит. Чей-то голос. Слов не разобрать, но гудит с ветром. И такой во мне восторг, такое счастье, такая вера в Того, Кто смотрит на меня из звезд сквозь купол разоренного храма! Кто поет мне Свои небесные песнопения! Я ушел из монастыря и спустился к Истре, которая есть Иордан. Берег в огнях. Свечи, лампы. Люди поют, входят в реку. Берега белые, а вода черная, текучая. Я разделся, принял свечу и вошел в Иордан. Не чувствую холода. Иду в реке со свечой, и так мне хорошо, так дивно, такое благоговение. Уж потом, когда стал священником, понял: здесь, в Иордане, принял крещение. А в соборе под звездами был рукоположен, принял сан. Крестил и рукоположил меня патриарх Никон.

Лицо отца Андрея светилось тихим счастьем. Он поведал Петру Дмитриевичу о чуде преображения.

Петр Дмитриевич чувствовал, как ему открывается дивное знание. Рождается долгожданный код, погружающий русского человека в бездонную благодать. «Код Русского Чуда». Петру Дмитриевичу казалось, что в душе его таинственные соты наполняются медом. Малые восковые чашечки принимают в себя одну за одной золотые капли. Он слышал медовый аромат.

— Что же дальше, отец Андрей?

И тот продолжал:

— Я, Петр Дмитриевич, о патриархе Никоне все, что мог, узнал. В архивах рылся, историков читал, царские грамоты и монастырские книги перечитал. Где родился, как рос, как стал патриархом. Как с царем сначала дружил, а потом рассорился и попал в немилость. Как монастырь замыслил. Как монахов в Палестину посылал, чтобы те чертежи храма Гроба Господня привезли. Как сам по округе ходил и указывал, где быть Голгофе, где Гефсиманскому саду, где Генисаретскому озеру. Не понимал его замысел. Чувствовал, что-то огромное, небывалое, а что, не мог понять. Постепенно приходила догадка, от которой становилось и страшно, и дивно. То один свидетель обмолвится. То в житие промелькнет. То в богословских спорах, что он вел с царем и протопопом Аввакумом, намек прозвучит. Мне открылось, что Никон выбрал под Москвой место, куда Господа на Второе пришествие приглашал. Звал в Россию, в избранную землю, в духовную Палестину, где случилось когда-то первое пришествие Христа. Никон хотел, чтобы Господь эти места узнал, как родные, спустился и отсюда повелись бы новая земля и новое небо. Грандиозная мысль! Приглашал Господа в Россию.

Гордыня это, или откровение, или страшная ересь? Я много исходил дорог вокруг монастыря, там, где, по замыслу Никона, должна была ступить нога Спасителя. Мне казалось, он здесь уже побывал. У этого камня сидел. К этой березе прислонился. В этом ручье ноги омывал. Тут, на пригорке, проповедовал. Все в этих местах дышало святостью, каждый цветок, каждая пролетевшая птица, каждое облачко над лесом. Был, был Господь! Но когда? Когда спускался с небес на Русскую землю?

Петр Дмитриевич слушал исповедь священника. Казалось, под сердце проник волшебный луч, разбудил дремлющие воспоминания, забытые образы. Словно состоялось зачатие, начинался неведомый рост. Это взрастал «код Русского Чуда».

Петр Дмитриевич вдруг вспомнил, как в детстве проснулся на рассвете, подошел к окну. В синем небе над Пушкинской площадью летели чайки, серебряные, сияющие, и он испытал при виде серебряных чаек восторг. Вспомнил, как бабушка вела его в детский сад и, выходя из дома, он увидел генерала в золотых погонах, в орденах, и генерал ему улыбнулся. Вспомнил, как плакала мама, а отец прижимал к груди ее голову, гладил по волосам и спина у мамы вздрагивала.

Созревание волшебного кода напоминало пробуждение весенней природы. Еще повсюду снег, леса пустые, безмолвные. Но что-то дрогнуло в этих лесах, в вершинах осин сгустилась синь, изменили цвет кусты у дорог. И в одно мгновение что-то сверкнуло, загремели ручьи, кусты стали золотыми, лиловыми, синими, полетели в небесах птичьи стаи, и ликующая, восхитительная явилась на землю Весна Священная.

— Продолжайте, отец Андрей! Пожалуйста, продолжайте!

И тот продолжал:

— Я, Петр Дмитриевич, страстный грибник. Беру корзинку — и на весь день в леса. Места здесь грибные, облюбованные. Раз пошел по грибы, иду лесом и чувствую святость берез, лесных колокольчиков, болотных горлиц, в которых дремлют бронзовые жуки. Каждый гриб, который мне является, будто светится. Как лампада в траве горит. Я его из травы вынимаю, а он мне улыбается. Собрал немного. В корзинке дна не покрыл. Один боровик, ножка белая, как из сметаны, а шляпка шоколадная. Красноголовики, парочка, крепыши в малиновых беретах. Сыроежки, желтые, розовые, как блюдца, и в каждой капелька воды. Иду, наслаждаюсь. Вдруг мне навстречу дед. Тоже грибник. Борода косая, косматая. На голове шапка мятая, тертая. В одной руке палка, ею траву шевелит. В другой руке корзина. Я в корзину к нему заглянул, а она пустая. «Что, отец, мало собрал?» — спрашиваю.

«Да все к тебе пересыпал». Смотрю, а у меня корзина полная. И все боровики, один другого крепче. «Садись, — говорит, — отдохнем». Мы сели под березой, разговариваем.

«Вот тут места такие, библейские. А люди сомневаются. Какой, говорят, Гефсиманский сад, если Христа здесь не было? Какой Фавор, если Преображение не случилось? А ведь был здесь Христос. Нисходил в наши места Спаситель, которого ждал патриарх Никон». — «Когда же он нисходил?» — спрашиваю. «А в сорок первом году, когда немец к Москве подступил. Гитлер всю Красную армию разгромил, все русские танки и самолеты сжег и подступил к Москве, остановился у Истры, у Нового Иерусалима и отсюда последний удар по Москве готовил. Москва без войск, без защитников, не устоит. И тут случилось чудо. В народе говорили, что свет с небес сошел. Немцы ужаснулись света, побросали свои машины, пушки и кинулись бежать по дорогам. И этот свет гнал их от Нового Иерусалима до самого Берлина». «И что это за свет?» — спрашиваю. «А это был сам Спаситель. Он снизошел в час, когда Россия пропадала. Потому что немцы были демоны, которые ополчились на Царствие Небесное, хотели вернуть себе Царствие, откуда их Господь изгнал. Хотели захватить чертог Господа. А Россия есть преддверие в Царствие Небесное. Демоны хотели сначала покорить Россию, а потом захватить Небесное Царство. Вот Господь и снизошел, совершил свое пришествие, стал во главе русских войск, загнал демонов в Преисподнюю, откуда они родом. Стало быть, пророчество патриарха Никона о пришествии Христа в Россию у Нового Иерусалима сбылось. Оттого эти места намолены, и каждый грибок, как лампадка, светится». Старик поднялся, поклонился мне и пошел. На прощание оглянулся, и я увидел, что на голове у него митра в золоте, облачение из белой парчи, а в руке патриарший посох, усыпанный камнями. Это был патриарх Никон, каким изображен на парсуне.

Отец Андрей в своем белом подряснике казался праведником, каких изображают на райских иконах. Красный петух на фарфоровом чайнике был петухом, которого тетя Поля в морозные ночи опускала в подпол и тот из подземной тьмы пел о восходе солнца. Медовые соты переполняла золотая благодать. «Русский код» сочетал душу русского человека с Россией, данной ему как непостижимое чудо.

Петр Дмитриевич заметил, как среди яблонь мелькнул человек. Его сходство с бобром, распущенные усы и торчащие изо рта резцы напомнили Петру Дмитриевичу вчерашнюю курительню и трех охотников за «русскими кодами». Они явились

в Россию из американских секретных центров, и теперь усатый американец таился в яблонях, поводил усами, как антеннами. Направлял их в сторону отца Андрея и Петра Дмитриевича, туда, где рождался чудодейственный «русский код».

Человек с внешностью бобра скрылся. На его месте появился другой, с усами щеткой, а потом и третий, с усами вразлет. Они возникали и прятались. Искали место, где яблони не заслоняли отца Андрея и Петра Дмитриевича. Они вели подслушивание. Слуховыми аппаратами служили усы, излучающие радиоволны. Оса, присевшая на вазочку с земляничным вареньем, почувствовала излучение и улетела.

— Отец Андрей, что за люди? — Петр Дмитриевич указал на усатых разведчиков.

— Где?

— Да вон, за яблонями!

Теперь и отец Андрей видел непрошенных гостей.

— А кто их знает. Может, воры. На той неделе церковь Покрова ограбили, две иконы унесли. Эй, Карп! — Отец Андрей окликнул казака. Тот перестал косить. Не выпуская косу, подошел к столу. — Карп, глянь, что за люди. Пугни-ка их!

Казаки посмотрели туда, где за яблонями скрывались лазутчики.

— Благословите, батюшка, косою пугнуть.

— Пугни, но не шибко.

Казаки напряг мускулы, набычились, издали рык. Взмахнул косою и с рычанием помчался на соглядатаев. Он был так страшен, так жарко пылали его лампы, так жутко сверкала коса, что американцы не выдержали и побежали. Петру Дмитриевичу были видны их удалявшиеся усы.

Казаки Карп вернулся и продолжил косить бурьян. Отец Андрей пригласил Петра Дмитриевича:

— Пойдемте в храм. Хочу вас порадовать.

Они вошли в церковь. Здесь было прохладно. В золотистом сумраке витало тихое эхо утренней службы.

Песнопения, молитвы, вздохи и шелесты слабо теплились в опустевшем храме. На полу лежала красная ленточка, которую обронила какая-нибудь маленькая девочка.

— Вот смотрите, Петр Дмитриевич!

На стене висело пять больших икон. Они были в деревянных киотах. Поля икон были украшены серебряной чеканкой. Выступая на верхнее поле, изображался святой, которого прославлял писанный образ. Ниже все пространство иконы занимали батальные сцены. Стреляющие танки, взорванные доты, идущая в атаку пехота. Эти батальные сцены были столь правдоподобны и красочны, что казалось, танки движутся, взрывы вспыхивают, пехотинцы бегут и падают, пронзенные очередями.

— Что это, отец Андрей? — изумился Петр Дмитриевич, не встречавший прежде подобных икон.

— Это иконы Священной Победы. Как русское воинство, ведомое Христом, одолело демонов и отстояло Царствие Небесное, по пророчеству патриарха Никона.

Петр Дмитриевич рассматривал небывалые иконы.

На образе Георгия Победоносца красноармейцы гнали по снежным дорогам отступавших фашистов. Краснел Кремль, летели снаряды «катюш», мчались на лыжах автоматчики в белых халатах. Впереди наступающих войск сиял столп света, отгонявший демонов от Москвы.

На иконе Дмитрия Солунского немцев громили под Сталинградом. На Волге вздымались водяные взрывы. Пехотинцы с красным знаменем опрокидывали фашистов. Среди черных развалин белел знаменитый фонтан, пионеры с оторванными руками и головами продолжали вести хоровод, удерживая кольцо окружения. Над полем битвы светился поднебесный столп, направляя русских воинов в бой.

Архистратиг Михаил вел сражение на Курской дуге. Сшибались в таранах танки. Орудья стреляли по «тиграм» прямой наводкой.

Среди кромешной схватки светился лучистый столп — сошедший на землю Христос.

Еще две иконы — адмирала Ушакова и Александра Невского — посвящались схватке за Севастополь и битве за Берлин. На крыше Рейхстага советские пехотинцы водружали Знамя Победы. Над ними раскрылось дымное берлинское небо, и оттуда летели пылающие голубые лучи победного фаворского света.

— Это Русское Чудо! Чудо Русской Победы! — Петр Дмитриевич прикладывался ко всем пяти иконам, слыша, как образа пахнут медом.

— Теперь же, Петр Дмитриевич, хочу показать место, где состоялось сошествие Христа.

Над лесом стояла высокая синяя туча. Ее оплавленная кромка слепила. В глубине тучи рокотало. Пыль на дороге была горячая, белая. Вошли в лес, но не стало прохладней. Пахло баней, березовыми вениками, пряными болотными цветами. В душистых соцветиях спали бронзовые жуки. На цветке иван-чая замерла бабочка, не в силах взлететь. Процокала белка и скрылась в дубе.

Свернули с лесной тропинки и пробирались в чаще. Перешли ручей с мелкой черной водой. Ряд мухоморов глянул из травы и исчез.

Петр Дмитриевич шагал за отцом Андреем, чувствуя немощь. Сердце ухало. Он задышался. Казалось, они вошли в зону аномальных явлений. Здесь не действуют физические законы. Спутались

магнитные линии. Из неба сквозь ветви давит непомерная тяжесть. Так чувствуют себя путники, приближаясь к месту, где упал Тунгусский метеорит.

— Вот здесь, Петр Дмитриевич.

Среди зарослей, окруженный деревьями, темнел остов легкового автомобиля. Без дверей, без крыши, без мотора, без руля — одна рама. Сквозь днище, продрав ржавый металл, росла береза, высокая, с белыми ветвями и пышной зеленью, которая фонтаном взлетала к небу и зелеными струями ниспадала к земле.

— Что это? — спросил Петр Дмитриевич.

— Штабной «мерседес». Какой-то немецкий генерал удирал по лесной дороге, и машина застряла.

Окрестные мужики стекла, мотор утащили, а кузов здесь догнивает. Дорога заросла, а береза машину насквозь пронзила и выросла до неба. Не снаряд машину подбил, не фугас, а русская береза.

Петр Дмитриевич смотрел на березу, которая была как зеленый взрыв. Она касалась неба, черпала небесные силы и возвращала на землю могучим взрывом, который разметал нашествие, сжег броневики и танки. Наполнил ужасом сотрясенные души врагов и погнал из России до ворот в преисподнюю, где они исчахли и сгнули. Русский лес белизной берез одолел немецкую тьму. Железо «мерседеса», рожденное на сталелитейных заводах Германии, было изъедено тихими русскими травами, улитками, божьими коровками. Ржавый скелет таял среди цветочной пыльцы, грибных запахов, свиста невидимой птицы.

— Это русское Древо Добра и Зла. — Отец Андрей подхватил свисавшую ветку и поцеловал, как целуют икону. — Эту березу Господь посадил, когда спустился на землю.

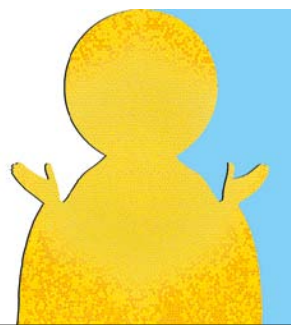
Петр Дмитриевич чувствовал благоухание дерева, исходящий от него таинственный свет. Недавняя немощ прошла. Ему было чудесно, светло. Казалось, он всю жизнь шел к этой березе. Она звала его, оберегала от бед, вразумляла, вдохновляла на великое служение, открывала сокровенные истины. Он был благодарен березе, испытывал благоговение.

Вдруг разом потемнело. Туча надвинулась и встала над головой. Грохнуло и сверкнуло. Ослепительно-серебряной стала береза. Далеко в лесу послышался шум. Приближался, гудел, наполняя лес рокотом, хлюпом. Шквальный ливень прошиб листву, обрушился вместе с громом и блеском, которые оглушали, слепили, метались над вершинами, превращая ливень в огненный водопад.

Отец Андрей и Петр Дмитриевич стояли под березой, с которой, как по зеленым трубам, лилась вода. Не убегали из-под ливня. Пили воду небес. Животворящую воду Русского Чуда.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Общение Петра Дмитриевича и кота Кузьмича было глубинным. Не исчерпывалось нареканиями Петра Дмитриевича, когда кот не отвечал на приветствия. Или исчезал на несколько дней, не известив хозяина, и являлся исхудалым, разодранным, с истерзанными ушами.

В этом глубинном общении мяуканье кота, иногда трогательное, иногда раздраженное, не отражало всех душевных состояний, которыми Кузьмич делился с Петром Дмитриевичем.

Их общение было немое. Оно требовало молчания, ибо касалось неизъяснимых материй.

Они оба знали о существовании Бога. О том, что сотворены Богом и живут в одно время и в одном месте не случайно, а в этом есть предопределение. Они знали, что рано или поздно умрут. Это знание их роднило, заставляло быть вместе, дорожить минутами общения.

Оба ведали о существовании зла, которое для Петра Дмитриевича проявлялось в несчастях любимой Родины, а для Кузьмича — в невозможности предотвращать нашествие посторонних злобных котов. К тому же Кузьмича больно ранило вероломство кошечек, которые ценили не ум и искренность чувств, а грубую силу, свирепую, яростную и беспредельную жажду продлить свой род.

Иногда Кузьмич заболел, если во время скитаний по соседним участкам съедал некачественную снедь. Тогда он ложился на диван, сутками спал, отказывался от еды и смотрел на Петра Дмитриевича погасшими страдающими глазами. Несколько раз он являлся раненый и униженный, испытал поражение от соперников. Петр Дмитриевич лечил его йодом, не попрекал за проигрыш, а, напротив, ласкал, старался вернуть Кузьмичу чувство поправленного достоинства.

Бывало, что и Петру Дмитриевичу становилось худо. Иногда от телесной хвори, но чаще от огорчений, которые случались после встреч с черствыми, глухими людьми, не способными ценить божественный закон, разлитый в русской душе и в безграничном звездном Космосе.

У Петра Дмитриевича и кота Кузьмича была общая тайна. Кот хранил в кошачьем сердце «Таблицу

Агеева». А Петр Дмитриевич верил коту безгранично, отдавая ему свое бесценное сокровище.

Утром Петр Дмитриевич, по обыкновению, выпил кофе, поделился с котом дымковской колбаской и открыл компьютер. Читал новостные ленты, перелистывал блоги, гулял по сайтам известных политологов, политических пророков, бойких всезнаек, разносивших сплетни. Эти сплетни заражали интернет, превращались в эпидемии, возникавшие мгновенно, как грипп, и столь же мгновенно пропадавшие.

Где-то перевернулся автобус с детьми и унес несколько жизней. Случился очередной пожар, и разбился очередной самолет, в который ударила очередная птица. Подросток явился в класс с обрезом и застрелил ненавистную учительницу. У любовницы банкира обнаружена собственная яхта, дворец в Ницце и несколько квартир в Москве. Начальник колонии потерял должность за то, что мучил заключенных — засовывал им в анальное отверстие пивные бутылки.

Восьмидесятилетняя певица родила ребенка и дала ему имя Ганнибал.

Просматривая сайт известной либеральной газеты «Макрос», Петр Дмитриевич натолкнулся на статью «Фашистский реванш». Бегло ее просмотрел и увидел свое имя, снова и снова. Стал читать и испытал удушье. С каждым словом сердце начинало ухать, словно в грудь кинули булыжник.

«В последнее время произошли события, указывающие на то, что фашистское подполье в России выходит из тени. Вчера никому не известный идеолог русского фашизма Петр Агеев стал популярным героем радио- и телевизионных передач. «Таблица Агеева», которую он рекламирует, подобна работе Гитлера «Майн кампф». Она утверждает расовое превосходство русских над другими народами России. Не случайно Агеев постоянно обращается к германской мифологии, вдохновлявшей преступников Третьего рейха. Из ряда источников стало известно о связях Агеева с влиятельными фигурами в крупном бизнесе, в армии и разведке.

Его поддерживают наиболее радикальные круги православной церкви, националистические организации и казачество.

Все это делает реальной угрозой государственного переворота в России, прихода к власти самых консервативных, реакционных сил. Эти силы, прикрываясь пресловутой «Таблицей Агеева», начнут фашизацию России. Еврейские круги как в самой России, так и в Израиле крайне обеспокоены этими тенденциями. Сторонники господина Агеева находятся в тесной связи с неонацистскими группировками Германии, Франции и Италии. Антифашистские силы России должны пресечь вылазку Агеева, иначе очень скоро у части российских граждан появится на одежде желтая звезда».

Статья была подписана вымышленным именем Рибентропус.

Петр Дмитриевич был ошеломлен. Статью перепечатали несколько популярных сайтов. На нее появились ссылки и комментарии. Статья разлеталась по интернету, как низовой пожар в сухой траве. Петр Дмитриевич стоял, окруженный жалящими огнями. Не знал, куда бежать, где искать спасения от испепеляющего пламени.

Петр Дмитриевич не сразу откликнулся на телефонный звонок:

— Вас слушаю.

— Петр Дмитриевич, это я, Ирина Волхонцева.

— Кто, простите?

— Ирина Волхонцева. Мы с вами недавно встречались в парке «Зарядье».

— Ах да, — рассеянно произнес Петр Дмитриевич. Он ни разу за эти дни не вспомнил о ней. Теперь, когда на экране компьютера горела ужасная статья, он не хотел продолжать разговор.

— Петр Дмитриевич, я прочитала статью! Это ужасно, подло! Вы самый светлый, добрый, чудесный! Вас хотят оклеветать, сломить! Помешать вашей святой работе! Они хотят подавить «русские коды»! Не сдавайтесь, умоляю вас! Вы так нужны народу! Так нужны русской культуре! Если могу вам чем-нибудь помочь, располагайте мной!

— Как же вы можете мне помочь?

— Я разыщу этого негодяя Рибентропуса! Плюну ему в лицо!

Она задыхалась, быть может, рыдала. Петру Дмитриевичу захотелось увидеть ее серые, чуть зеленоватые плачущие глаза, пушистые брови. Он хотел, чтобы она продолжала говорить. Спасала его, выводила из огненного кольца.

— Я вам благодарен.

— Мы можем увидеться. Вы не должны унывать! Вас любят, ценят. Люди не могут вам это прямо сказать. Но я за них говорю.

— Где вы сейчас, Ирина?

— Сегодня вечером я иду на спектакль. Быть может, вы знаете, экспериментальный театр. Пьеса «С земли на небо». Режиссер Даниил Величко. Мы можем вместе пойти в театр.

— Я приду.

Петр Дмитриевич отложил телефон. Выключил компьютер. Экран с пылающим текстом погас. Но оставался ожог. Все болело, страдало. Женщина с пушистыми бровями пришла на помощь, спасала его.

Они встретились задолго до спектакля на Садовой, среди шелестящих огней. Каждый огонь налетал, бесшумно раскалялся, словно сосуд, полный света, пропадал, и ему на смену мчался другой огонь.

Ирина шла, опустив глаза, все по той же натянутой струне, которая невидимо соединяла их. Петр Дмитриевич чувствовал дрожание струны, упругость ее шагов, пугающую неотвратимость их встречи. Загадочное влечение направляло к нему эту женщину, переходящую во сне пропасть, и он пугался за нее, пугался за себя, смотрел, как уменьшается разделяющее их расстояние.

Она подошла, подняла глаза. В ее глазах мчались по Садовой огни, отражались озаренные фасады, похожие на праздничные дворцы. В глазах сияла такая радость, такое обожание, такое доверие, что Петр Дмитриевич вдруг подумал, что эту встречу он запомнит на всю жизнь и воспоминание об этой встрече, быть может, спасет ему жизнь.

— Как хорошо, что вы пришли! — Ирина чуть коснулась его руки. — Вы должны почувствовать, как вас любят, как восхищаются вами!

На ней была короткая юбка и легкая блузка, открывавшая шею с крохотным кулоном, в котором мерцал зеленый камень, под цвет ее глаз. Волосы были зачесаны на прямой пробор. Лицо казалось открытым, светлым. Пушистые брови вызвали у Петра Дмитриевича все то же желание потянуться к ним губами и подуть.

— Эта мерзкая статья написана завистниками и врагами. Но у вас есть друзья, много друзей. Весь русский народ — ваш друг!

До начала спектакля еще было далеко. Они зашли в кафе и заняли столик у окна, за которым Садовая плескалась бриллиантовыми и рубиновыми огнями. Петр Дмитриевич искал отражение этих огней в глазах Ирины.

— Когда прочитала эту гадкую статью, я испугалась. Это донос, откровенный, жестокий! По этому доносу вас могут арестовать, судить, посадить в тюрьму. В университете у нас был профессор, который упомянул в своей работе «Протоколы сионских мудрецов». Его затаскали по судам, он слег и умер. Эта статья написана убийцами, которые желают вам смерти!

— Но ведь вы меня защитите?

— Я молюсь за вас. Отгоняю от вас зло. Вы не должны страшиться. Вы делаете доброе русское дело. За вас заступается само русское небо!

Ирина говорила так искренне, так трогательно вздрагивали ее губы, так переливались в ее глазах огни Садовой, что Петр Дмитриевич испытал к ней жаркую благодарность. В час его тревог она оказалась рядом, окружала его своим покровом, своей трогательной женственностью.

— Я боюсь не преследователей, не злоумышленников. Боюсь, а вдруг все мои размышления, все открытия мнимы. Эта «Таблица» не более чем наваждение? Мне ее во сне подсунил какой-то насмешник? Чтобы я всю оставшуюся жизнь маялся, мучился, питался иллюзиями и других ими питал и морочил. Нет никакой Русской Мечты! Нет никаких «русских кодов»! Есть заблуждение, которое согревает меня самого. Уверяет меня в том, что жизнь моя не напрасна. Это все сон, табачный дым, дурман марсианских растений. Каково же будет пробуждение?

— Нет, нет, вы не должны сомневаться! Все подлинно, истинно. Я убедилась в этом, когда вы победили святотатца Эраста Богоносцева. Вы разбудили в людях сокровенного Пушкина, и он сокрушил богохульника. Как прекрасно вы читали стихи!

— Моя мама в день рождения Пушкина с утра наряжалась, делала прическу, надевала синее платье и шла к памятнику, где люди читали пушкинские стихи. Она всегда читала один и тот же стих — «Клеветникам России». Я любовался мамой. Она была прекрасна в своем синем платье, вскидывала руку, как это делал Пушкин, читая лицейские стихи. «Код Пушкина» я открыл тогда, когда мама читала стихи.

Ирина слушала, радостно кивала. Его искания были истинны, в них не было лукавства, подмены. Они явились, когда Родина нуждается в чуде. «Таблица» подобна иконе, которую обретает Россия в час испытаний. Сам Господь послал «Таблицу» в дивном ночном видении.

Петр Дмитриевич хотел, чтобы она продолжала его убеждать. Чтобы продолжали трогательно дрожать ее губы.

— Иногда мне кажется, что нужно очнуться. Отрешиться от заблуждений. Заняться чем-нибудь простым и полезным. Преподавать в школе. Или уйти в лесники, сажать на месте пожарища лес. Таблица умножения — вот подлинные знания. А «Таблица Агеева», нужна ли она людям?

— Люди ждут исцеления, народ ждет воскрешения. Мне кажется, сам народ в своих ожиданиях вымолил эту «Таблицу». Вы столько скитались, столько пережили, так знаете народ, что именно вам открылась эта «Таблица». Она не ваша, она Божья!

— Вы верите в исцеление? Верите в воскрешение?

— Я с детства горевала, когда наступала осень и с деревьев опадали листья. Когда на клумбе увядали цветы. Когда кончался чудесный летний день и я горевала, что он больше не повторится. В нашем роду были богатые купцы, владельцы заводов, профессора. Были революционеры. Одни пошли в Белую гвардию, другие стали красными офицерами. В нашем роду много тайн, много тяжелых преданий. Мне хочется воскресить всю умершую родню, собрать за большим столом в старинной богатой гостиной, чтобы все примирились, прекратили давнюю распрю, чтобы эта распря не перенеслась в следующие поколения. Я вижу этот стол под разноцветным фонарем и это прекрасное собрание, где все любят друг друга.

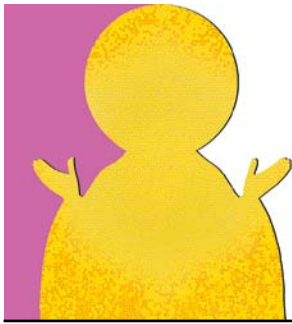
Петр Дмитриевич понимал ее, был такой же, как она. Их встреча была не случайна. Они были родные. Два их рода блуждали в запутанном прошлом, встречались на ярмарках, в благородных собраниях, кровавых сечах, тифозных лазаретах, на этапах. И вот теперь он и она встретились, и так чудесно переливаются огни Садовой в ее глазах.

— Вы спасли меня тогда, выхватили из ледяной проруби и ушли. Я не успела вас рассмотреть. Потом все старалась вспомнить ваше лицо. Рисовала вас, хотела уловить ваши черты. Ждала вас долгие годы. И вот вы появились. Вас привел ко мне Пушкин, и теперь мы будем рядом. Я хочу помогать вам, служить вам. Поручайте мне любые задания. Я буду ходить по библиотекам, читать документы, исторические трактаты. Вы диктуйте мне свои мысли. Я буду записывать. Помогу вам написать вашу книгу. В мире столько чудесного. Наша встреча чудесна. И вы похожи на те портреты, которые я рисовала.

Петр Дмитриевич больше не сопротивлялся. Верил, что действительно был тот сизый ледяной пруд, тряпичная кукла лежала на льду. Маленькая девочка осторожно скользила по льду, желая добраться до куклы. Был черный провал, черная бурлящая вода, девочка тонула, и он кинулся ей на помощь. Держал на руках, вынося из проруби, слыша, как раскалывается о живот кромка льда. Петр Дмитриевич верил, что спас ее, а теперь она спасала его.

Он смотрел на Ирину и видел, как таинственный свет пробегает по ее лицу, делает его прекрасным, родным, драгоценным. Он поднялся и, как во сне, приблизил свои губы к ее пушистым бровям и дунул. Она тихо ахнула, захлебнулась, как захлебывается младенец, если кто-то любящий дунет ему в лицо. Чудесное мгновение налетело и кануло. Снова они сидели по разные стороны стола. Садовая катила бесчисленные огни. И Петр Дмитриевич не мог понять, что значило это преображение. Смущенно молчал.

— Мы опоздаем, — сказала Ирина, — нам пора идти, — тихо тронула его руку, словно пробуждала ото сна.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Экспериментальный театр Даниила Величко помещался в особняке близ Садовой. Не имел вывески. Лишь над входом горели неоновые серп и молот. В тесном фойе толпились люди. Петр Дмитриевич и Ирина оказались стиснутыми множеством молодых людей, небрежно, порой легкомысленно одетых. Футболки, рваные джинсы, топики. Не было чопорных пиджаков и светских туалетов. У многих были значки с эмблемой серпа и молота.

Рядом с Петром Дмитриевичем стоял светловолосый парень — жесткий бобрик, бритые виски, синие глаза. Такими в советские времена изображали на плакатах летчиков. С ним дружески беседовал молодой человек с библейским носом, черной бородкой, в которой шевелились красные жизнелюбивые губы. Тут же находился якут, скуластый, раскосый, в красной футболке с символом серпа и молота. Все сгорали от нетерпения, радостного возбуждения, предвкушения действия, в котором они будут не только зрителями, но и страстными участниками.

Двери в зрительный зал открылись, Ирина и Петр Дмитриевич медленно втекли в полутемный зал. Стул кресла, люди плотно заполняли ряды.

— Все это не просто представление. — Ирина наклонилась к Петру Дмитриевичу, и тот почувствовал чудесный запах ее волос. — Все зрители — это духовная паства Даниила Величко. Активисты его движения «Атака смыслов». Его спектакли — это магические сеансы, в которых участвует зал. Мы тоже станем участниками.

— Важно, что не я один, а вместе с вами, — ответил Петр Дмитриевич, жалея, что Ирина отстранилась и чудесный запах стал неуловим.

Петр Дмитриевич получил афишку и ознакомился с сюжетом пьесы, чтобы не потеряться среди множества символов, метафор и аллегорий, наполнявших спектакль.

Сцена являла собой черный провал, без единого огонька и луча. Это была бесконечность, из которой веяло жуткой тайной. Тайна пугала и завораживала. Зал замер, словно его затягивала «черная дыра» Вселенной, где исчезают свет и материя.

Внезапно вспыхнул одинокий фонарь, зажег на сцене световое пятно. В это пятно шагнул возникший из мировой пустоты Даниил Величко.

Он был строен и худ, поклонился с аристократической грацией. Имел узкое бледное лицо с заостренным носом и подбородком, жгучие глаза, которые жадно блуждали по залу и вдруг замирали, словно захватывали нужную цель, сосредоточивались на ней перед тем, как поджечь. Петр Дмитриевич оглядывался в зал, опасаясь увидеть в рядах пылающего человека. Даниил Величко напоминал ракету с головкой самонаведения, прилетевшую в мир из черной бездны.

— Вы увидите спектакль с моей режиссурой и по пьесе моего сочинения. «С земли на небо» повествует о заключительной драме Советского Союза. Это мистическая интерпретация заговора, который погубил «красный проект». Большевики мечтали о Царствии Небесном, перехватив инициативу его достижения у церкви. Они зацепили гигантскими рычагами Небесное Царство и стали опускать его на землю. Приближение Небесного Царства к земле сопровождалось грохотом пушек, лязгом гигантских строек, мольбами мучеников, песнопениями героев. Царство Небесное коснулось земли 9 мая 45-го года, в День Победы, когда ад был одолен раем. Этим раем был Советский Союз. Достигнув земли, Небесное Царство стало удаляться, и его удаление также сопровождалось грохотом пушек, лязгом разрушений, мольбами жертв и песнопением героев. Спектакль не реквием по Советскому Союзу. Это магический акт воскрешения из мертвых. Создавая движение «Атака смыслов», я обещал вам воскресить Советский Союз. Сегодняшний спектакль — это мистерия, воскрешающая «красный проект» усилиями веры, воли, атаккой смыслов, нашей коллективной молитвой. Всем тем, что возвращают в себе носители атакующих смыслов. Итак, начинаем!

Даниил Величко покинул световое пятно, растворился в царстве мрака, откуда ненадолго явился.

Тьма оставалась непроглядной. Но в ней стали возникать тени. Двигались молчаливые фигуры, все в черном, как привидения. Мертвенно белели лица и кисти рук, которые совершали таинствен-

ные вращения, словно крутили веретена, пряли историческую нить.

Среди фигур выделялась одна. В черной сутане, она воздевала руки, приседала, вскакивала, крутилась волчком.

Из афишки Петр Дмитриевич знал, что это Горбачев, который перед отъездом в Форос созвал соратников. Те водили вокруг него хоровод то в одну, то в другую сторону. Приговаривали, грассируя:

— Кагавай, кагавай,
Кого хочешь выбигай!

Соратники стали карабкаться по стенам, крутили под потолком сальто. Ссыпались вниз и предстали перед Горбачевым в позе ласточек, устремленных в полет:

— В потемках долго мы брели.
Но в перестройке крылья обрели.

Горбачев подпрыгнул, перевернулся в воздухе, встал на ноги и что есть мочи прокричал:

— Я уезжаю отдыхать в Форос.
А вы в стране устройте мороз.
Нам Ельцина немного подморозить.
И перестанет он тогда елозить.

Горбачев ухватил канат, свисавший с потолка. Ловко вскарабкался и взирает с высоты, слегка раскачиваясь.

Петр Дмитриевич был ошеломлен. Вопли актеров, которых поливали кипятком. Чудовищные стихи, писанные графоманом. Цирковые номера, полные скрытых символов. Все казалось уродливым и фальшивым. Но в этом уродстве таилась необъяснимая привлекательность, влекущая за собой подлинность, которая сначала отталкивала, а потом завораживала. Будила у Петра Дмитриевича воспоминания о «времени перемен».

Действие на сцене развивалось. Маршал Язов разбежался, сделал двойное сальто и панически выкрикнул:

— В Москву немедля я введу войска.
Пусть пальцем он покрутит у виска!

Председатель КГБ Крючков лег плашмя, вскочил, встал на руки и прокричал:

— Устал я от него, вот крест!
Отдам приказ на Ельцина арест!

Зампред Совета обороны Бакланов, вращаясь на пятке, издал совиный крик:

— В моей груди горит большая рана.
Он никогда не доберется до «Бурана»!

Вице-президент Янаев показал стиснутые кулаки. Ударился головой об пол. Стал вальсировать, издавая львиный рык:

— В борьбе не дрогнет у меня рука.
Меня напрасно он считал за дурака!

Министр внутренних дел Пуго ухватил висящий канат, стал раскачиваться, перебросился на другой канат, словно это была тропическая лиана.

— Он пугало, не более того!
Я ж Пуго, доберусь я до него!

Председатель передового колхоза Стародубцев сделал шпагат, затем мостик, затем встал на одну ногу, а другую задвинул себе за шею.

— Свершиться месть народная должна!
Узнает он крестьянского рожна!

Соратники выполнили свои упражнения и встали стенкой перед Горбачевым, вращая руками, белея одинаковыми мертвенными лицами. Сам же Горбачев поклоном благодарил соратников за исполненные трюки, прижал к груди белую пятерню, которая казалась гипсовым слепком:

— Ну что ж, товарищи, удачного вам дня.
Максимовна Раиса ждет меня!

Из верхнего угла сцены появилась Раиса Максимовна. Закрепленная невидимыми нитями, она шла по воздуху, перебирая ногами. Проплыла над головами государственных деятелей. Громко, пожуравлиному, прокурлыккала:

— Я дыры русские устала жить, латая.
Наш «общий дом» — Европа золотая!

Сцена опустела. Черные тени растаяли. Зрительный зал ошеломленно молчал.

Петр Дмитриевич хотел понять, почему столь сильно подействовал на него этот безвкусный лубок. В чем задача бесцеремонного вторжения в психику. В чем сила этой вульгарной атаки.

Это был удар в подсознание, раздробивший личность. Измельченная на осколки личность была бессильна сопротивляться любому воздействию. Беспомощно ждала этого воздействия. Была готова подчиниться сторонней воле. Это был магический сеанс закабаления души,

отдающий душу во власть мага. А именно — Даниила Величко.

Петр Дмитриевич посмотрел на Ирину. Убедился, что и она оказалась подвержена магическому гипнозу. Хотел вывести ее из транса. Но спектакль продолжался.

В Москву по приказу Язова входят войска. По улицам грохочут танки. На сцене в потемках перемещались какие-то черные кубы. Один из них остановился, изображая танк, быть может, тот, что когда-то встал на улице Горького перед домом Петра Дмитриевича.

Из черного куба выдвинулся отросток, озававший пушку. Появились три танкиста в темных балахонах. Стали кувыряться на танке, отбивали чечетку, разухабисто распевали:

— Мы три танкиста, три веселых парня.
Держись, Москва, стогит твоя пекарня!

Один танкист вскарабкался на плечи другому. Ему на плечи запрыгнул третий. Они образовали вертикаль, балансировали на танке, а потом рассыпали свою акробатическую фигуру. Стали чистить пушку невидимым банником, приговаривая:

— Забьем мы в пушку праведный снаряд.
Держись, Москва! Держись, Охотный Ряд!

К танку с букетиком цветов приблизилась проститутка. На ней было немного черного. Белело лицо, белели голые руки, белел живот, белели ноги.

Проститутка стала целовать танк, протягивала танкистам букет, изгибалась вокруг незримого шеста.

— Танкистик милый, ты такой пригожий.
Целуй меня и гладь меня по коже!

Танкисты подхватили проститутку, подняли на танк, стали передавать один другому. Проститутка кричала дикой уткой, мяукала тростниковой кошкой, ржала степной кобылицей.

— Ваш танк слегка походит на утюг.
Доверьтесь мне, меня пустите в люк.

Проститутка скрылась в люке. Танкисты исчезли следом за ней. Поднялся страшный грохот. Танк подпрыгивал, его носило по сцене, он возносился ввысь, перевертывался. Слышались стенания, молодецкие посвисты, музыка из опер, лязг гаечных ключей, вздохи слонихи, визг бензопилы. Все смолкло. Бешеный танк успокоился. Из него появилась проститутка, белея наготой. Грациозно

спустилась с танка, посылая утомленному танкисту воздушный поцелуй:

— Танкистик милый, ты такой пригожий.
Я в жизни не видала мягче ложа!

Утомленные танкисты раскачивались, как водоросли.

— Поверь, мы уважать себя заставим.
Букетик твой мы в вазочку поставим!

Танкисты засунули подаренные проституткой цветы в пушку. Пушка несколько раз чихнула.

Петр Дмитриевич почувствовал, что хочет чихнуть, но с трудом удержался. Он заметил, что сидящие в зале зрители уподобились актерам. Когда танк танцевал и подскакивал, они тоже подскакивали, семенили ногами, громко хлопали креслами. Когда проститутка кричала дикой уткой, из зала раздавалось кряканье. Когда со сцены звучало лошадиное ржание, начинала ржать половина зала. Когда танкисты карабкались друг другу на плечи, несколько зрителей попытались исполнить такой же трюк. А уж когда танк, получивший в носдю букетик цветов, зачихал, весь зал стал чихать, словно всех просквозило.

Петра Дмитриевича поразила внушаемость зала. Люди, повинувшись незримой воле, выполняли приказы мага, складывали свои усилия, создавали мощное поле, от которого у Петра Дмитриевича начинали подниматься волосы, словно их наполняло статическое электричество.

Ирина обморочно смотрела невидящими глазами, и казалось, она сейчас упадет из кресла.

— Очнитесь! Это иллюзия. Эффект внушения, — тронул ее за руку Петр Дмитриевич.

— Да, да, я знаю. Я держусь, — ответила Ирина.

Следующая сцена являла обочину Киевского шоссе, по которому Ельцин возвращался из служебной командировки. Отряд «Альфа» укрылся в кустах, поджидая кортеж. Командир отряда Карпухин ожидал приказ председателя КГБ Крючкова арестовать Ельцина. Бойцы подразделения, все в черном, лежали на полу, время от времени перекатываясь из стороны в сторону. Некоторые карабкались по стенам и вновь приземлялись. Командир Карпухин раскачивался на канате, выходя на связь с Крючковым. Нарушая все правила конспирации, громко взывал:

— Я «Альфа»! «Первый», «Первый», отзовись!
Мы Ельцину, пожалуй, скажем: «Брысь!»

Карпухин на канате переворачивался головой вниз, а его бойцы вскакивали, выбрасывали вперед

руки, целились из автоматов. Но Крючков не отзывался. Карпухин сетовал на молчание руководства:

— Приказа нет, хоть позывные те же.
Я слышу приближение кортежа.

В темноте на шоссе один за другим появились темные бруски, изображающие машины Ельцина. Карпухин перелетел с одного каната на другой. Опустился на землю и встал на руки:

— Мы «Альфа», а не просто бедолаги.
Приказа нет. Повисли наши флаги.

Бруски приблизились, миновали засаду. Карпухин лег на спину, поднял вверх одну ногу и прокричал:

— Приказа нет, в душе разверзлась брешь.
Мы пропускаем Ельцина кортеж.

Карпухин сделал двойное сальто и увел отряд с обочины. Бойцы, извиваясь, уползли и скрылись.

Черные бруски, изображавшие кортеж, остановились. Из бруска появился Ельцин. Он был в черном, только белели руки.

Он вращал руками, прятал нить истории:

— Ни «Альфы» нет, ни «Беты», никого!
Ты, Горбачев, узнаешь каково!

Ельцин повернулся к черному бруску, отыскал у него колесо и помочился на него:

— Ты, Горби, миру предпочел вражду.
Теперь я справлю на тебя нужду!

Ельцин погрузился в черный брусок, и машины умчались в Москву.

Петра Дмитриевича ужасала постановка и одновременно завораживала. Так завораживает спектакль в сумасшедшем доме, где роли играют пациенты. В безумии сюжета и исполнения был таинственный магнетизм. Он затягивал зрителя, делал соучастником безумного действия. Зрители сходили с ума, превращались в умалишенных. Черно-белая эстетика спектакля рождала цветные галлюцинации, яркие сновидения. Уснувшая память вдруг начинала возвращать детали, которые промелькнули когда-то и были навеки забыты. Но теперь возвращались.

Петр Дмитриевич вдруг вспомнил, как в роковую ночь шел по Мясницкой к Лубянке, где слышался рев толпы, сносившей с постамента Дзержинского. И мимо промчался мальчик на роликах, весь усы-

панный мигающими огоньками. Восхищенное лицо, мерцающие светляки — он казался вестником иного мира, несущим в обезумевшую Москву благую весть.

В ту же ночь, изнуренный, Петр Дмитриевич пришел к Москве-реке у Китай-города. На гранитном спуске у воды толпились голые люди, мужчины и женщины. Их обвислые груди, выпученные животы, худые ребра. Один из них черпал консервной банкой воду, поливал других, и те фыркали, подмывались, терли свои грязные тела и прокопченные лица. Это были бомжи, спустившиеся к водопою. Было что-то библейское в этих людях, бродивших по пустыне и теперь вкушавших благословенную влагу.

И еще вдруг вспомнил Петр Дмитриевич: Фадей, стоявший на стремянке и сбивавший зубилом золоченые буквы с фасада партийного дома, был обут в белые башмаки с ярко-красными шнурками. Эти красные шнурки вдруг больно поразили Петра Дмитриевича.

Об этом он вспомнил, оставаясь соучастником колдовского действия.

На сцене снова был черный брусок, изображавший танк. Из пушки торчал знакомый букетик. Танкисты раскачивались, наклонялись, поднимали ноги, словно делали утреннюю гимнастику. Вокруг танка в темноте колыхалась толпа. Люди вскакивали один другому на плечи, создавали пирамиды, рассыпали их, маршировали, сцепив руки, бежали змейкой мимо танка.

Толпа расступилась. На танк поднялся Ельцин. Он обнял танкистов. Поскакал на одной ноге. Покрутил руками, вращая веретено истории, и обратился к народу:

— Я обращаюсь к вам, народ России!
Вы видите, подобен я мессии.
Едины мы и дружно протестуем.
Мы заговорщиков немедленно арестуем!

Черная толпа воздела множество белых кулаков, повторяя за Ельциным:

— Арестуем! Арестуем!

Ельцин вытащил из пушки букетик цветов.

— Ко мне навстречу движутся народы.
Дарю России сей букет свободы!

Ельцин бросил цветы в толпу. Толпа встала на руки и, образуя колонну, покинула сцену.

Действие перенеслось в Форос, куда прилетели заговорщики искать у Горбачева защиты.

Вице-президент Янаев, делая балетные па, подлетел к Горбачеву, в прыжке ударил ножкой о ножку:

— Родной Сергеич, нас перехитрили.
Случился невзначай какой-то триллер!

Маршал Язов ловко прошел по канату, подскочил к турнику и стал крутить «солнце», сотрясаясь от хохота:

— Я не желал свершать переворот.
Пусть подтвердят все сто десантных рот!

Зампредседателя Совета обороны Бакланов сделал «мостик», сел на шпагат, замер в позе лотоса. Не открывая рта, утробным голосом произнес:

— Мы обратимся с просьбой к ветеранам.
Тому свидетели «Энергия» с «Бураном».
Председатель КГБ Крючков стал выбрасывать вперед ноги, как танцовщица кабаре, посылая воздушные поцелуи:

— Я не отдал приказ стрелять в паскуду
И оттого стране любезен буду.

Председатель колхоза Стародубцев походил на четвереньках, стал чесаться, ударился головой о стену, заблеял козой, прокричал петухом, замыкал кошкой, а потом спокойно произнес:

— Сергеич, друг, быстрее соображай.
Ужо богатый будет урожай!

Министр МВД Пуго подполз к Горбачеву попластунски, сделал книксен и страшным голосом проревел:

— Как ваша драгоценная супруга?
Она на пляже? Ей привет от Пуго!

Вице-президент Янаев отскочил от униженных и согбенных соратников, указывая на них перстом:

— Погибли вы, но доля мне иная.
Там это вы, а это я, Янаев!

Горбачев строевым шагом обошел просителей. Кинулся на стену, вскарабкался под потолок и от туда десять раз прокричал кукушкой:

— Ступайте прочь, несчастная братва!
Вы не цветы, вы чахлая ботва!

Заговорщики построились в клин и стали махать руками, изображая улетающих журавлей:

— Несчастные мы партии сыны.
Открыта дверь «Матросской Тишины»!

Горбачев махал вслед улетающему косяку.
В верхнем углу сцены появилась Раиса Максимовна. Она плыла по воздуху, перебирая ногами:

— Досталось вам, тупицы, поделом.
Теперь, глупцы, тюрьма — ваш общий дом!

Появились конвоиры и погнали журавлиный клин в «Матросскую Тишину».

Раиса Максимовна вновь возникла в воздухе, похожая на бабочку-траурницу:

— Мне кажется, теперь иду ко дну я.
Уеду жить в Германию родную.

Раиса Максимовна покинула сцену. Из сумерек, куда она удалилась, трижды прокричала сова.

Петр Дмитриевич почти освободился от чар, навеянных магом Даниилом Величко. Спектакль напоминал черно-белый рентгеновский снимок, в котором отсутствовала живая плоть, а оставался мучнистый скелет. Петру Дмитриевичу становился понятен замысел Даниила Величко, который слыл специалистом по управлению историей. Даниил Величко полагал, что поправка, внесенная в прошлое, скажется в настоящем и будущем. Спектакль был операцией, которую Даниил Величко совершал на историческом времени. Он извлекал из прошлого скелет. Рентгеновский снимок, коим являлся спектакль, освобождал историческое время от живой плоти, оставлял каркас. Вся драматургия, эстетика, весь замысел были направлены на то, чтобы выделить из живой исторической ткани ее каркас. Не дать этой ткани вновь поглотить скелет. Все истошные вопли, жесты, скачки являлись способом отогнать живую плоть от скелета. Скелет становился объектом воздействия, оказывался на операционном столе. Маг, словно костный хирург, вносил в него коррекцию. В историческое время встраивалась поправка. Когда поправка приживалась и магический прием воплощался, живая историческая плоть вновь поглощала скелет. Но уже измененный, несущий поправку. История продолжалась, но в ее глубине таилась поправка. Направляла историю в другую сторону. В ту, что была угодна магу.

Действие пьесы перенеслось в Беловежскую Пущу, где собрались Ельцин, Кравчук и Шушкевич, готовые подписать акт о роспуске Советского Союза. Они сидели за столом, все в черном. Только белые кисти рук вращались, пряли историческую канву.

Шушкевич достал бутылку с самогоном, несколько раз подбросил в воздух, как жонглер, и принял на голову. Протянул Ельцину:

— Давай, Борис, налей борща погуще.
Пьем на троих мы в Беловежской Пуще!

Кравчук взял стакан, набрал в рот самогон и окропил Ельцина и Шушкевича. Стал танцевать, обнимая невидимую даму:

— Мы отпускаем в прошлое Союз.
И он уходит под негромкий блюз.

Ельцин поднял лицо вверх, откуда медленно спускалось полотнище:

— И Родине, и флагу был я верен.
Был жеребец, а стал бессильный мерин.

Все три президента, обнявшись, стали танцевать джигу.

— Воскликнем троекратное «ура»!
Где был Союз, там черная дыра!

Раздался страшный грохот, скрежет, визг. Стреляли пушки, слышалось отдаленное «ура!». Звучали обрывки советских песен, грассирующий голос Ленина, сталинская, с грузинским акцентом, речь.

И все смолкло. Возникла черная пустота, страшная и немая. Зал омертвело молчал, взирая в бездну, в «черную дыру» мироздания, куда канула «красная страна».

Зажегся одинокий фонарь. На сцене возникло пятно света. И в этом пятне появился Даниил Величко. Он был в черном трико и в ластах, как аквалангист, который собирается нырнуть в черную пучину. Он стал извиваться, словно протискивался в тесную скважину. Напрягал бицепсы, мускулы бедер, икры, которые дрожали под шелковистой тканью. Его руки рыли пустоту, словно хотели нащупать глубинный нерв Вселенной, таинственную жилу, по которой катится гигантский ток мироздания. Он издавал загадочные звуки, напоминавшие курлыкание океанских касаток, бульканье мирового планктона. Он заклинал, умолял:

— Приди на помощь, солнце и луна!
Воскресни, драгоценная страна!

Зал вторил магу. Зрители тянули руки, стараясь нащупать в «черной дыре» сокровенную жилу. Помогали кумиру. Вливали в него свои силы. Отдавали ему свои души, которые маг направлял в черную бездну, стремясь преодолеть тьму.

В черной пустоте стали являться тени. Они носились в воздухе, оседлав невидимые метла. Пикировали на Даниила Величко, словно хотели отогнать от своего гнезда, не позволяли ухватить сокровенную жилу. Даниил Величко отмахивался от назойливых ведьм:

— Пусть этот страшный черный хоровод
Навеки скроется в пучине черных вод!

Даниил Величко нащупал скрытый в мироздании электрод. Страшный удар сотряс его. Он издал вопль, словно в него попала разрывная пуля. Руки его сжимали электрод. Электричество било его. Он сотрясался, стenal. Зал вторил ему. Кругом сотрясались тела, по которым пробегала страшная электрическая синусоида.

Петр Дмитриевич чувствовал, как плещет в его теле жуткая волна. В нем лопались вены, трещали хрящи, разбухало сердце. И только «Таблица Агеева», спрятанная под сердцем, не давала Петру Дмитриевичу умереть. Отражала удары космического электричества.

Даниил Величко воздел к небу руки, вымаливал, выкликал:

— Пусть засверкают огненные воды
И вновь воскреснут мертвые народы!

Даниил Величко замер, вытянул вперед руки, наложил белеющие ладони на невидимую стену. Толкал ее, смещал, хотел сдвинуть с места груженный тяжкими глыбами состав. Его тело содрогалось, из ушей лилась кровь. Он совершал чудовищные усилия, стремясь обратить историческое время вспять, совершить акт воскрешения.

Зал помогал своему кумиру. Все вытянули руки, стремились сдвинуть с места окаменелое время. Обратили вспять историю.

Петр Дмитриевич видел, что Ирина, подобно остальным, вытянула руки и толкает груженный историческими глыбами состав.

— Помогите, помогите ему! — обратилась она к Петру Дмитриевичу. — Ведь в вашей «Таблице» есть «русский код воскрешения»!

Петр Дмитриевич видел ее страдающее лицо, умоляющие глаза. «Таблица» сверкала в сердце, как золотая Богородица. Петр Дмитриевич извлек крохотную золотую частицу. Частица была «русским кодом воскрешения». Тем русским упованием на чудо, которое каждый раз воскрешало падшее государство Российское, преобразало уныние в радость, печаль в ликование, смерть в бессмертное царство.

Петр Дмитриевич направил золотой лучик в черную бездну. И вдруг хлынул ослепительный свет. Сцена озарилась, и на ней во всей ликующей красоте, в золотом великолепии возник фонтан «Дружба народов». Золотые богини сошлись в царственный круг. «Живая вода» хлынула ввысь, переливалась драгоценными радугами.

Даниил Величко раскрыл объятия золотым лучам и радужным водам:

— Страна воскресла, наш Союз бесценный!
Пусть это будет завершеньем сцены!

В зале зажегся свет. На сцену вышли артисты. Теперь они были не в черных хламидах, а в ослепительных шелках и парче. Так появляются священники в пасхальную ночь. Все кинулись обнимать торжествующего режиссера, небывалого чародея, которому подвластны времена и царства.

Петр Дмитриевич смотрел на Ирину, и она казалась ему прекрасной, драгоценной, любимой. Он чувствовал, как из глаз у него текут слезы.

Он отвез Ирину домой, на Сретенку, в улочку, одну из тех, что спускались к Цветному бульвару. Простился у шлагбаума, преграждавшего въезд во дворик. Привлек к себе и поцеловал в пушистые брови, слыша чудесный аромат ее волос. Ирина тихонько оттолкнулась от него, как отталкивается лодка от берега, и убежала в темноту, где желтели окна ее дома. Петр Дмитриевич тихо

пошел к машине, улыбаясь, чувствуя на губах ее пушистые брови.

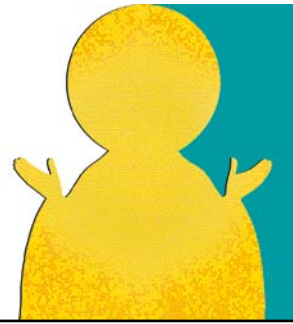
Он сел в машину, когда трое в капюшонах набежали, толкнули, ударили. Один откупорил стеклянную банку и плеснул на него зловонную жижу. Нечистоты потекли по голове, по лицу, пропитали рубаху, струились по животу. Петр Дмитриевич не сумел рассмотреть лица хулиганов. Лишь мелькнули усы щеткой, и Петр Дмитриевич угадал в нападавших трех усачей, что курили в сигарном клубе, а потом преследовали его в Новом Иерусалиме.

Жижа нестерпимо воняла. Он совлек рубаху и кинул на землю. Влез в машину и, задыхаясь, вел ее, голый по пояс, добираясь в свой загородный коттедж.

Дома он долго мылся под горячим душем, еще и еще раз поливая себя шампунем. Он был осквернен, унижен. С ним воевали жестоко и беспощадно. Оскверняли не его, а сиявшую в сердце икону — «Таблицу Агеева».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Утром, поедая пуританский завтрак, Петр Дмитриевич, по обыкновению, делился с котом Кузьмичом ломтиками бекона. Кот не притрагивался к даянию. Молча смотрел на Петра Дмитриевича золотыми глазами. Кот знал о вчерашнем нападении. Чувствовал, как унижен и оскорблен Петр Дмитриевич, как попроано его достоинство, надломлена воля. Взгляд золотых немигающих глаз был полон не сочувствия, не сострадания. Этот взгляд требовал от Петра Дмитриевича воли и стоицизма. Требовал мужества. Ибо «Таблица», за которой охотились злоумышленники, принадлежала им обоим. Кот Кузьмич был хранителем драгоценной «Таблицы». Сберегал дубликат «Таблицы» в своем кошачьем сердце, как Петр Дмитриевич хранил подлинник в своем человеческом сердце. Петр Дмитриевич был благодарен Кузьмичу за этот ободряющий взгляд. Воли Петра Дмитриевича и кота Кузьмича не были сломлены. Оба посвятили себя святому русскому делу.

Сберегали «Таблицу Агеева», которая совершит воскрешение русского народа.

Интернет пестрел сообщениями о вчерашнем осквернении. Либеральная газета «Макрос» поместила фотографию, где человек в капюшоне льет на голову Петра Дмитриевича нечистоты. Лица налетчика не было видно, зато лицо Петра Дмитриевича выглядело испуганным и несчастным. Автор, имевший псевдоним Рибентропус, издевался над Петром Дмитриевичем. Повторял известное высказывание патриарха Тихона: «Каков приход, таков и елей». Шутил: «Мечты сбываются», «Фашист с душком». Фотографию перепечатали другие издания.

Петр Дмитриевич пугался того, как много у него ненавистников. Как пристально следят они за его перемещениями, как оплетают паутиной вражды. Но воля его оставалась незыблемой. Золотые глаза кота требовали от него стоицизма, сбережения дара, которым наградил их обоих Господь, — «Таблицы Агеева».

Зазвонил телефон. Фадей торопился высказать Петру Дмитриевичу свое возмущение:

— Знаю этих мерзавцев! Помнишь усатых тараканов в курильне? Агенты, разведчики, работают против тебя. Хотят вырвать из тебя «Таблицу Агеева». И та статья про фашизм, и эта гадкая атака! Одна цель — выбить из тебя «Таблицу»!

— Ты считаешь, что Америка присылает в Россию агентов, чтобы они раздобыли «Таблицу»? Не велика ли честь?

— Ты не представляешь, Петрусь, чем ты владеешь! Советская разведка украла у американцев атомную бомбу. Американцы хотят украсть «Таблицу». Это стратегическое оружие! А ты один, без охраны! Приезжай, нам нужно поговорить. Ты в опасности!

— Куда приезжать?

— В геологический музей на Моховую. Жду тебя через час!

У Петра Дмитриевича вдруг задрожали руки. Взрывная волна через много лет прилетела из Герата, и Петр Дмитриевич ощутил толчок старинного взрыва.

Через час он стоял перед входом в музей. Моховая лилась в слепящем блеске машин. Заливались полицейские сирены, брызгая шальными синими вспышками. Кремлевский дворец, янтарный, с отложными воротниками кружевных наличников, парил над розовой зубчатой стеной.

Фадей бежал навстречу Петру Дмитриевичу, словно выпал из этого блеска, вихрей, истощного воя сирен.

— Как я рад, как я рад! Надо было раньше увидеться! — Фадей обнимал Петра Дмитриевича, покаявая щегольской бородкой.

В вестибюле их встретил привратник. Почтительно обратился к Фадею:

— Вам кофе или чай, Фадей Аристархович? Пригласить директора?

— Нет, нет, Степаныч, мы с другом совершенно приватно! — Было видно, что Фадей здесь не в первый раз и пользуется расположением персонала.

Зал окаменелостей, куда привел Петра Дмитриевича Фадей, был уставлен стеклянными шкафами и витринами. В них лежали каменные глыбы с оттисками реликтовых растений и животных.

— Я расколол сиреневую глыбу. Она была рассыпчатой и зыбкой. И я увидел каменную рыбу. Она смотрела на меня с улыбкой. — Фадей продекламировал четверостишие, видимо сочиненное им самим. Указал Петру Дмитриевичу на кусок рассеченного камня. Внутри камня была пустота, повторявшая очертание остроносой доисторической рыбы. Так в футляре для скрипки находится полость, повторяющая контуры скрипки.

— Ты кто, палеонтолог? — Петр Дмитриевич досадовал на Фадея, который затащил его в этот малолюдный музей.

— А вот еще, смотри!

Под стеклом лежали камни, похожие на футляры, в которых темнели полости от исчезнувших креветок, птиц, стрекоз. На песчаниках виднелись отпечатки листьев, стеблей, плодов. На окаменелом дереве круглились древесные кольца, по которым можно было судить о дождливых или засушливых годах, притаившихся в толщах древних эпох.

— Это каменные ларцы, в которых на землю из неба упала жизнь. — Фадей наклонился к витрине. Стекло туманилось от его дыхания. Казалось, он хочет вдохнуть жизнь в эти мертвые отпечатки.

Петр Дмитриевич съязвил:

— Может, и нас с тобой принесло на землю в каменных саркофагах? Мы встали, отряхнулись и пошли гулять по Моховой?

— Как знать, как знать! — таинственно произнес Фадей, бережно поведя рукой над серым песчаником с отпечатком древней рябины — длинные листья, гроздь ягод.

Петр Дмитриевич вдруг увидел ночное небо, огненный камнепад. Камни падали на землю, раскалывались, и из них вылетали стрекозы и птицы, выплескивались в моря и реки рыбы. Разламывались с треском громадные валуны, и выскакивали олени, медведи, волки. Стада животных неслись по земле, над ними мчались птичьи стаи. Все небо переливалось радугами, сверкало от падения огненных камней, несущих на землю жизнь.

В соседнем зале хранились минералы. Великолепно сияли прозрачные кристаллы кварца. Золотились гроздь горного хрусталя. Восхитительны были аметисты, сапфиры, изумруды. Пылали россыпи алмазов, аквамаринов, сердоликов. Глыбы малахита и яшмы, пластины черной и белой слюды. Это были каменные цветы, сорванные в небесном райском саду.

Фадей восхищенно созерцал соцветия, вдыхал ароматы рубинов, протягивал пальцы, боясь коснуться каменных лепестков.

— Теперь ты понимаешь, что видел Гумилев, когда писал: «Это Млечный Путь расцвел неожиданно

садом ослепительных планет»? За минуту до расстрела ему открылось дивное небо!

Фадей вел Петра Дмитриевича вдоль стеклянных витрин, в которых, как в оранжереях, пламенели соцветья.

— Я каждому из этих каменных цветков дал имя. Это Менделеев. — Фадей указал на кристалл полевого шпата с туманной радугой. — Это Андрей Боголюбский. — Он подвел Петра Дмитриевича к россыпям граната. — Это Лесков, — пальцы Фадея казались золотистыми в отсветах прозрачной слюды, — это Калашников, — он тронул слиток медного колчедана, — а это Марфа-посадница! — Фадей, умиленный и нежный, послал воздушный поцелуй фиолетовому аметисту.

Петр Дмитриевич помнил, как в Афганистане Фадей выводил его из палатки и они любовались звездами. Фадей называл себя небесным пришельцем, и тогда это казалось фантазией молодого солдата. Теперь же, с обожающими глазами, молитвенными возгласами, он был похож на жреца среди небесных святынь.

— Я уехал в Америку и жил там припеваючи. Прекрасная работа. Свой дом, отличный заработок. Лучшие библиотеки мира. Великолепные перспективы. Но звездное небо чужое. Нет русских звезд. Нет той звезды, с которой я спустился на землю. Вернулся в Россию, чтобы жить под русскими звездами.

Фадей поверял Петру Дмитриевичу свою сокровенную тайну, любовь к звездной России.

— Теперь иди за мной. За этим тебя и позвал!

Они перешли в следующий зал. Фадей от порога направился в дальний край зала. Там, на деревянном постаменте, озаренный светильником, лежал метеорит. Он был черный, огромный, с выпуклостями и вмятинами, весь в оспинах, в ряби застывшего кипятка. Он кипел, когда продирался сквозь атмосферу Земли. Упав, продолжал кипеть, остывая, сохранил отпечаток космического ветра.

Петр Дмитриевич ощутил таинственное дуновение, исходящее от метеорита. Так излучение звезд касается ночного цветка, и тот слабо вздрагивает, тревожа уснувшую в соцветии пчелу.

— Ты чувствуешь? Чувствуешь? — Фадей заглядывал в глаза Петру Дмитриевичу. — Метеорит нашли под Сталинградом у хутора Бабурки. В этом месте шли страшные бои, смыкалось окружение армии Паулюса. После войны саперы разминировали берег речки Россошки. Их миноискатели зашкалили, и они нашли этот железный метеорит. Ученые привезли его в Москву и поместили в музей. Но они не догадывались о тайне этой находки.

Петр Дмитриевич чувствовал, как сладко дрогнуло сердце, словно кто-то божественный поцеловал

его в грудь. «Таблица» драгоценно переливалась, будто в груди трепетала невидимая бабочка.

— Ты чувствуешь эту сладость? Чувствуешь это волшебство? — вопрошал Фадей. — Так сердце чувствует приближение к родному дому. Этот черный кусок космической стали — наш родной дом, Петрусь. Он прилетел с нашей космической Родины. Он принес на Землю молекулу, от которой повелась вся русская история, вся русская культура, вся русская судьба!

Фадей восхищенно, с благоговением смотрел на метеорит, как смотрят на чудотворную икону, не решаясь к ней приложиться.

Петру Дмитриевичу не казались безумными слова Фадея. Он испытывал к метеориту влечение, нежность, обожание. Перед ним была его небесная Родина. Этот черный, изъеденный Космосом метеорит, был небесной Россией.

Фадей извлек из кармана трубку с линзами. Прижал окуляр к глазу. Стал водить трубкой по изъеденной поверхности метеорита:

— Ты посмотри, Петрусь! Хрестоматия всей русской цивилизации! Отсюда век за веком изливалась русская жизнь, исходили русские полководцы, правители, художники. На этом метеорите записана программа русской истории от Повести временных лет до наших дней и дальше, события русского будущего. Посмотри!

Фадей передал Петру Дмитриевичу окуляр. Тот приблизил линзу к расширенному глазу и приник к метеориту.

И возникло бело-голубое видение храма Покрова на Нерли, его бесподобная красота, божественная женственность. Храм был крохотной инкрустацией на черной железной глыбе и отсюда сошел в зеленые луга и голубые воды русской равнины.

Петр Дмитриевич передвинул стекло, и возникла сталинская высотка университета, магический замысел вождя, окружившего Москву таинственными вертикалями.

Еще смещение окуляра, и появился конструктивистский шедевр Мельникова, похожий на броневик, жестокий и великолепный.

Петр Дмитриевич водил окуляром по щербатому метеориту, и в стекле всплывали рублевская «Троица», берестяная новгородская грамота, картина Дейнеки «Атака под Севастополем», Медный всадник на Сенатской площади.

Это были волшебные коды русской истории, задуманные на небесах. Они пролетели миллионы световых лет, коснулись Земли и сотворили Россию. Петр Дмитриевич водил окуляром по метеориту, и в каждой темной щербинке, в каждой стальной лунке возникало видение. Патриарх Никон на древней парсуне. Баснописец Крылов. Бородатый Курчатов.

Суворов. Все они были задуманы в небесах, каждый в свой черед исходил из метеорита, вступал в русскую историю, наполняя ее грохотом пушек, дивными песнопениями, бессмертными деяниями.

Петр Дмитриевич не мог оторваться от созерцания. «Таблица» в его груди трепетала, ликовала. Метеорит был «Таблицей», сотворившей Россию. «Таблица» прилетела с небес, и Петр Дмитриевич носил под сердцем метеорит.

— Теперь ты знаешь, где наш отчий дом? Где наша небесная Родина? — Фадей принял от Петра Дмитриевича окуляр и сунул в карман. Лицо Фадея казалось нежным, восхищенным, словно он слышал волшебную музыку, хотел, чтобы небесные звуки услышал Петр Дмитриевич, его друг, единомышленник, соотечественник по небесному Отечеству.

— Ты тронь его, он живой. Вдохни аромат небесного цветка.

Петр Дмитриевич коснулся метеорита. Ладонь ощутила тепло, исходящее из глубины железного слитка. Казалось, он трогает лоб ребенка. Петр Дмитриевич склонился к метеориту и вдохнул воздух. У него закружилась голова. Он уловил аромат материнских духов, тех, что сохранились в складках ее синего платья.

Уловил миндальный запах заповедного шкафа с подшивками «Аполлона» и «Весов». Почувствовал запах «Бурана», прилетевшего из небесной пекарни. Поваяло медовой сладостью цветущей ивы. И чудесно, божественно опьянил его аромат женских волос, которых совсем недавно он касался губами.

— Ты чувствуешь? Узнал свой дом? — Фадей обнимал Петра Дмитриевича за плечи, как родного брата. — Ты знаешь, как я нашел этот метеорит? Я работал в Калифорнии, в Беркли. Сидел в библиотеке. Изучал ордена Российской империи и советские награды. Исследовал описания Куликовской сечи, Бородинского сражения, битвы на Курской дуге. И чувствовал, как в окно с видом на парк, где пальмы, кипарисы, секвойи, дует на меня какой-то загадочный ветерок, слабый сквознячок, доносится беззвучный зов: «Лети в Россию! Лети в Россию!» Как наваждение! Бросил все: недописанную диссертацию, дом, любимую женщину, блестящую карьеру. Сел на самолет — и в Россию. Лечу в самолете, а в сердце словно какой-то компас. Стрелочка ведет по магнитной линии. «Домой! Домой!» Сел в Шереметьеве и сразу с аэродрома все по той же магнитной стрелочке бросился искать невидимый магнит. Колесил в такси по Москве, по Тверской, по Лубянке, по набережной. Зов то сильнее, то слабей. «Горячо, холодно. Теплее, холоднее». Бросил такси, бегу мимо «Метрополя», Большого театра, мимо Думы. «Кто ты? Где ты?» И вдруг бесцветная вспышка, стою перед входом в музей. Вбегаю, привратник

Степаныч меня не пускает. «Купите билет». Я сунул ему сто долларов, влетаю в зал и вижу это чудо! — Фадей указал на метеорит. — Он был не черный, а сверкал, как бриллиант. Я испытал такое ликование, такое небывалое счастье. Кинулся его целовать, разрыдался и упал без сознания. Степаныч отпаивал меня водой, а я целовал метеорит и плакал! Ведь это мой отчий дом, моя Родина!

Петру Дмитриевичу рассказ Фадея не казался безумным. Он и сам испытывал эти ослепительные потрясения, когда ему открывался еще один «русский код» и возникала золотая Богородица, праматерь Русской земли.

Они стояли с Фадеем перед осколком черной небесной скалы. Воздух вокруг метеорита слабо золотился.

В зале осторожно появлялся привратник Степаныч и так же осторожно удалялся, убеждаясь, что в нем нет надобности.

— Теперь услышь великую тайну, которая была открыта немногим, и большинство из них умерло, а у тех, что живы, уста запечатаны.

Фадей сжал губы, словно на них лежала сургучная печать. Усилием воли сломал печать и заговорил:

— В этом метеорите, в его железной глубине, в самой сердцевине, находится вход в нашу небесную Родину. Там врата с железными запорами, ведущие в рай. Можно прочитать волшебные заклинания, разбежаться и молнией вонзиться в метеорит, достичь райских врат и войти в звездный чертог. Мудрецы и ученые ломают голову, как достичь звездных миров, сколько тысяч лет космонавты будут лететь. Усыпить их или отправить в Космос оплодотворенную яйцеклетку, чтобы через тысячу лет полета запустить взрастание эмбриона? Все напрасно, все неправдоподобно. Одно мгновение, и ты пролетел сквозь галактики и оказался в раю, в своем небесном чертоге. Все религии, все верования, Египет, шумеры, зороастрийцы, мусульмане, христиане — все говорят о небесной прародине, о небесном царстве, откуда люди явились на Землю и куда непременно вернуться.

Петр Дмитриевич был поражен. Его коснулась великая истина, которую он не смел отрицать, а принимал на веру ее восхитительную достоверность. Фадей открыл эту истину раньше, одарил ею Петра Дмитриевича, был учителем, который звал за собой. И Петр Дмитриевич готов был идти.

— Волшебные заклинания, о которых я говорил, — это твоя «Таблица», «Таблица Агеева». «Русские коды» — это золотые крупички, которые собирал русский народ в поисках Беловодья, готовясь к обретению рая. Вся русская история — это собрание волшебных кодов, способных распахнуть

стальные врата и впустить народ в рай. Русская история — путь в небо!

— Ты прав! Ты прав! Русские — люди неба, — вторил Петр Дмитриевич. Он знал это всегда. Скрывал это знание, боясь насмешек, злобных глумлений. Хранил это знание в своей одинокой душе, обреченный на молчание. Но теперь молчание кончилось. Рядом был брат, с которым так сладостно говорить о небе. — Эти коды знали русские святые. Знал Пересвет. Знал Александр Матросов. Знал народный святой Евгений Родионов. Эти коды знал Сталин. Он готовил народ к полету в небо. Народ — экипаж, готовый взлететь на небо. Сталинские пятилетки, строительство заводов, стахановцы, полет через Северный полюс, сталинские песни, «Рабочий и колхозница», «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Страна мечтателей, страна героев», «И вместо сердца пламенный мотор». Советский Союз был огромный космический корабль, готовый лететь к звездам. И он взлетел к звездам, коснулся неба.

Сталин со времен обороны Царицына знал о метеорите. Знал, что он лежит на дне речки Россошки у хутора Бабурки. Знал о райских вратах. Гитлер тоже знал о метеорите. Ему рассказали о нем немцы Поволжья. Он посылал тайные экспедиции «Анерберге» в низовья Волги на поиски метеорита. Он хотел захватить русский рай. Битва за Сталинград была битвой за метеорит. Гитлер проиграл, а советский народ взлетел на небо. Он коснулся неба 9 мая 45-го года, в День Победы. Тогда народ коснулся небес и был готов войти в Небесное Царство. Не удержался на небе и рухнул! Но небо коснулось земли. И там, где оно коснулось, там выросла огромная береза, Дерево, через которое силы небесные льются на Русскую землю и возвещают упавшему и разбившемуся народу, что он по-прежнему небесный народ и снова поднимется на штурм неба!

Петра Дмитриевича не изумляла картина истории, начертанная Фадеем. Взгляд историка определяется окуляром, сквозь который смотрит его око. Око Фадея смотрело сквозь магический кристалл волшебного самоцвета, одного из тех, что сияли на витринах соседнего зала.

— Ты понимаешь, чем ты владеешь, Петрусь? Твоя «Таблица» — это пропуск в Небесное Царство! Тебе дан ключ от стального запора. Приложи свое сердце к метеориту, он растворит свои тайные врата, и мы войдем в рай!

Петр Дмитриевич потянулся к метеориту. Сердце восторженно билось, «Таблица» трепетала тысячько золотых частиц, которые наполнили зал, покрыли лицо Фадея сказочной позолотой.

— Не сейчас, не теперь. — Петр Дмитриевич отступил от метеорита, боясь, что сердце его разорвется. — Еще не готов. Еще несколько последних

кодов. И маленький ключик, который сообщит «Таблице» ее чудодейственные свойства.

Они стояли у метеорита, от которого исходило тепло. Так запущенный реактор останавливают, не дав ему накалиться.

— Ты, Петрусь, в опасности. За тобой охота. Хотят отнять у тебя «Таблицу». Не дать русскому народу воскреснуть. Не позволить русским сплотиться в экипаж и вновь штурмовать небо. В Беркли создано спецподразделение, которое занимается только тобой. Читает твои статьи, смотрит передачи, анализирует твои знакомства и встречи. Они знают о твоём визите к космисту Богданову. Знают о Новом Иерусалиме, где ты нашел русское Древо познания добра и зла. Они клеветают на тебя, ломают твою волю, грозят уголовным преследованием. Возможно физическое нападение. Их много. Некоторые уже приблизились к тебе вплотную. Эраст Богоносцев и его блудливая невеста Ксения Фалькон — они любезны с тобой, приглашают на свадьбу. Все это множество журналистов, телеведущих, критиков, политологов, экстрасенсов, которые атаковали тебя на вечеринке «Эхос Мундис». Они будут жалить тебя, язвить, выманивая у тебя «Таблицу».

— Но откуда ты это знаешь? Ты с ними связан?

— Я работал в Беркли, и у меня остались источники. Я вернулся в Россию не только смотреть на

русские звезды. Но для того, чтобы тебя сберечь. Ты мой фронтовой друг. Нас оглушил один и тот же взрыв. Он расколол наш мозг, и мы получили откровение. Тебе открылась «Таблица». Я приблизился к ней, но «Таблица» мне не открылась. Но теперь мы вместе, и твои откровения становятся моими. Мы сбережем «Таблицу». Ты откроешь еще несколько кодов, отыщешь заветный ключик, и мы вернем русскому народу мечту, поведем его на штурм неба. Ты меня слышишь, Петрусь?

— Слышу! — восторженно воскликнул Петр Дмитриевич. Они обнялись, два друга, озаренные священным знанием. Избранники небес, которые вернут русским небо.

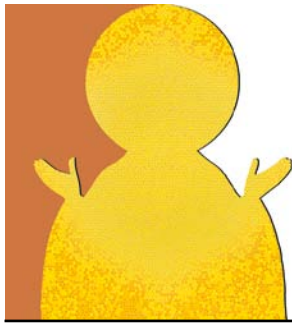
Они покидали метеорит. Петру Дмитриевичу казалось, что железная глыба стала прозрачной и в ее глубине раскрылся цветок.

Когда они шли мимо витрин с минералами, в зале появился благообразный человек в очках, с аккуратной лысиной. Два служителя несли за ним ломоть лазурита, синева которого сравнима с рублевской «Троицей».

— Вот, Фадей Аристархович, новый экспонат. Прямо из Афганистана. Каким именем его наречете?

— Пушкин, — ответил Фадей.

Петр Дмитриевич не нашел бы иного имени для этого густка небесной лазури.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Уже в сумерках Петр Дмитриевич подкатил к своему загородному коттеджу. Смотрел, не появится ли в свете фар кот Кузьмич, его задранный хвост, семенящие лапы. Обычно Кузьмич хоронился в кустах, издали, по звуку мотора, угадывал автомобиль Петра Дмитриевича. Выскакивал и бежал впереди, словно вел машину к воротам, изображая хозяина.

Кота не было. Петр Дмитриевич отворил ворота, ввел машину и поставил ее под деревьями, предвкушая, как станет выговаривать Кузьмичу, прозевавшему появление машины, сетовать на его нерадивость и нерасторопность.

После дневного московского жара воздух казался прохладным, свежим, с тихими ароматами близкой осени. Пахло спелыми яблоками, флоксами, березами, в которых появились желтые серьги с нежными запахами увядания.

Петр Дмитриевич надышался чудесной свежестью, достал ключи и пошел открывать дверь. Вставляя ключ в скважину, почувствовал, как что-то толкнуло его в грудь. Протянул руку, и пальцы погрузились в мех. Всмотрелся и жутко ахнул. Перед входной дверью в петле висел кот. Он тихо раскачивался, поворачивался на шнурке. Рот был оскален, белели острые зубы. Передние лапы были вытянуты, будто он от кого-то отталкивался.

Петр Дмитриевич принялся освобождать кота из петли. Но шнур не распускался, глубоко ушел в мех. Тело кота остыло, и вытянутые лапы окостенели.

Петр Дмитриевич в ужасе оглядывался. Убийцы кота были тут, в темноте, под деревьями. Видели, как он старается вынуть кота из петли, как испуганно осматривается. Он ожидал нападения, удара. Торопливо отомкнул дверь, скакнул в прихожую, оставив кота висеть снаружи. Зажег светильник в прихожей и фонарь перед домом. Стоял потрясенный, чувствуя, как дрожат руки. Прошел в кухню, взял большой кухонный нож, похожий на тесак. Готовый отбиваться ножом, открыл дверь, колыхнув висящего кота.

Нападения не было. Фонарь освещал темную зелень кленов, яблоки на ветвях, клумбу с поникши-

ми флоксами. Некоторое время Петр Дмитриевич стоял, держа наготове тесак. Затем перерезал шнур, на котором висел Кузьмич, подхватывая падающее тяжелое тело кота. Внес в прихожую, положил на лавку и запер дверь на все замки.

Кот лежал на лавке, оскалив зубы, подняв вверх лапы, словно ждал нападения. Был виден кончик его розового языка.

Петр Дмитриевич держал тесак, понимая, что случилось ужасное, жуткое. Кота Кузьмича жестоко убили, чтобы этим убийством послать Петру Дмитриевичу знак. Предупредить, что следующим висельником будет он, если не выполнит требований насильников. Не отдаст им «Таблицу Агеева». Кот Кузьмич был хранителем «Таблицы Агеева». Мучители хотели вырвать у кота «Таблицу», пытали его. Кот отбивался, хрипел, старался полоснуть мучителей когтями. Но те удушили его, и кот содрогался, хрипел, умирал в петле у порога родного дома. И это Петр Дмитриевич, поручив коту беречь «Таблицу», хранить ее в своем кошачьем сердце, — Петр Дмитриевич повинен в смерти кота.

Это было ужасно. «Таблица», наполненная кодами жизни, повлекла за собой смерть. Сначала смерть кота, а потом и Петра Дмитриевича смерть.

Осторожно орудуя тесаком, Петр Дмитриевич разрезал петлю. Отложил нож, на котором оставалась шерсть.

Смерть Кузьмича ворвалась в него ошеломляющим ударом, побуждая куда-то бежать, что-то решать, у кого-то искать защиту.

Он достал из шкафа чистое полотенце. Постелил на лавку. Переложил Кузьмича на полотенце. Выключил в прихожей свет, поднялся наверх и лег в кровать. В доме было темно, тихо. В доме находился покойник.

Петр Дмитриевич вспоминал, как Кузьмич появился в доме крохотным пушистым котенком — лохматый клубок, из которого глядят огромные золотые глаза. Как Кузьмич играл медным бубенцом с шелковой ленточкой. Толкал то одной, то другой лапой. Бубенец звенел, Кузьмич пугался, кидался опростью под кровать. Однажды, уже взрослым

котом, Кузьмич улегся на раскрытый компьютер, нажал на какую-то клавишу и стер драгоценный текст. Петр Дмитриевич сердился, упрекал кота, а тот терся головой о ногу хозяина. Вспомнил, как Кузьмич пропадал на несколько дней из дома и Петр Дмитриевич не находил себе места, пока Кузьмич не появлялся на карнизе окна — его круглая косматая голова и требовательные золотые глаза.

Петр Дмитриевич прислушивался. Вдруг тихо прошуршит в дверях, кот проскользнет в комнату и тяжело вспрыгнет на кровать, придавит ноги, станет в темноте прихорашиваться.

Но было тихо. Мертвый Кузьмич лежал в прихожей на полотенце, воздев вверх лапы, словно о чем-то умолял.

Из мертвого кота Кузьмича вдруг вышел живой учитель словесности, чьим именем был наречен. Учитель явился, сухой, костлявый, с крепкими пальцами, которыми он впивался в край стола, и его брюзгливое лицо, насмешливые губы преобразались, когда он читал на уроке Блока. Петр Дмитриевич вспомнил свою тетрадку с диктантом, выведенную красными чернилами отметку «пять с плюсом», что и теперь, спустя много лет, вызвало у него тщеславное чувство превосходства над сверстниками. Явились танцевальные вечера, на которых он разучивал бальные танцы, обнимая за талию хрупкую барышню, имени которой не помнил, но помнил дрожащую жилку на нежной шее, которую не решался поцеловать. А однажды мать явилась поздно домой, принесла букет роз, и отец что-то громко ей выговаривал. Засыпая, он слышал их нервные голоса. И та чудесная лесная дорога с недвижимой водой в колее, и желтые цветы, такие яркие на черной земле. И взлет ракеты в звоне и пламени. Он видел, как ракета, превращаясь в звездочку, уходит в облако и по небу бежит перламутровая волна. И снова кот Кузьмич, лежащий в прихожей, с молитвенно поднятыми лапами.

И внезапная паника. Его дом окружен. В березах и кленах притаились убийцы. Проникнут в дом, выхватят его из постели, станут пытать, вырывать из сердца «Таблицу», и он отдаст ее, выхаркает с кровью этот страшный дар, данный ему на погибель и муку.

Петр Дмитриевич сел в постели, собираясь бежать. «Таблица» под сердцем слабо вздрагивала, словно страшилась, что ее извергнут, отдадут на поругание.

Петр Дмитриевич улегся, укоряя себя в малодушии. Кот Кузьмич выдержал пытку, но не от-

дал мучителям клад, который получил от Петра Дмитриевича.

Так длилась ночь в кошмарах, кратких сновидениях и пробуждениях.

Утром Петр Дмитриевич спустился в прихожую. Кот Кузьмич все так же лежал на чистом полотенце. Лапы были воздеты. Белели оскаленные зубы. Розовел кончик языка. Но открытые глаза утратили цвет самородков. Были мутно-серые, с мертвой синевой.

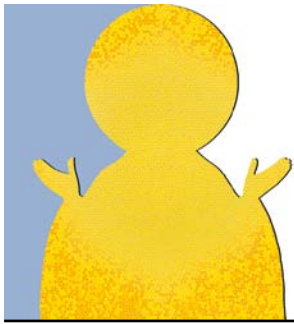
Петр Дмитриевич взял в сарае лопату. Выбрал под кленом место, лишенное травы. В жару Кузьмич ложился под клен, сладко вытягивался, шурил золотые глаза. Петр Дмитриевич вырыл Кузьмичу могилу, осторожно откладывая в сторону холодные пласты земли. Бабочка-белянка налетела, покружилась рядом, перепорхнула забор и исчезла. Та самая, за которой охотился Кузьмич ради забавы, лениво подпрыгивая. Теперь белянка простилась с Кузьмичом, зная, что больше не будет этой забавы.

Петр Дмитриевич отыскал старинный бубенец с лянцовой шелковой ленточкой, которым так любил играть Кузьмич. Обернул Кузьмича полотенцем и, чувствуя его неживую тяжесть, отнес под клен и опустил в могилу. В головах кота положил бубенец. Из-под полотенца выглядывала задняя лапа. Петр Дмитриевич осторожно ее пожал, прикрыл полотенцем. Стал бросать в могилу землю, покуда не скрылся край полотенца. Насыпал аккуратный холмик и стоял, опершись на лопату. Яблоня золотилась плодами. В высокой березе желтела длинная свисавшая бахрома. Но не было в этом солнечном осеннем пространстве любимого существа, и Петр Дмитриевич ощутил такое одиночество, такую невосполнимую пустоту, такую вину перед этим преданным родным существом, что в глазах все стало расплываться — яблоки, желтеющая береза, беседка, где столь часто они сидели с котом в безмолвии, дорожа возможностью быть рядом.

Слезы текли. Петр Дмитриевич рыдал, плечи его сотрясались. Огромный, окружавший его мир был непознаваем, и только слезы говорили о его подлинности, подтверждали его существование.

Петру Дмитриевичу показалось, что кто-то идет мимо забора за деревьями. Сухой, сутулый, в мятом пиджаке и поношенных брюках. Конечно, это был он, учитель словесности Михаил Кузьмич. Петр Дмитриевич кинулся за калитку, желая догнать учителя. Но никого не было. Улица была пустой.

Какой-то мальчик мчался на велосипеде, сверкая спицами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Петр Дмитриевич помнил младенческие пробуждения. Открывал глаза, и все ликovalo, сверкало, чудесно ослепляло. Каждая частичка трепетала, благодарила, стремилась в восхитительный свет, откуда звучал бессловесный зов. Этот влекущий зов не умолкал никогда. Звал в пленительную бесконечность, которая была впереди него, была над ним в небесах, была в нем самом. Открывала божественные предчувствия, которые влекли его по городам и весям, от мечты к мечте, в ожидании чуда. Оно случилось однажды среди горячих лугов и сияющих вод. А потом повторилось во сне, наградило откровением. Вручило бесценный дар — «Таблицу Агеева».

Этот таинственный зов звучал в каждой русской душе, сделал русский народ народом-странником, народом-скитальцем, народом-путником. Странствуя по земным пределам, народ создал невиданное государство между тремя океанами. Странствуя среди небесных туманностей, народ сложил восхитительные песни, стихи и поверья. Странствуя в необозримых просторах души, народ обрел лучезарную веру в божественное небывалое царство.

Этот зов, как никто другой, слышал неутомимый скиталец Федор Кононов. В одиночку он избородил все мировые моря. Поднимался на все мировые вершины. Добредал на лыжах до Северного полюса. Одолевал пески всех земных пустынь.

К нему отправился Петр Дмитриевич, исследовать таинственный «код русских странствий», разгадать тайну вековечно русского зова.

Федор Кононов в свои шестьдесят был сух, легок, строен. Ступал весело, с птичьим подскоком. Имел кожу сухую, коричневую, просмоленную, мышцы из тонких крепких волокон, как у дерева, лишеного мякоти, где одна только звонкая твердь. Его взгляд, острый, играющий, вдруг останавливался, устремлялся мимо, в заветную даль, где бушевали океаны, голубели высокие ледники, краснели раскаленные барханы, чудились загадочные миражи. К нему и пришел Петр Дмитриевич, предварительно списавшись и получив приглашение.

Федор Кононов встретил Петра Дмитриевича во дворе загородного дома. На зеленой лужайке стояла лодка, недостроенная, с полыми бортовинами. Хозяин, в фартуке, с перевязью на лбу, строгал на верстаке длинную доску, снимал с нее кудрявую стружку. На плечах под рубахой играли мускулы, коричневые кулаки сжимали рубанок, глаз зорко следил за белым завитком, который кудрявился, как птичий хохолок.

— Достраивать надо. Время поджигает. Что хотел узнать? — Федор Кононов цепко сжал руку Петра Дмитриевича.

— Опять в странствие? Куда, если не секрет?

— Думаю спуститься на веслах по Лимпопо. В устье у самого океана есть дюны, эоловы пески, которые поют. Хочу послушать, как поют пески. Где пресная речная вода встречается с морской, соленой, там стоят стеклянные волны, как сосуды света. Хочу пройти сквозь это стекло. Переплыву пролив к Мадагаскару, а там, говорят, водится ночная бабочка, которая поет. Хочу услышать, как поет ночная бабочка.

Федор Кононов произнес это тихо и радостно, предвкушая ночное пение загадочной бабочки Мадагаскара. Так, должно быть, русские странники, отправляясь за три моря, были томимы зрелищами заморских дворцов, висячих садов, видениями восточных красавиц и вещей птиц.

— На этой лодке? На веслах? — Петр Дмитриевич легонько щелкнул лодку, которая чуть слышно откликнулась сухим звоном, как чуткая виолончель.

— Русские лодки самые прочные. Их лед не ломает, камень не бьет. Они морскую волну держат. Я много лодок перепробовал. Нет лучше русской.

— Сам ее мастерить?

— Я каждую шпонку, каждый стык знать должен. Сейчас она мне лодка, а завтра домовина. Или ковчег спасения на случай потопа.

Они сидели на лавке и пили клюквенный морс, которым Федор Кононов потчевал гостя. Петр Дмитриевич чувствовал себя легко и уютно с этим странником, который сегодня здесь, в подмосковном поселке, а завтра плывет один по желтой реке,

в воду плюхаются длинные, как бревна, крокодилы, по берегам горят хижины и бегут чернолицые люди с автоматами, а русский странник мерно налегает на весла, смотрит, как летит над ним ленивая синяя птица.

— Хотел тебе задать вопрос, быть может, скучный для тебя, которым много раз тебе докучали. Можно?

— Задавай. Если смогу, отвечу.

— Что тебе не сидится на месте? Уже весь мир объездил, все рекорды побил. Чего ищешь? Какой новизны? Может, смерти?

Федор Кононов погладил лодку коричневой ладонью, как гладят собаку. Стряхнул с гладкой доски кудельку стружки.

— Если ты домосед и в Бога не веришь, меня не поймешь.

— Может, пойму.

— Я Бога зову. А Он меня выкликает. Я с тобой здесь сижу, а Он меня ждет. Место встречи назначил. На Мадагаскаре.

— Как же Бог тебя на Мадагаскаре ждет? Откуда знаешь?

— Зовет.

— И как же ты с Ним повидаешься?

— Я тебе случай мой расскажу. — Федор Кононов пошевелил коричневыми пальцами, пошептал сухими губами, из которых соленые ветры морей выпили всю розовую свежесть. Казалось, листают невидимую книгу, читает незримые письма с узорными буквицами, в которые вплетены цветы неведомых стран, птицы небывалых лесов. Житие Федора Коконова, очарованного русского странника, внемлющего божественному зову. Этот зов доносится из затуманенных далей, вещей снов, пьянящих мечтаний. — Раз шел пустыней Каракумы. Шел рассветами и закатами, когда нет солнца, чтобы днем не испечься. Иначе вмиг сожжет и от тебя на бархане только сухая кожа останется.

Утром пустыня прекрасна.

Песок влажный, гладкий, как шелк. Во все стороны бегут жуки-чернотелки, оставляют лапками колючие дорожки. Ящерики-круглоголовки на лапках привстанут и метнутся, только след простыл. Черепаха ползет, корябает песок лапами. Скользнет змея, стальная, с синим отливом. Пустыня благоухает, дышит, ласкает, как прекрасная женщина.

Это все до восхода. Солнце встало, словно открыли в печи заслонку. Полыхнуло жаром, песок стал белый, сыпучий. Все жуки, черепахи, ящерики вмиг зарылись вглубь, куда жар не достанет. Ни следов, ни движений. Только белый жар, словно в барханах накаляется добела спираль, и каждый вдох как глоток огня. Такие моменты переживаешь в туркменских стойбищах, в поселках геологов. Планируешь переход, чтобы добраться к жилью

до полудня и не сгореть. Но раз то ли неверно маршрут рассчитал, то ли компас подвел, то ли сбился. Солнце в зените, а я бреду по пескам, и им нет конца.

Барханы белые, с острой кромкой, как лопасти. Их построил ветер и крутит, как пропеллер. Вся пустыня в волнистых холмах, которые вылизывает ветер, вытачивает лезвия. Поднимаешься на бархан, он все уже, тоньше, превращается в острие меча. Воздух туманится от тысяч песчинок, которые сдувает ветер, и бархан медленно плывет, перемещается. Вся пустыня течет, движется по спиралям, эллипсам, вращая белыми лопастями.

Кажется, плывет по волнам множество обнаженных женщин, их прекрасные груди, плавные бедра, чудесные, обращенные к небу лица. Ты очарован, опьянен, гладишь ладонью шелковистую грудь, окружен волшебной женственностью. Восходишь на бархан, по отвесной круче сползаешь вниз, увлекая жидкие потоки песка. Оказываешься на дне белой чаши, где, как в тигле, скопился жар и идет плавка. Ты плавишься в белом кварце, превращаешься в стекло. Над тобой склоняется огромный стеклодув, готовый превратить тебя в стеклянный сосуд.

В этом тигле невозможно дышать, ибо сгорел весь кислород. Подошвы жгут, солнце касается головы раскаленным шкворнем. Каждая песчинка, каждый кристаллик кварца отражает солнце и бьет в тебя тончайшим лучом. Ты внутри реактора. Луч пронзает тебя и убивает кровяную частицу. Твоя кровь закипает, изо рта вылетает синий огненный факел. Сердце ахает, и в глазах кружатся огненные вензеля. Ты хочешь выбраться из этой адской ямы. Карабкаешься на бархан, обрушивая раскаленные оползни. Добираешься до вершины и снова скатываешься в пылающую ямину. Ты хочешь сориентироваться по солнцу, правильно ли идешь. Но вместо одного солнца появляются два, три, четыре. Над барханами дрожат в стеклянных миражах зеленое солнце, синее, красное, черное. Не знаешь, какое из них настоящее. Ты начинаешь бредить. Твоя плоть испаряется. Ты понимаешь, что скоро умрешь.

Я шел по барханам, потеряв направление. Понимал, что скоро упаду от теплового удара и меня никто никогда не найдет. Мои кости перетрут колючие песчинки, и мой прах будет кочевать по пустыни по заколдованным эллипсам и кругам. Я был готов упасть и сдаться. Тепловой удар приближался, я слышал его лязганье в ушах. Пески неожиданно кончились. Открылась каменистая сухая земля. Впереди я увидел дерево и побрел к нему. Оно было кривое, корявое, не имело возраста. Может быть, было посажено здесь при сотворении мира. Листва была редкая от крохотных листиков.

Тень была зыбкой, горячей. Я вошел в эту тень и рухнул. Потерял сознание. Не знаю, сколько длился тепловой удар. Я очнулся. Солнце уходило в пески, пустыня была красная. Приходя в себя, я понял, что спасла меня зыбкая, прозрачная тень дерева, сберегла от жгучих лучей. Это Бог тысячу лет назад посадил на краю пустыни это дерево, чтобы оно через тысячи лет спасло меня. Господь знал, что когда-нибудь я приду сюда и дерево дождет меня и спасет. Вдалеке виднелись какие-то строения. Я добрался до них. Это было стойбище туркмен-скотоводов. Там был колодец. Верблюды из поилки пили воду. Чмокали толстыми губами, сосали воду сквозь желтые зубы. Я оттеснил верблюда и стал пить. Мне казалось, что вода, попадая в желудок, кипит. Я облил себя с ног до головы. Рядом стояло ведро. Я наполнил ведро водой и отнес его к дереву. Полил его корни. Я смотрел на суковатый ствол, на свернувшиеся от жара листочки и знал, что передо мной Господь, наша встреча состоялась.

Лицо Федора Кононова стало тихим и строгим. Он прочитал несколько страниц своего жития. Житие подтверждало целостность его жизни. Так целостно выглядит спелое яблоко с душистой плотью и твердой сердцевинкой.

Петр Дмитриевич, слушая житие, чувствовал, как трепещет у сердца волшебная «Таблица». В ней прибавляется еще один сокровенный элемент, «код русского богопознания». Этот элемент воздействовал на все другие коды «Таблицы», и они начинали сверкать, переливались, как хрустальная люстра в Георгиевском зале Кремля. Петр Дмитриевич нес в душе эту хрустальную люстру, благодарный Федору Кононову, который ее зажег.

— Расскажу еще один случай. Еще одна встреча с Богом. — Федор Кононов поднес к лицу еловую стружку. Вдыхал запах нездешних лесов. Поцеловал стружку и положил ее на верстак. — Задумал на лыжах пройти по тундре и достичь ледового моря. Проложил маршрут. Днем переход по безлюдью, ночлег где на оленьем стойбище, где в вагончике метеорологов, где на пограничной заставе, а где на снегу в палатке. Все выверено по часам, маршрут проложен по карте. Встретил с лопарями их праздник. Гонки на оленях, стрельба, танцы. В ночном небе сполохи шелками переливаются, будто великанша подолом плещет.

Утром рано на лыжи, вперед. За спиной рюкзак килограммов тридцать. Палатка, продовольствие, спальник, мешок. Лыжи скользят по насту, снег, как сахар, сверкает. За спиной на бечевке запасная лыжа вьется, играет. Силы свежие, солнце белое, наст посвистывает. Благодать. Встретил лопаря охотника. Убил россомаху, свежует, шкурку снимает. У лопаря лицо круглое, с усиками. Ножик блестит.

Мехом россомахи потряхивает, а голую тушку кинул на снег, и она лежит красная, с ребрами, с заостренным хвостом. Друг другу кивнули и растались.

Бежал легко, ходко. Мороз, пар изо рта. Лыжи посвистывают, палки поскрипывают. Солнце на кончиках лыж растопило снег, и блестят водяные капли. Ни души, белизна, ни темного пятнышка. По обеим сторонам от солнца круги, как воротники, желтый, розовый. Бегу и с солнцем играю. Сощурю глаза, и на ресницах пышные радуги. То волшебное дерево посреди тундры как радужная пальма. Стремлюсь к дереву, а оно убегает. То крест из радуг, концы у креста пышные, из цветных перьев, и кажется, крест впереди меня шествует, мне путь указывает. То сказочная птица с огненным хвостом. Я бегу, хочу ухватить жар-птицу, а она ускользает.

Ровная тундра кончилась, начался тягун. Пошел путь в горы. Все правильно. К закату до перевала дойду, одолею перевал, в сумерках спущусь к ледяному озеру, перееду, а там рукой подать до метеостанции. Отдохну, обогреюсь. На закате солнце красное, и тундра, как медь. Спугнул куропадок, и они, красные, от меня улетели.

Вышел на перевал, когда солнце садилось. Такая божественная красота, как в раю! Кажется, бесшумные ангелы надо мной летают. Алый пролетел, сел на гору, и гора алая, как чаша с вином. Зеленый пролетел, сел на вершину, и гора изумрудная, прозрачная. Золотой ангел присел на вершину, и вершина, как слиток. Ангелы летают, меняются местами, а я люблюсь, и такая во мне радость, такое счастье, что ангелы для меня танцы танцуют. Налетались и скрылись. И сразу сумрачно. Небо, как синий камень. Я радуюсь, трудная часть пути позади. Впереди спуск, какие-то редкие камни темнеют. Сейчас спущусь с перевала с тихим посвистом, между камнями, как на слаломе. Оттолкнулся и ринулся вниз. Наст скользкий, лечу как вихрь. А того не знал, что ветер с гор мелкий снег намел. Лыжи в снег влетели, резкое торможение, и я кувырком падаю, в ужасе. Ударился о камень, но не телом, а рюкзаком. Такой удар, что заплечные ремни разорвало, содрало рюкзак и кинуло в сторону. Лыжа сломалась. Оглушенный, лечу и думаю, что случилось несчастье, которое не одолеть. Скатился вниз. Ощупал себя, перелома нет, одни ушибы. От одной лыжи щепка осталась, другая целая. Запасная лыжа, которая на шнурке, тоже цела. Сломанную лыжу сбросил, запасную поставил. Где рюкзак? В нем палатка, спальник, еда. Искать его по склону? Где найдешь? А уже стемнело. Небо каменное, а в камень одинокая звезда заморожена, яркая, жуткая. Принимаю решение не искать рюкзак, а идти к озеру и дальше, к вагончикам метеорологов.

Иду медленно, руки, ноги болят. Когда шел на перевал, вспотел, а теперь одежда леденеет, как панцирь. Застываю. Ни деревца, ни кустика. Костер не развести. Только черное небо с огненными жуткими звездами. Как бриллиантовые пауки над мной повисли, и каждая холодом жжет. Чувствую, что погибаю. Упаду и не встану. Так и найдут замороженного в ледяную глыбу. И так хочется спать, такая сонливость! Вижу мою комнату, лампу под оранжевым абажуром. Жена стелет постель, и я сейчас лягу, засну. Прогоняю сон и снова бреду. Вот и озеро, белая пустота, а над ней сполохи. Куски льда начинают переливаться и гаснут. Еще в голове последняя живая мысль осталась. С этой мыслью сел на снег, обнял колени и подумал: так и замерзну. Стал засыпать последним сном. И во сне почудилось, что в ночных снегах что-то темнеет. Собрался с последними силами, встал, побрел и увидел избушку. Должно, рыбаки ее сложили, чтобы было где останавливаться. Лыжи сбросил, нащупал щеколду. В ней щепка торчала. Толкнул дверь, вошел. Ледяная тьма, но глаза во тьме разглядели печку. Открыл дверцу, полна дров, под полешками бумага для растопки. Под руку сами попались спички. Зажег бумагу. Дрова занялись. Лежу на полу, смотрю, как огонь скачет по потолку и в избушке теплеет. Одну закладку дров сжег, вторую заложил, тоже сжег. Третью спалил. В избушке потолки низкие, жар. Оконце, стол, какие-то банки, кастрюля. Лежанка наподобие нар. Какая-то ветошь наброшена. Пить хочу. Взял кастрюлю, вышел из избушки, чтобы снегу набрать. Звезд над избушкой полно, и белых, и зеленых, и золотых. Все сверкает. Я черпаю снег кастрюлей, и вдруг меня после тепла на морозе охватил колотун. Бьет, зубы стучат. Все

внутри колотится, будто сидит во мне кто-то и бьет кулаками. Я чудом обратно в избушку заскочил, кастрюлю на огонь поставил, а сам катаюсь по полу, и меня колотит о все углы. Понемногу успокоился. Выпил кипятка. Открыл банку тушенки и съел. Лег на нары и в тепле уснул. Утром в оконце солнце, избушка светится. Я с нар слез, убрал сор с пола. Все дрова сжег и консервы съел. Думаю, доберусь до метеорологов, заберу у них дрова и пополню запас. Встал на лыжи и легонько пошел через озеро. Дошел до вагончиков. Меня встретили, напоили, накормили. «Какая избушка? — спрашивают. — Нет никакой избушки». Сели на снегоходы, захватили дрова, консервы. Покатали по моему следу к избушке. След есть, а избушки нет. Не нашли. Я потом понял, что избушку эту Господь для меня поставил, чтобы я не замерз. А потом убрал за ненадобностью. Вот так и случилась моя встреча с Богом.

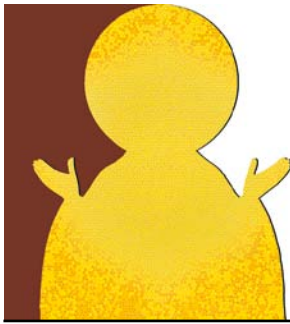
Федор Кононов прочитал Петру Дмитриевичу еще одну главу своего жития. В буквицы были вплетены радужная птица, перламутровый крест, красные, летящие на закат куропатки.

«Таблица» под сердцем пела, ликовала. «Код русского богопознания» сверкал на ней драгоценной искрой. Русскому человеку Бог являлся в чудотворной иконе, голубых глазах младенца, грохоте военного взрыва, топоре палача, вешних водах, гремящих по оврагам с цветущими ивами.

— Ну вот, отдохнул с тобой. Теперь за работу. — Федор Кононов поднялся. Взял с верстака еловую стружку и протянул Петру Дмитриевичу. — Дарю. Ты ее к губам приложи, и узнаешь, как я по Лимпопо плыву.

Петр Дмитриевич принял от русского странника еловый локон.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Петр Дмитриевич вернулся домой, и его возвращение было печально. Кот Кузьмич не встречал его у ворот, не бежал впереди машины трогательной трусой. В сумерках под кленом виднелся бугорок земли, у которого стоял Петр Дмитриевич, вспоминая строгий, исполненный достоинства лик кота, его золотые глаза.

Дома Петр Дмитриевич открыл компьютер и в ленте областных новостей прочитал два сообщения. Был убит на своей подмосковной даче космист Богданов, руководитель программы «Энергия» — «Буран», последний из путчистов, кто пытался спасти СССР. Убитого нашли на открытом воздухе.

Он лежал на топчане, лицом вверх, с открытыми глазами. Убийцы ничего не взяли в доме, только зачем-то спилили растущую на участке сосну.

Во второй новости сообщалось о поджоге церкви по соседству с Ново-Иерусалимским монастырем. В церкви сгорели дорогие иконы и был найден обгорелый труп казака, который, по-видимому, пытался спасти святыни.

Петр Дмитриевич был потрясен. Обе смерти были связаны с ним, с его посещением космиста Богданова и священника отца Андрея. Убийцы охотились за «Таблицей Агеева». За священными «русскими кодами». За «космическим кодом» и за «кодом Русского Чуда». Убийцы спилили сосну, надеясь найти в дупле «русский космический код». Сожгли иконы, на которых было явлено «Чудо Русской Победы». И во всем был повинен Петр Дмитриевич. Он навел убийц. Своей «Таблицей Агеева» вызвал из преисподней черные силы. Желая света, накликал тьму. Желая спасения, привел к гибели. Мечтая о возрождении, утвердил смерть.

Петр Дмитриевич чувствовал под сердцем «Таблицу», как тяжелый чугунный слиток. Хотел избавиться от «Таблицы», выдохнуть с кашлем, исторгнуть с приступом рвоты. Выдрать из себя по кускам, как вырывают во время аборта плод, рассекая на части во чреве матери.

Петр Дмитриевич был готов отдать проклятую «Таблицу» насильникам, только бы они отступились. Не пришли к страннику Федору Кононову, к

Ирине и Фадею, которые были посвящены в тайну «Таблицы».

Петр Дмитриевич метался по дому. Хотел кому-то звонить — в полицию, в спецслужбы. Космист Богданов ночью смотрел на звезды и был убит. Рыжебородый казак Карп кинулся спасать чудотворные иконы и погиб в огне. А он, виновник их смерти, жив.

Мысль о коте Кузьмиче обожгла и заставила устыдиться. Кот пожертвовал жизнью, но не выдал «Таблицу» мучителям. Петр Дмитриевич не поддастся страхам. Сбережет «Таблицу», которая послужит воскрешению русского народа.

Петр Дмитриевич не сразу нашел звонивший телефон. Спокойный, с приятным рокотом голос произнес:

— Я — Григорий Афанасьевич Проклов. Не знаю, говорит ли вам что-нибудь мое имя?

— Разумеется, Григорий Афанасьевич. Вас знают в России. — Петр Дмитриевич слышал о Проклове. Богатый предприниматель, покровитель патриотических русских движений, он не скрывал имперских взглядов. Проклов был причастен к «русской весне», содействовал возвращению Крыма, способствовал восстанию на Донбассе. — Конечно, я много слышал о вас.

— Я тоже о вас слышан, Петр Дмитриевич. Ваше вероучение Русской Мечты созвучно моим чаяниям. Как и вы, я считаю себя русским мечтателем.

— Еще одним единомышленником больше, — мягко усмехнулся Петр Дмитриевич.

— Поэтому вам и звоню. Русские мечтатели должны держаться вместе. Могли бы мы встретиться?

— Конечно.

— Тогда приезжайте сегодня вечером в Лужники, к Москве-реке, на причал. Там будет стоять моя яхта «Витязь». Поплаваем, ближе узнаем друг друга.

— Непременно приду.

Петр Дмитриевич удивлялся тому, как вероучение Русской Мечты захватывает умы. Так ветер срывает крылатые семена одуванчика, и вот уже

соседний луг золотой от цветов, а потом вся округа золотая, в наивных цветах русского Рая.

Вечером, когда московское солнце садилось, Петр Дмитриевич был в Лужниках, на набережной. Река, огибая Воробьевы горы, казалась зеленой, с густой ленивой водой. У причала стояла яхта, нос был украшен изваянием витязя в кольчуге, в золотом шлеме, с устремленными вперед голубыми глазами. На мачте развевалась малиновая хоругвь — шитый золотом Спас. Петр Дмитриевич вспомнил, что уже видел эту хоругвь, когда сидел с Ириной в ресторане «Зарядье». Мимо по реке дважды, туда и обратно, проплыла яхта с малиновой хоругвью, словно хотела привлечь внимание Петра Дмитриевича. И теперь появление этой яхты казалось промыслительным.

У трапа Петра Дмитриевича встретил капитан в строгом кителе и фуражке с якорем.

— Григорий Афанасьевич ждет вас. Я провожу.

На верхней палубе слышались голоса, смех, звуки рояля. Капитан провел Петра Дмитриевича на нижнюю застекленную палубу. Навстречу из-за стола поднялся ладный господин с бритым, несколько изможденным лицом, напоминающий красавцев черно-белого кино, которым в течение фильма предстояло соблазнить нескольких женщин, застрелить соперника и взять банк. Его черные большие глаза смотрели зорко и чуть насмешливо. По их виду не скажешь, что Григорий Афанасьевич Проклов возжигал огонь «крымской весны», спасал Черноморский флот, поднял грохочущее восстание на Донбассе с атаками ополченцев, сбитым «бонингом», непрерывными слезами и погребениями.

— Рад, что вы откликнулись на мое приглашение, Петр Дмитриевич. Мы давно должны были познакомиться. — Григорий Афанасьевич любезно указал на стул.

— Я уже видел однажды вашу яхту. Правда, с берега. Не думал, что окажусь на ее борту.

— Я иногда провожу на яхте деловые совещания. Это приятней, чем в офисе.

Принесли ужин. Было подано белое сухое вино, салат из крабов, куриный бульон с гренками. После нескольких фраз о погоде и близкой осени завязался разговор.

— Мне кое-что удалось сделать в бизнесе, Петр Дмитриевич. Я уцелел в смертельных схватках и приумножил состояние. Занимался благотворительностью, строил храмы, помогал русским общинам. Вам, должно быть, известна моя роль в крымских событиях и на Донбассе. Но в один прекрасный момент я понял, что мои усилия тщетны. Они не дают желаемого результата.

— В чем, по-вашему, результат? — Петр Дмитриевич услышал слабый рокот, увидел дрожание

вина в бокале. Яхта отчалила и мягко пошла. Мимо поплыл берег.

— Русский народ пребывает в плачевном состоянии. У него переломаны кости. Он лежит под наркозом, в гипсе. В этом состоянии он не способен на историческое творчество. Не способен создать цветущее имперское государство, вернуть утраченные территории, объединить вокруг себя другие имперские народы. Русским необходимо воскреснуть. Должен появиться чудесный царевич, который своим поцелуем поднимет Россию из хрустального гроба. Вернет русскому народу его непочатые силы. Я все ждал появление царевича и, слава богу, дождался.

— Кто же он, Григорий Афанасьевич?

— Петр Дмитриевич, это вы!

Воробьевы горы чернели дубами и липами. Стадион на другом берегу зажигал аметистовые огни. Река совершала дугу, и Петру Дмитриевичу казалось, он чувствует вращение Земли.

— Ваша «Таблица Агеева» — поцелуй, который разбудит спящую Россию. Я смотрел все передачи с вашим участием. Прочитал все ваши публикации. Изучил суждения ваших сторонников и врагов. Оказалось, что ваши враги — это и мои недруги. А ваших сторонников я числю моими друзьями. Поэтому я вас пригласил, Петр Дмитриевич.

— Вы не ошиблись? Чем я могу быть полезен?

Нескучный сад в своей тяжелой вечерней зелени погружался в реку. Но впереди уже мерцали, искрились аттракционы парка культуры. Навстречу проплыл речной трамвайчик в веселых огоньках, с танцующими на палубе пассажирами.

— Я создаю движение «Русская Мечта». Объединяю все многочисленные, часто бестолковые и кустарные русские начинания. Скрепляю их вашим вероучением. Утверждаю Академию Русской Мечты, где начинаю готовить ваших последователей, апостолов. Вы — ГЛАВА академии. Отсюда апостолы, оснащенные вашим вероучением, расходятся по России и проповедуют Русскую Мечту. Будят ото сна Россию. Движение постепенно переходит в партию, я обретаю власть и получаю возможность осуществить мой проект. Наш с вами проект, Петр Дмитриевич. Ибо ваше учение создано под мой проект.

— В чем его суть?

Аттракционы парка культуры сверкали, отражались в реке огненными змеями, столбами золотого света. Крутились фантастические карусели. Падали и взлетали расписные качели. По сияющим синусоидам носились шальные вагончики. Гремела музыка.

— В чем смысл проекта? — повторил вопрос Петр Дмитриевич, очарованный волшебным праздником.

— Разбуженный «русскими кодами» народ снова становится творцом истории. Ученые совершают невиданные открытия. Энергетики находят неисчерпаемые источники энергии. Медики преодолевают смертельные болезни и приближают бессмертие. Инженеры конструируют фантастические машины, летающие в Космосе, плывущие у дна океанов, носящиеся по земле с невиданной скоростью. Музыканты пишут «музыку русских сфер». Литераторы сочиняют поэмы Русской Мечты. Живописцам дано откровение изобразить райские сады. Мы построим новые города, каких не видел мир. Дадим народу земные блага и устремим его к благам небесным. Мы создаем нового русского человека, который и является вековечным, подлинным русским, трудами и талантами создавшим царство между тремя океанами. Мы создаем Россию благую, справедливую, имеющую свой прообраз на небе. Ту, к которой стремились самые великие русские подвижники. Россию, которая является Душой мира и к которой станут льнуть другие народы Земли.

Григорий Афанасьевич произносил все это без пафоса, не воздевая рук, не возвышая голоса. Он был уверен и тверд. За его словами стояли долгие размышления, упрямые думы. Он не обольщал, не пленял Петра Дмитриевича, а звал в свое дело. Оно было делом и Петра Дмитриевича. Они нашли друг друга, два творца и мечтателя, среди сверкающих вод Русской Мечты.

— Но это потребует огромных усилий, огромных средств, — осторожно заметил Петр Дмитриевич.

— Я отдаю Русской Мечте все мое состояние. Мои друзья, крупные предприниматели, металлурги, горняки, золотодобытчики, внесут в наше дело свою лепту. Русские люди обретут свою партию, своего лидера и своего идеолога. Вы, Петр Дмитриевич, идеолог русского народа.

Петр Дмитриевич был вдохновлен. Кончилось его одиночество, страх за себя, за свое драгоценное детище. Теперь он получит защиту, средства, которые позволят продолжать исследования. Искать недостающие коды, после чего «Таблица» во всей полноте одухотворит Большой проект.

Григорий Афанасьевич указал перстом на верхнюю палубу, где слышались голоса и музыка:

— Теперь же, Петр Дмитриевич, приглашаю подняться вверх. Там собрались те, кого я называю «Русское сообщество». За каждым стоит организация, фонд, объединение. Лоскутное одеяло патриотизма. Нам предстоит создать из этих лоскутьев доспех. Гвардию русского народа.

Приближался Крымский мост, похожий на стальную летучую мышь, которая распахнула над рекой свои перепонки.

Верхняя палуба была открыта, озарена. Стояли столы, блестели бокалы. Люди чокались, обнимались, переходили от стола к столу. Господин с артистическим коком играл на рояле, вскидывал голову, закрывая счастливые глаза. «Русское сообщество» веселилось. Но умолкло, едва на палубе появился Григорий Афанасьевич с гостем.

Крымский мост прошумел над головами и удалился. Григорий Афанасьевич поглядел ему вслед и произнес:

— Господа, позвольте представить вам выдающегося русского мыслителя и пророка Петра Дмитриевича Агеева. Он собрат нашего русского братства. Пусть он услышит, что на душе наших патриотических лидеров, чем дышит «Русское сообщество».

Вдалеке, над черной рекой, всходило золотое солнце храма Христа Спасителя. Григорий Афанасьевич протягивал руку то к одному, то к другому собрату, приглашал высказаться. Тот, на кого указывал перст, послушно поднимался и говорил о наблевшем.

— Надо собирать желуди! — Растрепанный господин достал из кармана желудь. — Прошу не перебивать! Желуди надо собирать теперь, когда созрели. Конечно, не все подряд, что за глупость! Прошу не перебивать! Желуди с заповедного дуба в селе Константинове. Дуб Есенина. Собирать желуди и по всей России растить дубравы. И тогда в каждой русской земле появится свой Есенин! Я писал об этом президенту. Нет ответа! Прошу не перебивать!

Но его перебил сосед с окладистой бородой, в жилетке, на которой висела цепочка карманных часов:

— Пора добраться до сути, господа! Сколько лет бьюсь, чтобы городу Тутаеву вернули исконное имя Романов-Борисоглебск!

Кто такой Тутаев? Мелкий большевик, расстрельщик! Пока город зовется Тутаев, дома в нем гниют и горят, крысы загрызают младенцев, по Волге плывут утопленники! Напишем коллективное письмо президенту!

Ему не дал завершить маленький пылкий человек с сияющей лучистой звездой на сюртуке. Звезда была церковной наградой и сияла, как елочное украшение:

— Вернемся к истокам, господа, вернемся к истокам! Вся скверна от английского языка, который наводняет русские умы пакостями и нигилизмом. Вместо уроков истории и английского станем изучать в школах святоотеческое предание и церковнославянский язык! «Иже приидоха ономе, и въздыхаха исчислим бысть!» — Господин со звездой сел, продолжая читать наизусть сказание о «Петре и Февронии».

Мимо плыл восхитительный Кремль, похожий на ночное зарево.

Ослепительно, среди черного неба, сверкали дворцы и соборы. Василий Блаженный казался блюдом с невиданными плодами из райского сада, отекавшими медовой сладостью.

Петр Дмитриевич слушал речения патриотических лидеров, веря в волшебную силу «Таблицы», способную пробудить в каждом животворящие «русские коды». Превратить этих милых и взбалмошных людей в творцов и мыслителей.

— Нам нужно всем от мала до велика, повторяю, от мала до велика обратиться с общей молитвой к Господу о ниспослании благодати нашей матушке-России! Но, повторяю, всем от мала до велика в единый час, лучше ночью, ибо ночная молитва скорей доносится до ушей Господа! — Говоривший это болезненный господин держал в руке бокал с вином, который осушил, завершив выступление.

— Могу показаться еретиком, или даже язычником, или даже святотатцем! Но моя идея, ввиду нехватки русских людей и повсеместном их вымирании, моя идея выращивать русских людей в пробирках весьма актуальна. Но, конечно, под наблюдением церкви! Только под наблюдением церкви!

На оратора, который произнес эти неожиданные слова, тут же зашикали, стали усаживать на место. Но тот вырывался, выкрикивая:

— Под наблюдением церкви! Под пристальным наблюдением церкви!

Из-за столов поднимались один за другим представители «Русского сообщества». Каждый высказывал наболевшие мысли, с которыми он обил не один порог, исписал не один лист прошений.

Крепкий осанистый господин с тяжелой бородой и гневными бровями требовал от России немедленного союза с Германией, что поставит на место Америку и Китай и создаст новый центр небывалой силы.

Другой, аскетического вида, с провалившимися щеками и монашескими волосами, настаивал на канонизации мученика Григория Распутина, убитого по наущению иудеев и англосаксов.

Поднялся господин, свежий, с румяными щеками, с бакенбардами и усами, как у Александра Второго.

— Полно лукавить, милостивые государи! Мы знаем причину всех русских бед. Без царя в голове и без царя на троне русский человек дурак, смутьян и пьяница. Пора русским людям сойтись на собор и, как встарь, в годину ненастья, «выбрать царя из народа своего». Мы знаем, кем будет новый русский царь! Поднимем бокалы за будущего русского царя Григория Афанасьевича Проклова! Ура!

Все дружно вскричали «ура!». Кто-то запел: «Боже, царя храни». Кто-то пошел из-за столов к

Григорию Афанасьевичу, неся впереди полный бокал.

Петр Дмитриевич слышал, как под сердцем волнуется и дышит «Таблица». Каждый код, каждая золотая частица стремилась навстречу этим милым искренним людям, прекрасным в своей наивности и беспомощности.

«Таблица» преобразит их, сделает могучими творцами и ясновидцами, как мечтает об этом прекрасный человек, новый друг Григорий Афанасьевич Проклов. А будет ли он царем, или вождем, или президентом — не суть важно. Лишь бы Россия при нем цвела. Лишь бы «Таблица» послужила чудесному воскрешению.

Яхта «Витязь» миновала Котельническую высотку, приближалась к Ново-Спасскому монастырю, усыпальнице рода Романовых. Шлем богатыря на носу корабля золотился. Синие глаза воина грозно взирали на монастырские стены и главы.

Петр Дмитриевич увидел, как яхту догоняет другой корабль, не меньших размеров, на носу которого краснела разъятая пасть дракона с белыми зубьями. Драконьи глаза ненавидяще смотрели, черные, с серебряными белками. На борту виднелся китайский иероглиф. Верхняя палуба была озарена. На ней совершалось таинственное действие. Дракон поравнялся с «Витязем», и они плыли теперь борт о борт.

— Что это? — спросил Петр Дмитриевич Григория Афанасьевича, опасаясь столкновения.

— Корабль сатаны, — ответил Григорий Афанасьевич. — Принадлежит китайскому миллиардеру Линь Бяо, торговцу русским лесом. А также, как мне известно, промышляющему синтетическими наркотиками и проституцией. Под покровительством московских властей. Приглашает к себе на яхту представителей либеральных кругов. Похоже, и теперь они там.

Палуба «Дракона» была ярко освещена. Стояли красные ширмы, расписанные цветами и птицами. Виднелась фаянсовая ванна, похожая на раковину. На палубу выскочил танцор, голый, в набедренной повязке, с играющими мышцами плеч, груди, ног. Его лицо, ярко раскрашенное, напоминало маску дракона — красный зев, клыки, пылающие глаза. На голове два козлиных рога, перевитые серебром. Звучала восточная музыка. Танцор извивался, подпрыгивал, страстно оглаживал бедра. Повязка волновалась, под ней взбухала возбужденная плоть.

Петр Дмитриевич узнал в танцоре режиссера Эраста Богоносцева. Его ястребиный клюв вращался во все стороны, словно искал добычу.

— Главный сатанист, — Григорий Афанасьевич осенил себя крестным знаменем, — его яхта — гнездо сатаны.

Петр Дмитриевич чувствовал, как ядовитые языки с драконьей яхты лижут витязя в золотом шлеме, обжигают, смывают позолоту. Как тяжело становится сердцу, и «Таблица» начинает трепетать, сердце, сбиваясь с ритма, бьется невпопад, танцует под чужую тлетворную музыку.

Члены «Русского сообщества» столпились у борта, взирали на бесстыдный танец. Раздался робкий возглас:

— Позор!

Эраст Богоносцев приблизился к фаянсовой ванне. Кружил, тянул к ней руки, впрыскивал незримые энергии, всыпал таинственные снадобья. Его магический танец призывал духов, и Петр Дмитриевич слышал посвист невидимых крыльев, удары ветра от пролетающих незримых существ.

Над ванной стал подниматься пар, появились перламутровые пузыри. Ванна бурлила, пенилась. Пена через край изливалась на палубу. Из пены медленно стала появляться женщина. Лица ее не было видно, только волосы, собранные на затылке в рыжий пучок, гибкая шея, обнаженные плечи, округлые ягодицы и бедра. Женщина перешагнула край ванны, повернулась. Это была Ксения Фалькон в пленительной наготе. Глаза ее были закрыты, рот слабо улыбался, она спала. Рожденная из перламутровой пены, еще вся там, где обитают невоплощенные духи, она была явлена в мир света и звуков из мира теней.

Члены «Русского сообщества» заворуженно созерцали обнаженную красавицу. Некоторые полезли за очками. Кто-то беспомощно крикнул:

— Позор! — и осекся.

Эраст Богоносцев и Ксения Фалькон танцевали эротический танец. Любовник привлекал к себе беззащитную красавицу, целовал в губы, лобзал грудь. Падал на колени и прикивал лицом к ее животу, бедрам, жадно вдыхал женские ароматы. Она пробуждалась, раскрывала глаза. Бедра ее начинали дышать, колыхались. Она поднимала колено, перебрасывала ногу через голову жениха. Впивалась вишневыми ногтями в его лицо, царапала до крови. А тот стонал, щекотал козлиными рогами ее соски. Наконец, оба упали на палубу, свивались узлом, распадались. Ксения Фалькон вырвалась из-под неистового возлюбленного и сама оседлала его. Мчалась верхом на Эрасте Богоносцеве, била пятками, драла когтями. Ее груди металась из стороны в сторону. Пучок волос распался, и космы развевались, как рыжий огонь. Музыка вторила визгам, воплям. Цветы и птицы на красных ширмах волновались, хотели взлететь.

Члены «Русского сообщества» навалились на поручни и кричали:

— Позор, позор!

Кто-то один, кажется, тот господин, что ратовал за детей в пробирке, одиноко воскликнул:

— Bravo! — но тут же был остановлен товарищами.

Танец на палубе завершился откровенным соитием, с воплями, бесстыдными позами. Любовники с великой неохотой распались. Ксения Фалькон опустилась в фаянсовую ванну, исчезла в пене, и ванна улетучилась, возвратилась в мир теней.

Эраст Богоносцев схватил жестяной раструб, в какой кричат капитаны проходящих мимо судов:

— Вам, патриотические женихи, мы приготовили прекрасных невест! Каждая как пушкинская мечта Наталья Гончарова!

Эраст Богоносцев скрылся. Красные ширмы упали. На палубе появился десяток отвратительных старух. Были раскормленные бабы с раздутыми животами и черными пупами. Были тощие, костлявые, с длинными пустыми грудями, похожими на чулки. Были жирные старухи с желтыми, как дыни, грудями и всклокоченными седыми лобками. У многих беззубые рты провалились. У других рты не закрывались, полные вставных лошадиных зубов. Была одноногая бабка, опиравшаяся на костыль. Была похожая на глыбу с раздутыми слоновьиными ногами, черными от вздувшихся вен. У одних были медные халы, другие, облысевшие, заплетали волосы в седые косички. Третьи сделали модные прически, из-под которых жутко выглядывали морщинистые лица, отечные рты, обложенные ячменями глаза.

Вся армада вывалилась на палубу, раскачивала тяжкие груди, трясла животами, топотала кривыми ногами. Казалось, вся эта жуть полезет через борт яхты, срываясь и плюхаясь в воду, стараясь дотянуться до изумленных членов «Русского сообщества». Те истошно кричали:

— Позор! Позор!

Петр Дмитриевич хотел убежать, скрыться. Ему разрывали сердце. Клюв Эраста Богоносцева проник в грудь, старался достичь «Таблицы», ударить в золотую Богородицу, рассыпать на частицы, расклевать, как расклевают золотые зерна.

— Яко запыхахо изведахо исповедахо бысть, отнюдь! — глумливо крикнул в раструб Эраст Богоносцев.

Кинулся к борту, схватил рукоятки прожектора, который оказался лазером. Тонкий луч вырвался из трубки, ударил в борт «Витязя». Скользнул на палубу, где скопились члены «Русского сообщества». Вонзался в сюртуки, в бороды, лбы. Пронзил звезду на груди церковного старичка. Впился в пиджак Григория Афанасьевича Проклова. Каждое попадание сопровождалось тихим хлопком и

стружкой дыма. Так с тихим треском и завитком пара исчезают ночные насекомые, налетевшие на спираль обогревателя.

Григорий Афанасьевич Проклов не оставил без ответа лазерную атаку «Дракона». Гибкий, виртуозный, как киноактер черно-белого фильма, включил бортовой лазер, направил разящий луч в сторону пиратского корабля. Великолепный, бесстрашный, покоритель дамских сердец, любимец публики, непревзойденная звезда черно-белого экрана, стал косить направо и налево старух, рассекая их отточенными лезвиями. Старухи распадались на куски, и каждый продолжал танцевать. Отдельно животы, отдельно мясистые груди, отдельно головы с медными шиньонами. Танцевал костыль. Подпрыгивала в воздухе старушечья голова с каменными зубами.

Вся дуэль проходила на воде, вблизи монастырских стен и тусклых золотых куполов усыпальницы Романовых.

«Дракон» не выдержал удара русского «Витязя». Развернулся и ушел в сторону Кремля. Музыка затихала. Рассеченные тела старух мало-помалу пропадали.

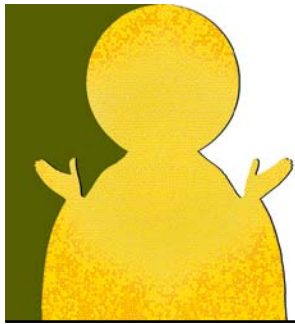
Петр Дмитриевич поздравил Григория Афанасьевича с победой в небывалом морском сражении.

— Не впервой! — с некоторой бравадой ответил Григорий Афанасьевич. Его пиджак во многих местах был прожжен уколами лазера. На что и указал Петр Дмитриевич:

— Жаль пиджак. Видно, итальянский.

— Ничего, надену английский. Главное не пиджак, а бронежилет. — Григорий Афанасьевич распахнул полу, показывая Петру Дмитриевичу непробиваемый бронежилет.

Члены «Русского сообщества» поздравляли Григория Афанасьевича с внушительной победой. Петр Дмитриевич гордился тем, что участвовал в битве с сатаной и «Таблица» защитила его сердце от смертоносного сатанинского лазера.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Петр Дмитриевич сладостно вспоминал, как в сумерках, расставаясь с Ириной, поцеловал ее чудесные пушистые брови. Не решился поцеловать глаза и близкие губы. И теперь хотел новой встречи, чтобы поцеловать милые брови, закрытые глаза, дышащие губы. Петр Дмитриевич не мог забыть того волшебного преобразования, когда Ирина, словно над ней пролилась волна света, вдруг стала драгоценной, родной, желанной. А потом волна истаяла, и он, ошеломленный, не знал, что это было. Какая близость между ними возникла. Куда повлекло их обоих, ставших вдруг неразлучными.

— Хочу вас увидеть, — Петр Дмитриевич прижимал к телефону губы и мысленно ее целовал, — боялся вам звонить.

— Как я рада вашему звонку! Я слышала о ваших огорчениях. Мне хотелось кинуться к вам, быть рядом с вами. Но не решалась. Не знала, уместно ли это.

— Конечно уместно! — Петр Дмитриевич взволнованно слушал ее обожаемый голос. — Уместно нам немедленно встретиться.

— Где?

— Есть турецкий ресторан на Смоленской площади, — предложил наугад Петр Дмитриевич. — Приезжайте.

— Хочу повести вас на одно удивительное представление, — произнесла Ирина, принимая приглашение. — К людям, которые восхищаются вами. Видят в вас учителя, светоча. Хочу, чтобы вы оказались среди друзей и поклонников и ваши огорчения миновали.

— Минуют, как только увижу вас.

Перед входом в турецкий ресторан стояло два медных быка. Один нацелил рога на здание МИДа, будто хотел боднуть, перекинуть его через спину, за Москву-реку. Другой бык был разъярен памятником Примакову, нелепо поставленным и раздражавшим не только быка, но и многих прохожих.

— Зачем быки? — спросила Ирина, рассматривая карту меню. На ней был зеленый жакет, в ушах золотые сережки с крохотными изумрудами, на

шее кулон с зеленым камнем. Все, для того, чтобы в серых глазах мелькнула зеленая искра. И Петр Дмитриевич представил, как, готовясь к встрече, она смотрела в зеркало, подбирая кулон и серьги.

— Вы про быков? Раньше здесь было целое стадо. Но пошло на стейки. Осталось два последних быка.

— Тогда нам надо успеть с заказом, — засмеялась она.

Официант, молодой бакинец, не отличимый от турка, принял заказ. Скоро перед ними на деревянных дощечках, окруженные парными овощами, лежали плоские стейки. Петр Дмитриевич любовался, как Ирина своими длинными пальцами держит вилку, осторожно отсекает лепесток сочного мяса, запивает белым вином. Бережно подносит бокал к влажным, таким желанным губам.

— Не знаю, кто может вас преследовать, ненавидеть? Кто может хотеть вам зла? Вы исполнены добра. Вам открылось удивительное, доброе знание. Кому вы досаждаете? — Ирина не упоминала об отвратительном нападении, не касалась убийства космиста и поджога церкви. Она хотела убедить Петра Дмитриевича в том, что причиной нападения был не он, не его доброе благородное сердце. — Какие у вас враги?

— У меня нет врагов, как, впрочем, нет и друзей. Но какие-то злоумышленники охотятся за «Таблицей», как за секретным оружием массового уничтожения. Но «Таблица» — оружие массового воскрешения. Ее нужно не бояться, а беречь и лелеять.

— Какой удивительный дар вы получили! — восхитилась Ирина. — Я все хочу понять, как вы добываете «русские коды»? Как старатель, который моет золотой песок и отыскивает самородки в «реке русского времени»? Или вычитываете о них в летописях, пушкинских стихах? Собираете, как рассыпанные по земле монеты?

Петра Дмитриевича трогал ее наивный интерес к самому важному, что его занимало. Она видела в нем творца, преклонялась перед его даром.

— Как я открываю «коды»? Это не объяснить. Они даются свыше. Знаете, высоко в горах, где

воздух разрежен, геофизики ставят ловушки для космических лучей. Космическая частичка залетает в ловушку, оставляет крохотную вспышку и тем самым себя обнаруживает. Так и я лежу в полусне и жду, когда в сердце ударит невидимая золотая частичка. «Русский код», который я извлекаю из сердца и помещаю в «Таблицу».

— Я знаю, все эти «коды» пропущены через ваше сердце. Поэтому они чудодейственны. — Ирина испугалась своей пылкости и убрала руку, которой хотела коснуться руки Петра Дмитриевича. — Вы рассказали, как открыли «код Пересвет». Узнали, что русские — «народ Пересвет». Вы шли к Пересвету через леса и овраги. Вас влекла какая-то сила.

— Россия — место, где силы земные переходят в силы небесные. На Брянщине родился Пересвет, земной человек, который стал святым, человеком неба. На Брянщине родился Тютчев, который увидел Россию святой землей, предтечей небесного царства. На Брянщине есть лесная поляна, которую зовут Партизанской. — Петр Дмитриевич вспомнил просторную, пахнущую хвоей поляну, уставленную обелисками с именами партизанских отрядов, списками бойцов, погибших в петле и под пытками. — Во время войн, когда в Россию приходит враг и сокрушает государство, русский народ уходит в леса. Точит топоры, поет «Шумел сурово брянский лес», выходит с отточенными топорами на опушку и прогоняет врага. Иван Сусанин, заманивший поляков в дебри, был партизаном. Денис Давыдов, гулявший по французским тылам, был партизаном. Минин и Пожарский, пришедшие спасти Москву, были партизанами. Все сегодняшние русские люди, которые против воли проклятой власти сберегли оборону заводы, военные секреты, бесценные технологии, — это партизаны. Русские — это народ-партизан. Еще один «русский код»!

Петр Дмитриевич одаривал Ирину своими откровениями. Видел, как она восхищается, как благодарна ему. Он любовался блеском ее глаз, в которых вдруг вспыхивали зеленые искры.

— Вы так много видели, чувствовали. У вас такая богатая жизнь. Странствия, увлечения. Вы любили? У вас была жена? Любимая подруга?

Петру Дмитриевичу вдруг захотелось поведать Ирине свою жизнь. Ни с кем никогда он не был откровенен, не делился ожиданиями, разочарованиями, мечтами. Разве что деревенская старушка тетя Поля в зимние вечера, когда за окном шелестит метель и половик от порога к печи тихо светится полотняным узором, только она была его слушательницей.

— Мне кажется, всю жизнь я любил одну и ту же женщину. Несуществующую. В детстве влюбился в девочку, генеральскую дочку. Видел, как она ки-

дает мяч о стену, перепрыгивает и ловит. На одну секунду, когда мяч летел, и она схватила его, и ее лицо стало прекрасным, и волосы колыхнулись, я влюбился в нее до обморока. Через секунду любовь прошла. А потом генерал уехал из нашего дома, и я ее больше не видел. После выпускного бала я повстречал девушку у Москвы-реки. Сидели на скамейке, поцеловал ее. Она подарила мне стеклянные синие бусы, и я влюбленно целовал эти бусы. А потом она исчезла, и исчезла любовь. И я думаю, помнит ли она восход над Москвой-рекой, робкого юношу, кому она вручила синие бусы? Где она? Есть ли у нее дети? Рассказала ли она кому-нибудь о том поцелуе? Когда жил в деревне, полюбил молодую женщину Веру. Она мне казалась ведуньей, берегиней. Были первые синие подснежники, была ночная река, плывущий по воде вещей огонь. Были одурманивающий запах черемухи, соловьи. Были обожание, любовь. Она уехала из деревни, не прощившись, и кончилась любовь. И так всегда. Видно, не нашел «код любви». А вы нашли?

Эти воспоминания были сокровенными, принадлежали ему одному. Но теперь он пустил ее в свои воспоминания, и она вошла и обрела странную власть над ним. И он не пугался этой неслышной власти, был рад повиноваться.

— Должно быть, плохо искали «код любви». — Она произнесла это тихо, закрыв глаза, словно вино, которое она пила, опьянило ее.

— Мне показалось, что между Фадеем и вами что-то есть. — Он спросил об этом невольно, досадуя на себя за это недостойное выспрашивание.

— Да что вы, нет ничего! — Она живо возразила и, казалось, была обрадована этому робкому выведыванию. — Фадей Аристархович ко мне очень внимателен, консультирует мои работы. Он большой знаток русской культуры. «Русолог», как он себя называет. Ведь это он меня познакомил с вами. Для меня быть с вами — счастье.

— Это опасно. За мной охота. Всех, кто близок ко мне, постигает несчастье. Убит русский космист Богданов. Сожжена церковь, где служит мой друг отец Андрей. Быть может, лучше нам не встречаться?

— Быть с вами рядом — счастье. Видеть вас, учиться у вас, помогать вам в ваших трудах. Я ваш громоотвод. Пусть молнии бьют в меня, а вас минуют. Вы сказали, что носите «Таблицу» под сердцем. Враги хотят вырвать «Таблицу» из вашего сердца. Передайте ее мне. Я стану носить ее под сердцем, и враги ее не найдут.

Ирина качнулась к нему. Петр Дмитриевич увидел зеленый медальон на ее груди. Представил, как прижмет свое сердце к ее сердцу и «Таблица» перельется из одного сердца в другое, как переливается из чаши в чашу золотой мед.

— Нет, нет! Я уже совершил непоправимую ошибку. Передал «Таблицу» коту Кузьмичу, и он погиб. У него мучители вырывали таблицу, но он не выдал меня. Не хочу, чтобы вы попали в руки мучителям.

— Не относитесь ко мне как к слабой женщине. Я хочу быть вашим соратником, помощником и защитником. Ваш долг перед Россией, перед нашим многострадальным народом — сберечь «Таблицу» и совершить Чудо русского воскрешения, Чудо русской Пасхи.

— Хочу передать мою «Таблицу» президенту, чтобы он своей державной волей совершил воскрешение. Не знаю, как рассказать ему о «Таблице», добиться с ним встречи. Но мне кажется, она состоится.

— Иногда становится так тяжело на душе. Такие спускаются сумерки и уныние. Что делать в такие минуты?

— Я не советчик. Делюсь моим опытом. Когда не вмоготу, кругом одна тьма и уныние, я представляю себе весенний золотой одуванчик — цветок русского Рая. Читаю строки Пушкина: «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду, на утренней заре я видел Нереиду». И произношу имя Сталинград. Мои мышцы становятся стальными, сердце огненным, а глаза ясновидящими.

— Как великолепно вы сказали! Вы сами, как золотой одуванчик — цветок русского Рая!

Они покинули ресторан. Ирина погладила рога медного быка. Петр Дмитриевич не слишком удачно пошутил на тему «Похищения Европы».

Представление, куда зазывала Петра Дмитриевича Ирина, являло собой, к великому его изумлению, байк-шоу. Представление устраивал известный байкер Хирург, объединивший вокруг себя множество отважных и лихих мотоциклистов, которые на грохочущих «ямахах», с пылающими фарами и яростной музыкой носились по дорогам, будя сонных обывателей, пугая власти сталинскими портретами и лозунгами, внушая ужас либералам своей патриотической неистовостью, когда простолюдины оседлали раскаленные моторы и носились, как стая ревуших волков. Они так и называли себя — «Ночные волки». Но с некоторых пор, по утверждению Ирины, они познакомились с вероучением Петра Дмитриевича и стали называться «Волки русской мечты».

Представление давалось на заброшенном пустыре, в промзоне, на окраине Москвы. Кругом тянулись железнодорожные пути, руины заводов, ржавые фермы. В сумерках высилась уродливая конструкция, напоминавшая Вавилонскую башню, нагромождение каких-то цистерн, сломанных подъемных кранов. У подножия башни шло движение, подъезжали машины, пробирались в

толпе мотоциклы. На земле сидели тысячи людей, напоминавших кочевое племя, опустившееся на отдых, чтобы снова тронуться в путь.

Ирину и Петра Дмитриевича встретил Хирург. Он подкатил на ревушем мотоцикле в сопровождении десятка сподвижников. Они покочесили вокруг и встали стеной, рыкая, сверкая хромом, огнями. Хирург слез с мотоцикла и приблизился к Петру Дмитриевичу. Он был похож на витязя в кожаном доспехе, с наплечниками, пестрел вышивками, среди которых виднелся оскаленный волк. Хирург был высок, черноволос, красив. Лицо властное и одухотворенное казалось одновременно благодушным, почти застенчивым. Глаза огненные. В них была сверкающая точка, словно отражение звезды, которая влекла его. Он срывался с места и на своем мотоцикле был готов мчаться до океана и дальше, перескакивая с волны на волну.

— Для меня огромная радость увидеться с вами, Петр Дмитриевич. — Хирург жал Петру Дмитриевичу руку, не отпускал, хотел продлить прикосновение, чтобы вдоволь напитаться мудрых и вещей сил. — Мои люди и я считаем вас духовным лидером. Нашим «духовным волхвом». Я бы взял вас в наш пробег по Колымскому тракту, чтобы, как вы говорите, Колыма проклятая стала Колымой благодатной. Я читал вашу работу о «русском коде», превращающем тьму в свет. Поражение в Победу.

— Россия нужна Господу, потому что превращает тьму в свет. При этом теряет миллионы своих сыновей и дочерей. В этом доля России. Но она не может отказаться от этой доли. — Петр Дмитриевич был смущен, поражен таким душевным приемом. Он не мог предполагать, что его редкие статьи получают такое мощное толкование, обретут столько великолепных сторонников. Он благодарно смотрел на Ирину, которая видела его радостное изумление и улыбалась.

— Мы устраиваем это байк-шоу специально для вас, Петр Дмитриевич. В нем воплощен ваш образ.

— Какой же?

— Вы писали о волшебном сталинградском фонтане. Он является символом Сталинградской победы.

— Да, я писал об этом. Воистину волшебный фонтан!

— Фонтан, построенный до войны, изображает крокодила, вокруг которого танцует хоровод пионеров. Не дает чудищу вырваться за его пределы. Вы писали, что пионеры — это новое человечество, а крокодил — мировое зло.

— Да, зло кромешное.

— Когда немцы совершили чудовищный налет на Сталинград и превратили его в руины, они хотели разбомбить этот волшебный фонтан. Вы так писали.

— Гитлер знал, что из фонтана бьет святая вода. Вода русского бессмертия. И он велел уничтожить фонтан.

— Но пионеры, без ног, без голов, продолжали держаться за руки и вели хоровод, не выпуская чудище из кольца. Под Сталинградом погиб мой дед. Он тоже вместе с пионерами кружился в хороводе, не выпуская фашистов из окружения.

— Крокодил — это Шестая армия Паулюса. Хоровод — кольцо окружения. Пионеры — это соединенные Донской и Сталинградский фронты. И там ваш дед, павший где-то у хутора Бабурки.

— Мое представление называется «Сталинградский фонтан». Я правильно передал вашу мысль?

— Этот фонтан сейчас восстановлен. Из него бьет вода. Это святая вода. Люди ее пьют, омывают лица, и в них вселяется свет павших героев.

— Все как в нашем сценарии! Хочу вас и Ирину посадить на почетное место, чтобы народ видел своего вдохновителя.

Петра Дмитриевича и Ирину посадили на мотоциклы. Петр Дмитриевич поместился за могучей спиной Хирурга, держась за его кожаные доспехи. Они пробрались сквозь толпу. Молодежь приветствовала их возгласами: «Сталинград! Сталинград!» Петр Дмитриевич и Ирина сели в ложу, сбитую из досок и железных листов. Внимая рокоту, гулу толпы, приготовились смотреть представление.

— Видите, как вас любят? — Ирина наклонилась к Петру Дмитриевичу, и он снова уловил восхитительный запах ее волос. Зеленый изумруд вспыхнул и погас у самых его губ.

Все огни, освещавшие пустырь, враз померкли. В темном небе возвышалась уродливая громада. Ни светлячка, ни звука. Только слышался далекий прибой города, вой проходящей вблизи электрички.

Среди мертвых конструкций затлел огонек. Рядом другой, третий. Ахнула, как удар с неба, громоподобная музыка, от которой заломило в ушах. Сверкнули ядовитые лазеры, похожие на ракетные трассы. Полыхнули прожекторы, прожигая слепящие дыры. Громада ожила, задрожала, изрыгала пламя, отекала расплавленными ручьями. В черных провалах багровел адский огонь. Музыка грохотала, как орудийные залпы. Лучи скользили по толпе, выхватывали жертвы, уносили вглубь адской горы, где что-то горело, как в крематории, плавилось, как в тигле, бесследно сжигалось.

Петр Дмитриевич был оглушен, ослеплен. Заслонялся руками. Боялся, что ядовитые лучи нащупают его и Ирину, выхватят из ложи и унесут вглубь горы, где кипит котел преисподней. «Таблица» под сердцем молчала. Погасла, пугливо спряталась. На ней не вспыхивала ни одна золотая частица.

Появились неистовые мотоциклисты. Разгонялись, брызгая пламенем. За их спинами бушевали черные плащи. Они взмывали, как духи тьмы, влетали в черные провалы башни, и там ахали взрывы, загорались красные глазницы. Башня была оплотом тьмы. Несокрушимая, господствовала в мироздании, поливала мир карающими огнями.

Ирина была испугана. Прижималась к Петру Дмитриевичу, искала у него спасения.

Среди метущихся духов тьмы стали мелькать серебряные вспышки. Мотоциклисты, облаченные в сверкающие одежды, в белых плащах, взмывали и неслись навстречу крылатым демонам. Два крылатых войска сталкивались в вышине, обменивались ударами. Серебра становилось больше. Черная рать отступала. Башня содрогалась, начинала крениться.

Петр Дмитриевич чувствовал, как ожила под сердцем «Таблица». Из нее излетали сверкающие частицы, вонзались золотыми стрелами в демонов, сшибали наземь.

— Помогайте! Помогайте! — Ирина схватила Петра Дмитриевича за руку. — Мы должны победить!

Из черной башни выползал змей. Его глаза горели жестокими рубинами, толстое туловище отливало синей сталью. Это был Царь Тьмы, змей преисподней, который вылез из логова, чтобы покорить мир.

Серебряные мотоциклисты носились вокруг змея, замыкали в сверкающее кольцо. Змей старался разомкнуть кольцо, но сияющие наездники били его копьями. «Таблица» под сердцем Петра Дмитриевича сверкала, переливалась, в ней бушевало золото. Бессчетные золотые частицы излетали, неслись, сверкали на копьях бесстрашных наездников.

Змей свернулся в отвратительный узел и канул. Вспыхнул горячий свет. В победных лучах неслись небесные мотоциклисты, как серебряные ангелы. Черная громада озарилась. Она была куполом дымящегося Рейхстага. На куполе развевалось алое знамя.

Из темноты, из дыма и гари, возник белоснежный фонтан. Восхитительные пионеры, взявшись за руки, неслись счастливым хороводом. Из фонтана ударила ввысь вода, переливаясь алмазами. Опала радужным дождем. Кропила мотоциклистов, ликующих зрителей, Ирину и Петра Дмитриевича, которые сидели, взявшись за руки.

— Я говорила, мы победим! «Таблица» победит! Сталинград победит!

Тысячная толпа хлопала, свистела, скандировала: «Сталинград! Сталинград!»

В луче прожектора появился Хирург. Он казался сияющим витязем. Его голос гремел, как поднебесная труба:

Мы русские мечтатели.

Мы русских кладов дивные искатели.

Наш Крымский мост подобен Млечному Пути.
И пламенный мотор поет у нас в груди.

В своих мечтаниях всегда мы правы.
Мы на земле посадим райские дубравы.

И будет нам нетленная награда.
Божественный фонтан, Святыня Сталинграда.

Петр Дмитриевич был счастлив. Он любил Хирурга. Любил волшебный фонтан. Любил ликующих людей. Любил Ирину, которая счастливо обнимала его.

Петр Дмитриевич провожал Ирину домой. Среденка, сверкая ресторанами, витринами, нетерпеливыми огнями машин, осталась в стороне. Они шли переулками и тихими дворами, путями, известными только Ирине. Петр Дмитриевич удивлялся, что прежде не хаживал этими милыми улочками, не проходил тесными подворотнями, оказываясь в старинных московских дворах, где пахнет травой, остывающими железными крышами, где желтые окна с оранжевыми абажурами, в открытых форточках звучит музыка.

Ирина вела его нехоженными путями, и все казалось чудесным. Было продолжением близости, которая, однажды возникнув, превратилась в несказанное счастье.

Они проходили мимо ампирного особняка. Медовый фасад с белыми колоннами. Фронтон с лепным гербом. Черная ограда, сквозь которую особняк казался нежным и трогательным. Внезапно со стороны особняка на ограду кинулись две разъяренные овчарки. Хрипели, бросались на железные прутья. Сверкали клыки, краснели мокрые языки. Петр Дмитриевич отшатнулся:

— Откуда собаки?

— Они не представляют опасности. Им не перепрыгнуть ограду. Здесь какое-то учреждение. Чья-то резиденция. Или маленький банк.

— Видимо, есть что скрывать. — Петру Дмитриевичу хотелось поскорее миновать злобных псов, своим хрипом нарушивших очарование прогулки.

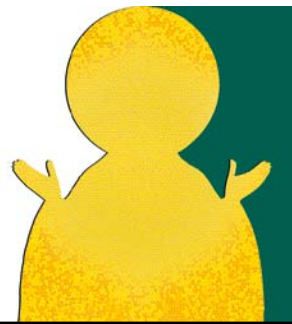
Они подошли к ее дому. Петр Дмитриевич увидел квадраты горящих окон, которые складывались в букву «М», и он мимолетно вспомнил другой фасад на Старой площади, Фадея, сбивавшего золоченую надпись, и букву «М», которую поднял с асфальта Петр Дмитриевич.

Лифт был тесный, старомодный, с деревянными створками. Они стояли, почти прижавшись друг к другу, и Петр Дмитриевич подумал, что «Таблица» может перейти к ней, от сердца к сердцу. Лифт дрогнул и встал. Ирина достала из сумочки ключи, гремела в дверях, и Петру Дмитриевичу хотелось, чтобы дверь не открывалась как можно дольше и чтобы он слышал звяканье ключей в ее руке.

Дверь раскрылась, Петр Дмитриевич шагнул вслед за Ириной в темноту прихожей, которая дохнула на него множеством домашних ароматов. Среди них он уловил тот, что исходил от ее волос. Ирина что-то сказала, но он не расслышал, обнял ее сзади, чувствуя, как она прижалась к нему спиной. Так, обнявшись, они прошли в темноте, где сверкнуло зеркало, на стене шевельнулась тень дерева. Его острое, ставшее ночным зрение разглядело кровать, выпуклость накрытой покрывалом подушки, столик с мерцающими флакончиками. А потом он закрыл глаза и видел сквозь веки белизну ее рук, обведенную тенью грудь, колени, которые она поднимала, переступая упавшую юбку. Они еще стояли, качались, а потом полетели в бесконечную глубину, и он прижимался к ней грудью, и «Таблица», как расплавленное золото, переливалась из его сердца в ее и обратно и снова истекала из него и вливалась в нее, пока вдруг не полыхнуло, зажглась огромная люстра, которая стала гаснуть, осыпалась бесчисленными золотыми мерцаниями, и они лежали под звездопадом. «Таблица», как остывающий слиток, вернулась в его сердце.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Петр Дмитриевич через день, через два все вспоминал чудесную ночь. В ней проступали одно за одним видения, которые тогда ускользнули. Лишь мельком задержались в дрожащих полузакрытых глазах. Теперь же всплывали, поражая своей драгоценной явью. Он помнил ее стопу с гибкими пальцами, когда она выходила из вороха упавшей на пол одежды. Помнил огромные глаза, которые занимали половину лица, а потом все лицо. Больше не было лица, а только огромные, глядящие мимо глаза. Помнил, как зеркало вдруг утратило свой черный блеск, наполнилось белизной. Она сидела, поправляя на затылке волосы, с гибкой ложбинкой от лопаток до бедер, и он подумал, что она похожа на греческую амфору. А потом белизна исчезла, и зеркало наполнилось черным блеском.

Петр Дмитриевич замечал, что он улыбается и что-то шепчет, милое и бессмысленное, как детская считалка. И при этом думает об Ирине. Он черпал эти воспоминания, как черпают пригоршнями воду и омывают лицо. Целовал эти воспоминания, возвращал туда, откуда они явились. А потом снова бережно вычерпывал, и она сидела, отражаясь спиной, и он радовался ее сходству с греческой амфорой.

Но среди этого обожания, счастливого изумления Петра Дмитриевича не оставляла тревога. Он чувствовал, что за ним наблюдают. Чьи-то чужие глаза смотрят на него из толпы, из-за углов, из зарослей кустов, из ночного окна, из пролетавшего автомобиля. Иногда ему казалось, что он замечает усачей, что следили за ним возле храма отца Андрея и в турецком ресторане. Иногда эти наблюдатели маскировались под обычных прохожих, которые почему-то следовали за ним до дверей магазина, не оставляли, когда он ходил вдоль прилавков. Этих разведчиков интересовала «Таблица». Им было важно знать, что она находится у сердца Петра Дмитриевича. «Таблица» дышала, излучала тончайшие волны, разведчики ловили эти излучения и в любой момент могли навести ракету, которая разорвет его сердце вместе с драгоценной «Таблицей».

Он жил среди этой чудесной влюбленности и невнятной тревоги.

Московская осень медленно вливалась в город тихой желтизной, золотым свечением воздуха, астрами на клумбах, облием загорелых прохожих, множеством шумных, как гомонящие птицы, первоклассников с горбатыми ранцами. И вдруг прошел ночной тяжелый дождь, и город проснулся среди мокрого золота, желтых, упавших на черный асфальт листьев, шипящих автомобилей, похожих на пятнистых леопардов — столько прилипло к ним листья. И теперь ночами город становился черным зеркалом, в котором плыли огни, фары, красные и зеленые рекламы, золотые витрины, бриллиантовые гирлянды. Все это всплывало из черной глубины, змеилось, волновалось, взрывалось ослепительными вспышками пролетающих кортежей, уносивших из Кремля утомленных за день правителей на их подмосковные виллы.

Петр Дмитриевич стоял среди своих любимых деревьев под мелким дождем, глядя, как ветер вычесывает из берез желтые ворохи, посылает ими могилу кота Кузьмича. На грудь ему опустился резной лист клена. Петр Дмитриевич бережно снял его и опустил на Кузьмичеву могилу. Сел в автомобиль и поехал в город, чтобы пополнить съестные припасы в городском супермаркете.

Он оставил машину на парковке и направился к магазину, уступая дорогу осторожно пробиравшимся автомобилям. Пропустил мимо женщину с сетчатой колесницей, в которой пестрела гора банок, пакетов, рыб, окороков, красных и зеленых перцев, и отметил победоносное выражение ее лица, пропущенного сквозь кассовый аппарат. Вдруг снова, который раз за утро, подумал об Ирине, вспоминая, как она подносила к губам бокал вина и глаза ее смеялись, выглядывая из-за кромки бокала.

Почувствовал, как приближается вихрь спрессованного звука. Взрывная волна толкнула железным ударом. Падая, увидел, как вплотную прошла черная громада, блеск бампера, сверканье стекол, хохочущее лицо, поднятые вверх кончики усов.

Хохочущая смерть с хромированным оскалом прошла у виска, как снаряд.

Ввинчивалась с воем в даль.

Петр Дмитриевич упал навзничь, побывав по ту сторону жизни и снова вернувшись в мокроту, в свет, в крики. Его сердце дергалось, хлюпало, захлебывалось. Сорвалось с оси и крутилось волчком, останавливалось и снова начинало ухать. Это билась «Таблица», которую хотели вырвать из сердца, но сердце ее не пустило. Теперь, почти вырванное с корнем, оно больно сжималось, падало и снова взлетало.

Кругом толпились люди. Слышались крики:

- Хулиганы! Номер, номер запомните!
- «Скорую», нужно «скорую»!
- Наркоманы проклятые!

Петр Дмитриевич чувствовал спиной холодный асфальт. Сердце подпрыгивало, как мячик. Он старался понять, цела ли «Таблица», или она разбита на куски, и эти куски бьются в нем, каждый отдельно.

Неожиданно быстро явилась «скорая». Медики переложили Петра Дмитриевича на носилки, задвинули вглубь машины. Взревела сирена. «Скорая» понеслась.

— Здесь болит? Здесь болит? — Медик ошупывал ноги, руки Петра Дмитриевича. — Где болит?

— Сердце, доктор, — пролепетал Петр Дмитриевич.

Ему мерили давление. Сирена выла, кричала, улюлюкала. Фиолетовая вспышка расплескивала злые лучи. Это сердце истошно вопило, скакало, брызгало страхом.

— Ого! — сказал врач. — Вовремя вас подхватили!

Его привезли в больницу, в приемный покой, к просторному лифту. Он оказался в отдельной палате и успел подумать, что это удача, рядом не будет других пациентов. Страх, сжимающая боль в груди делали его беспомощным, беззащитным, и не было других мыслей, кроме мысли о «Таблице», которая могла погибнуть.

Пришел врач, вкрадчивый, любезный, бело-снежный, с прохладными чистыми пальцами. Прикасался стальной трубкой к груди, успокаивающе улыбался. И это означало, что «Таблица» на месте, ее не сумели похитить.

Сестра подкатила тележку с кардиографом. Поставила Петру Дмитриевичу присоски на грудь, защемила запястья и лодыжки. Шелестел кардиограф. Доктор рассматривал ленту с синусоидами и всплесками.

Кивал. Видимо, повреждения «Таблицы» были невелики. И хотя сердце продолжало скакать, Петру Дмитриевичу стало спокойнее.

Ему зарядили капельницу. Сначала проткнули вену и вставили катетер. Вогнали в катетер иглу. По трубочке потекло лекарство. Из флакона капала

«живая вода», и Петр Дмитриевич был благодарен врачевателям. Они окропляли «Таблицу» чудодейственной влагой, от которой в ней срастались трещины и повреждения.

Сердце понемногу успокаивалось. Петр Дмитриевич почувствовал облегчение и огромную усталость. Наблюдая мерную капель, падающую из флакона, он задремал. Лишь изредка вздрагивал, вспоминая черную смерть, прошумевшую у виска, хохочущее лицо усача.

Снова появилась тележка с кардиографом. Врач смотрел кардиограмму.

— Мы восстановили вам ритм, но необходимо пройти ультразвук и коронарографию. Посмотреть состояние сосудов и сердца.

— Спасибо, доктор. Но там не только сердце, — произнес Петр Дмитриевич.

— А что еще?

— Там Пресвятая Богородица.

— Ну это понятно, — улынулся доктор. — Мы носим Бога в сердце своем.

Петра Дмитриевича посадили в коляску и повезли в кабинет, где доктор в зеленоватом облачении, с повязкой в половину лица, предложил ему проглотить гибкий жгут со змеиной головкой.

— Через пищевод мы приблизимся вплотную к сердцу и посмотрим, есть ли в нем патология.

— Только не пугайтесь, доктор, если увидите нечто необычное. — Петр Дмитриевич предупреждал любезного доктора не удивляться, если на экране вместо пульсирующего сердца возникнет софийская Одигитрия.

— Не удивлюсь, если у вас вместо сердца пламенный мотор, — пошутил врач.

Процедура была мучительной. Гибкая змея вползла в Петра Дмитриевича. Он задыхался, его рвало, слезы текли. Было страшно, что змея отыщет «Таблицу» и ужалит ее. На экране монитора билось его испуганное сердце.

Предстояла новая процедура. Петра Дмитриевича раздели догола. Уложили на каталку и помчали по этажам, лифтам. Доставили в операционную, где сильные руки переложили его на операционный стол.

Кругом двигались медики в зеленоватых одеждах. Их лица были закрыты масками. Только виднелись брови и зоркие глаза.

Над головой Петра Дмитриевича располагался экран, еще потухший. Петр Дмитриевич надеялся, что, когда начнется операция и в артерию ему введут зонд, на экране он увидит «Таблицу».

Голому телу было холодно. Ему ставили на грудь присоски, сжимали запястья и щиколотки прищепками. Вгоняли в катетер иглу, вводили раствор.

— Вы меня усыпляет? — спросил Петр Дмитриевич.

— Усыпляют кошек и собак, а вам вводят наркот, — ответил врач.

Наркот накатился, как теплая волна. Он погрузился в теплую ванну. Все внешние впечатления исчезли, и возникали сновидения, какие случались с ним на грани яви и сна.

Он увидел бабушку, ее любимое лицо, серебряную голову. Он сидит в детской кроватке, вытягивает голые ножки. Бабушка старается надеть розовые носочки, он шалит, сует ей ногу в лицо, а она не сердится, ловит ногу и целует в пятку.

Еще увидел утреннюю траву в сверкающей росе. Золотые, розовые, голубые искры. Поворотом головы он заставлял луг переливаться, сверкать. Играл, разбрасывал бриллианты, испытывал несказанное счастье.

Вспомнил, как в бледной синеве летела высоко крохотная темная уточка, словно стрелка, пущенная чьей-то волшебной рукой. Он смотрел на темную стрелочку, запечатлев ее до смерти.

Наркот вымывал из памяти пустой песок, оставляя самородки.

Зажегся экран. Петр Дмитриевич улыбался, думая, что это сновидение. В надрез на запястье ему вводили гибкий зонд, который пробирался к сердцу, повторяя изгибы артерии. Сквозь зонд в кровь впрыскивали раствор, который превращался в облачко мути, наполнявшей сосуд. Становились видны стенки сосуда.

В полусне Петр Дмитриевич слышал разговоры врачей:

— Изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый.

— Достигая второй космической скорости, мы покидаем орбиту и включаем звездную навигацию.

— Ангел души моей.

— От Советского информбюро.

— Хорошо бы собаку купить.

Петр Дмитриевич наблюдал скольжение зонда в аорте. Всплывали байки деревенских мальчишек о загадочном волосе, обитавшем в тихой речке. Волос впивается в запястье, проникает в тело и живет там, питаясь кровью.

Врачи продолжали переговариваться. Было видно, как под повязками шевелятся губы.

— Есть женщины, сырой земле родные, и каждый шаг их — гулкое рыданье.

— Я — «Гранит»! Я — «Гранит»! У меня два «двухсотых»! Пришлите «коробку»!

На голубоватом экране возникали темные пятна, как на поверхности синеватой луны.

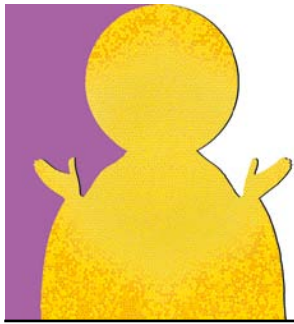
Внезапно появилось сердце. Прозрачное, оно сжималось, расширялось, казалось космическим телом, плавающим в пустоте.

Зонд проник в сердце, брызнул мутью. Но вместо черного сгустка сердце полыхнуло золотом. Экран засверкал, как алмазный луг, и во всей божественной красоте возникла Богородица. Воздела руки, обращая ладони к Петру Дмитриевичу. От этих ладоней исходили дивные лучи, касались Петра Дмитриевича. Он целовал лучи, целовал Богородицу. Шептал: «Дево, радуйся». Эта была «Таблица», незамутненная, восхитительная, просиявшая в его сердце, как чудотворная икона.

Петр Дмитриевич счастливо вздохнул и погрузился в полный сон, где не было ни тени, ни света, а одна пустота.

Он проснулся внезапно, словно его выкинуло из пустоты в явь. Лежал на операционном столе, опутанный проводками и трубками. Экран погас, тускло отсвечивал. Врачи склонились над ним. Их было трое. Они скинули повязки. Их головы почти касались. Они вглядывались в Петра Дмитриевича. На их лицах были усы. Жесткие, колючей щеткой. Пушистые, переходящие в бакенбарды. Длинные, вразлет, с загнутыми вверх кончиками. Это были усачи. Это они вгоняли зонд в его аорту. Они добирались до сердца. Они рассматривали золотую «Таблицу». Петр Дмитриевич был во власти врагов, которые наполнили его кровь ядовитой мутью, обессилили его, и сейчас ему взрежут грудь, извлекут окровавленное, висящее на пленках сердце и вырежут из него «Таблицу».

Он готовился к мучениям. Но сильные руки перенесли его на каталку, и он, лицом вверх, помчался по коридорам, поднимался и опускался на лифтах, пока не очутился в знакомой палате. Его оставили одного.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В палате смеркалось. Петр Дмитриевич находился в западне, в окружении врагов. Опасность была смертельна. И он решил прибегнуть к тактике «мертвого жука». Жук, застигнутый птицей, которая хочет его склевать, прикидывается мертвым. Переворачивается на спину, прекращает двигаться. Птица, видя перед собой мертвеца, теряет к нему интерес и улетает. Петр Дмитриевич затаился, перестал шевелиться, закрыл глаза и стал невидимкой.

Он хотел понять, с какого момента попал под наблюдение врагов и те начали охоту за «Таблицей». Тогда ли, когда опубликовал в районной газетке, под рубрикой «Чудаки», небольшую заметку о Русской Мечте. Или после того, как в другой газете, под рубрикой «Нечто», поместил свои откровения о Русской Мечте и «русских кодах», о явившейся во сне «Таблице Агеева». Быть может, чьи-то зоркие глаза углядели в этих малых заметках сделанное им открытие. И эти глаза следили за его выступлениями на радио и во второстепенных телепрограммах. Усматривали в этих выступлениях утечку об оружии сокрушительной силы, способном изменить ход истории.

На поединке с Эрастом Богоносцевым, в программе Бориса Журавлика «Культурное побоище» Петр Дмитриевич впервые использовал это оружие, сокрушив неприятеля и вернув изнуренным зрителям пушкинское одухотворение.

На вечеринке «Эхос Мундис» все собравшееся множество недругов атаковало «Таблицу». Сотни отточенных жал впивались в сердце, стараясь ужалить «Таблицу». Это был прицельный огонь, стрелки били в цель на поражение.

Враги наблюдали, как сверкающая «Таблица» уносила Петра Дмитриевича и космиста Богданова в сияющую лазурь, где Млечный Путь расцвел садом райских планет. И те же враги спилили одинокую сосну с диплом, думая, что там спрятана «Таблица». Они же убили великого старца, когда тот ночью смотрел на звезды.

Впервые Петр Дмитриевич увидел врагов в курильне, куда пригласил его Фадей. Эти усатые лица в клубах дыма, осторожные выпрашивания

о «Таблице». Усачи следили за ним в Новом Иерусалиме, подслушали его беседу с отцом Андреем о Русском Чуде. Сожгли чудотворные иконы и убили рыжебородого казака Карпа. Эти трое усачей были опытными агентами, искусными исполнителями, но за ними стояли стратеги, стоял целый Центр, о котором поведал ему Фадей.

Этот Центр находился за океаном и оттуда руководил усачами. Этот тайный стратег организовал публикацию, где Петр Дмитриевич был представлен русским фашистом. Он же приказал убить kota Кузьмича, вырвать из него «Таблицу». Петра Дмитриевича облили нечистотами, желая унижить и довести до отчаяния. И теперь, изобразив покушение, вызвали сердечный приступ, привезли в клинику, положили на операционный стол. И, по-видимому, предстоит ужасная операция: рассеченная грудь, окровавленное сердце в руке хирурга, сверкающий скальпель взрезает сердце, отсекая из него Богородицу.

Зрелище было столь ужасно, что Петр Дмитриевич забыл о принципе «мертвого жука», дернулся и вскричал:

— Богородице дево, спаси!

Он принялся искать спасения, уповая на золотую Богородицу, что носил в своем сердце.

Можно прокрасться больничными лабиринтами, выскользнуть. Схватить случайную машину и улизнуть. Но он был без одежды, повсюду дежурили медсестры, а у выхода стояла охрана.

Можно позвонить в полицию, но полиция, изъеденная коррупцией, могла находиться в сговоре с насильниками.

И вдруг внезапная счастливая мысль. Фадей! Его друг, единомышленник, фронтовой товарищ, как и он, собирающий «русские коды», драгоценные семена русской истории, из которых всколосится дивный урожай. Звонить Фадею, немедленно!

Петр Дмитриевич достал спрятанный телефон. Стал набирать номер друга. Дверь в палату отворилась, и вошел Фадей, в накинутом белом халате, осторожный, чуткий, со своей благородной бородкой. Видимо, угадал о несчастье Петра Дмитриевича и поспешил на помощь.

— Какое счастье, Фадей! Я знал, ты придешь! На меня напали! Эта черная смерть у виска! Но это подстроено! Они расшатали сердце, чтобы достать «Таблицу»! Их трое, усатых. Ты помнишь, в курильне? Ты их всех раскусил. Они следили в Иерусалиме, хотели спилить Древо познания Добра и Зла, но спилили сосну, тоже древо, но не для Марса, а под Москвой, а для Марса в «Зарядье». Там марсианские сны. Но я не об этом! Они убили Кузьмича, он ничего не выдал, как русский мученик. И статья о фашизме, и нечистоты, и теперь эта клиника! Они проникли мне в сердце, хотят достать «Таблицу»! Будет операция, но ты поспешил на помощь. Ты настоящий друг, Фадей! Наше афганское братство!

— Ты их видел, своих мучителей? — Фадей подвинул стул и сел у изголовья Петра Дмитриевича. — Ты уверен, что это они? — В сумерках палаты лица Фадея почти не было видно. Только белел халат и чернела борода.

— Они, они! Но они не одни! Они исполнители, боевики, спецназ! За ними кто-то другой! Стратег, теоретик! Он дает им задания, наводит на цель. Кто он? Не знаю. Здесь ли, в Москве? Или за океаном? Кто этот гнусный стратег?

— Это я, — тихо сказал Фадей. — Это я стратег.

— Да нет, я не о том! Ты стратег, инопланетянин. Твой дом — метеорит, там твоё место жительства. Я о другом стратеге. Кто убил Кузьмича, натравил на меня Бориса Журавлика, дает задания усачам. Я об этом стратеге!

— Это я, — повторил Фадей. — Я даю им задания. Я приказал облить тебя нечистотами. Я написал статью о русском фашизме. Я придумал заманить тебя в эту клинику, наблюдал за твоей коронарографией и видел золотую «Таблицу»!

— Ты? — ошеломленно воскликнул Петр Дмитриевич. — Зачем тебе?

В сумерках чернела борода Фадея, белел халат. И вдруг все стало проваливаться, меняться местами. Сумрак палаты стал ослепительно-белым, а халат Фадея почернел. Лицо его было черное, как у африканца, а борода сияла серебром. Это был негативный снимок мира. Мир вывернулся наизнанку, и Петру Дмитриевичу казалось, что в его рассудке происходят губительные перемены и он сходит с ума.

— Я не хотел прибегать к насилию. — Фадей продолжал оставаться африканцем в черном халате. — Я предлагал тебе сотрудничество. Предлагал сложить воедино знание «русских кодов». У меня есть мои открытия, у тебя «Таблица». Мы смогли бы работать в лаборатории над общим проектом. Ты бы ни в чем не нуждался. Вилла на берегу океана. Большие деньги. Лучшая библиотека. Преданные

талантливые сотрудники. Ты бы стал великим человеком, Петрусь.

— Что за лаборатория? Что за бред! Что за вилла на берегу океана? О чем ты, Фадей? — Петр Дмитриевич тшил вернуть серебряной бороде Фадея черный цвет. — Мне не до шуток, Фадей!

— Петрусь, нас породнил взрыв в Герате, в районе Деванча. Он расколол твой и мой мозг. Мы дети одного взрыва. Твой расколотый мозг был подключен к ноосфере, и тебе во сне открылась «Таблица». Я не был подключен к ноосфере. Хотя я тоже видел сны. Мне снились цветущие ивы, я улавливал запахи женских духов. Но вместо «Таблицы» я видел синюю главку мечети, пыльную бороздку на глинобитной стене, по которой прошла пулеметная очередь, черно-красный взрыв, колыхнувший машину. Я кричал во сне и утром, чтобы не сойти с ума, шел к океану и плавал один далеко от берега. Мне нужна «Таблица», Петрусь.

— Чтобы добыть «Таблицу», ты хочешь меня убить? — Петр Дмитриевич почувствовал, как дрогнуло сердце. Испугался, что возвращается приступ. Но это дрогнула под сердцем «Таблица», как плод в чреве матери, который грозили убить.

— Поверь, Петрусь, я не хотел насилия. Я попросил Бориса Журавлика пригласить тебя в программу «Культурное побоище». Твоя «Таблица» себя обнаружила, но я не сумел ее захватить. На вечеринке «Эхос Мундис» по моему приказу тебя атаковали маги, старались раздробить в твоём сердце «Таблицу», извлечь ее по частям. И это не удалось. В курильне мой сотрудник Майкл Вякио ловил сачком дым твоей сигары, надеясь поймать «Таблицу». Но бабочка ускользнула, осталась золотая пыльца. У метеорита ты совсем было открыл мне своё сердце, хотел передать мне «Таблицу», но в последний момент передумал. Оставалось одно — насилие.

— На кого ты работаешь, Фадей? Кто ты? Лингвист? Офицер? Зачем вернулся в Россию? — Петр Дмитриевич спрашивал, а сам искал путь спасения. Он уповал на «Таблицу», на золотую Богородицу, которая волшебным цветком цвела в его сердце. «Богородице дево, спаси!»

— Я работаю в лаборатории Беркли, Петрусь. Подразделение «Рэнд корпорейшн», в интересах министерства обороны, Госдепа и нескольких финансовых групп. Не обошла нас стороной и разведка. Подразделение изучает Россию. Мой отдел исследует «русские коды». Мы называемся отделом Русской Мечты.

— Ты охотишься за Русской Мечтой? Охотишься за «Таблицей»? Зачем? — «Таблица» раскрывала свои золотые крылья. Подхватит Петра Дмитриевича и прыгнет ввысь, к ослепительной Русской Мечте,

покидая вывернутый наизнанку мир, чавкающий и чмокающий ультразвук, операционный стол, усы жестоких хирургов и этого странного человека, явленного в его жизнь из «черного Космоса». «Богородице дево, спаси!»

— Я вернулся в Россию, чтобы уничтожить «Таблицу». Подавить «русские коды».

— Но ведь в «русских кодах» вся сущность русской истории! Все величие русской цивилизации! Любовь, красота, образ Небесного Царства, к которому стремится Россия. Тебе мешает образ Небесного Царства?

— Он мешает не мне. Всему миру мешает.

— Как мешает? — «Таблица» была вихрем, скоростью света. Она подхватит Петра Дмитриевича своей могучей волной, помчит среди лун, светил и волшебных радуг в небесные сады, где ждут его мать и отец, и бабушка протянет ему золотое яблочко. — Чем тебе мешает Россия?

— От России весь мир трясет. Тысячу лет трясет. Россия всему миру укоризна. Тащит всех в свое Небесное Царство. А мир упирается, не хочет. А Россия его подталкивает бердышами, пищалями, дальнобойными орудиями, ракетами «Сатана». И при этом приговаривает: «Россия — душа мира», «В России свет Херсонеса», «Россия — Третий Рим и Новый Иерусалим», «Российская история — пасхальное воскрешение». И при этом бьет из пушек во все стороны света.

— Россия — душа мира! Превращает тьму в свет! Жертвует собой за други своя! За это ее ненавидят. Присылают нашествия. — «Таблица» была Девой несказанной красоты. Она накрывала Петра Дмитриевича своим белым покровом, непроглядным для злых очей. Покров был соткан из хлопьев русского снега, из веток черемухи, лепестков зацветающих яблонь. Петр Дмитриевич был неуязвим под этим покровом. Не он сберегал «Таблицу», а она спасала его.

— Ты спрашиваешь, Петрусь, чем мне досаждают Россия? Россия невыносима для мира. От нее вся тьма. Мир хочет приручить Россию, как приручают диких животных. Присылает в Россию ученых, педагогов, философов. Учит ремеслам, наукам, добрым нравам. Приглашает в семью народов. И кажется, затея удалась, «Европа — наш общий дом». Братания, падают железные занавесы. «Аполлон—Союз», академик Сахаров, конвергенция. Но всегда найдется какой-нибудь старец Филофей вроде тебя, Петрусь, и снова «Святая Русь», «проклятый Запад», «Архипелаг ГУЛАГ» и ракеты «Калибр».

— И что же ты хочешь, гоняясь за «Таблицей»? — Петр Дмитриевич вновь ощутил страх за свое дитя, которое носил под сердцем и за которое был готов сражаться, как малая птица, отгоняющая от гнезда свирепого хищника.

— Хочу спасти мир от России и спасти Россию от самой себя. Россия — сорняк, и ее нужно регулярно пропалывать. Но после каждой прополки сорняк вырастает. В 91-м году, когда мы с тобой сбивали надпись на партийном фасаде и ты держал в руках букву «М», казалось, что сорняк вырван с корнем. Но этот проклятый одуванчик, «цветок русского Рая», как ты его называешь, снова зацвел. Твоя «Таблица» снова воскресит бредовую мечту о Царствии Небесном, и Россия потащит в это чудовищное царство весь мир. Но этому не бывать. Завтра я выну из тебя «Таблицу» и уничтожу.

— И что ты с ней сделаешь? Что сделаешь с цветком русского Рая? Что сделаешь с «Василием Блаженным», который и есть цветок русского Рая?

— Сначала истолку «Таблицу» в мельнице, в какой дробят в крематориях кости покойников. Потом эту золотую пыль растворю в серной кислоте. Потом эту серную кислоту зарядю в космический аппарат и отправлю в дальний Космос, откуда никто никогда не возвращается. И мир станет праздновать День избавления от России! — Лицо Фадея стало беспощадным, железным, как топор. И эта жестокость палача, предвкушающего казнь, породила в Петре Дмитриевиче жаркую страсть, бесстрашие мученика, готового принять муку за бессмертную веру.

— Найдется другой человек, которому приснится «Таблица». Золотая пыль, которую ты развеешь в Космосе, вновь опустится на Землю и превратится в «сон золотой», в Русскую Мечту. Русским людям во все века снятся «сны золотые».

— Кому же, кроме тебя?

— Проклову. Он настоящий русский. Я хотел передать ему «Таблицу».

— Его «Русскому сообществу»? Каждый из них — карикатура на царя. У одного борода Ивана Грозного. У другого борода Алексея Михайловича. У третьего — Николая Второго. Кстати, это я направил яхту «Дракон», которая атаковала корабль Проклова. Я сам подбирал старух из числа состарившихся актрис. В молодости они играли комсомолок, партизанок, монахинь, чеховских героинь. Но все согласились в последний раз блеснуть истлевшими телесами!

— Значит, завтра меня положат на операционный стол и зарежут?

— Не скрою. Операция будет мучительной. Последний раз предлагаю: отдай «Таблицу».

— Будь проклят, Иуда! — Петр Дмитриевич плюнул в Фадея. Плевок оставил в темноте огненную трассу и ударил в Фадея с металлическим звуком.

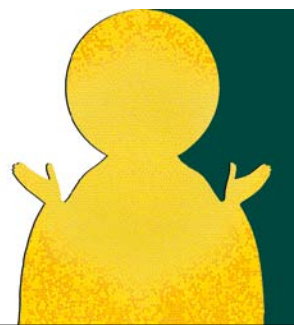
Фадей поднялся и вышел.

Там, где он сидел, осталась черная пустота, из которой дул ледяной сквозняк.

«Завтра казнь, но без боязни. Он мыслит об ужасной казни».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Петр Дмитриевич искал пути к избавлению. Он знал, что путь существует. «Таблица» направляла его этим путем. Этот путь вел улочками от Сретенки к Цветному бульвару, к дому с тесным старомодным лифтом, где они едва поместились с Ириной и ему стало страшно от того, как близко оказались их губы, гремели ключи в замке, и он хотел, чтобы дверь дольше не открывалась и дохнула теплом прихожая, в глубине черным серебром сверкнуло зеркало. Ну, конечно, Ирина, любимая, ненаглядная, спасительница. Ей передать «Таблицу» от сердца к сердцу, осыпая ее грудью поцелуями. Ирина спасет!

Петр Дмитриевич набрал ее телефон.

— Разбудил? Это я! Извини! Только тебе одной!

— Что случилось?

— Фадей! Не теперь! Потом! Приезжай!

— Куда?

— Я в западне! Больница! «Заутро казнь, но без боязни!» Немедленно приезжай! Ты спасительница! Сможешь?

— Я еду!

— Я голый! Одежду забрали. Достань одежду!

Мужскую!

— У меня нет.

— Купи!

— Сейчас ночь, магазины закрыты.

— У соседей! Домашний халат! Придумай! Возьми такси!

— Куда же мне ехать?

Петр Дмитриевич продиктовал Ирине номер больницы и палаты, веря, что она не заплутает в ночной Москве. Навигатором ей будет служить «Таблица», оттиск которой она носит в своем сердце.

Ночь текла. В темной палате слышались невнятные шорохи, глухие постукивания. Это в соседних палатах дышали, стонали во сне. За окном в черноте горела оранжевая дуга Кольцевой дороги, летели бесчисленные огни. Оранжевая аорта гнала кровотоки, омывающий громадный город. Сердце Петра Дмитриевича чувствовало пульсацию ночного города.

Петр Дмитриевич понимал, что случилась катастрофа. Он, мечтавший осчастливить и спасти этот мир, не понимал его устройства. Не понимал, как устроена власть, кто является мнимым правителем, а кто, укрывшись в тени, подлинно управляет государством. Является ли президент главой, или за ним стоят могущественные олигархи, отобравшие у народа заводы, рудники, нефтяные поля и оставившие народу унижительные развлечения, ядовитые телешоу, лживые проповеди. Своей «Таблицей» не внесет ли он в народную жизнь еще большее разочарование и стоны?

Начинало светать, когда дверь палаты приоткрылась и Ирина проскользнула, держа в руках сверток.

— Наконец-то, милая! Спасительница моя!

— Почему ты здесь?

— Потом! Принесла одежду?

— Одежда брата. Он на Урале, иногда приезжает.

Примерь.

Рубаха была узковата, брюки короткие, пиджак теснил, башмаки жали. Носков не было вовсе. Петр Дмитриевич облачился.

— Как ты прошла?

— Через черный ход. Такси ждет.

— Богородице дево, радуйся, Господь с Тобою!

Они прокрались коридорами. Через черный ход оказались в больничном сквере. Снаружи поджидало такси. И скоро они мчались по утренней Кольцевой, и Петр Дмитриевич чувствовал, как удаляется опасность, тает вдалеке клубок тьмы.

Петр Дмитриевич не мог воспользоваться своей машиной, брошенной на стоянке у магазина. У него не было прав и ключей, все осталось в больнице. Таксист привез их в загородный коттедж Петра Дмитриевича, и они с Ириной оказались среди деревьев, которые желтели под утренним небом. Любимые деревья были преградой злу. Обожаемая женщина, спасительница, стояла на пороге его дома. Петру Дмитриевичу хотелось, чтобы ее появление в доме было торжественным, чтобы деревья приняли ее как родную. Он взялся знако-

мить Ирину с деревьями, представлял ее березам, дубам и кленам.

— В эту сосну, мне кажется, вселилась душа моей мамы. Вижу ее лицо, целую, чувствую запах ее духов.

Петр Дмитриевич подвел Ирину к сосне. Она тронула хвойную ветвь, погладила серебристые иглы. Ветка дрогнула от нежного прикосновения. Сосна приветствовала появление Ирины.

Петр Дмитриевич подвел Ирину к клену. Клен горел сырым золотом, будто в кроне пряталось солнце. Листья опадали, подножие дерева было усыпано резной листвой.

— А в этом клене живет душа папы. Я веду с ним разговоры, и он мне отвечает, одаривает своими древесными мыслями. Иногда я слышу, как он ночью переговаривается с мамой.

Ирина тронула кленовую ветвь. Положила себе на ладонь резной, горящий золотом лист и поцеловала. Лист отпал от ветки и остался у нее на ладони. Петр Дмитриевич подумал, что отец, одарив Ирину листом, благословил ее появление.

Две березы росли из одного корня. Их поредевшие, потерявшие половину листы вершины качались от ветра.

— Круглый год я вижу эти березы в окно. Зимой они серые, горячие, в них свистит ветер. Но ранней весной вершины розовеют, и кажется, в окне стоит розовый дым. Он превращается в изумрудный туман. А потом свежая зелень застилает окно. Я слышу чудесный аромат маленьких клейких листьев. Во время ливня я встаю под березы и они льют на меня из своих зеленых водостоков воду, пахнущую небом. На эти березы любят садиться сойки. Я называю березы «две сестры».

Ирина пошла к березам, коснулась белых стволов, и Петр Дмитриевич подумал, что она породнилась с березами, и произнес:

— Теперь ты и березы — вы три сестры.

Они вошли в дом. Петр Дмитриевич водил Ирину по комнатам, чтобы она наполнила их своей женственностью. Пусть дом узнает ее, примет. Ее душа поселится в доме и больше не покинет его.

Он подвел ее к фотографии, на которой мать и отец нежно прижались друг к другу, прекрасные в своей молодости и любви. Открыл дверцы запоевального шкафа, чтобы она вдохнула запах горького миндаля и коснулась книг, что были прочитаны им в молодые годы. Показал реликвии, привезенные из дальних странствий. Икону Николая-угодника, обгорелую и облупленную, найденную в Карелии среди разоренного храма. Белый моржовый бивень с резьбой, украшенный самородками, — подарок, полученный на Колыме. Дагестанский, в золоченых ножнах, кинжал — изделие мастеров-оружейников.

Петр Дмитриевич угощал Ирину чаем. Поставил перед ней синюю чашку из старинного бабушкиного сервиза с золотым ободком, стертый от прикосновения множества губ. Любовался, как она касается губами золотой полустертой каемки, приобщаясь к родовым чаепитиям. Дом, наполненный ее женственностью, тихо светился.

— Хочу, чтобы ты оставалась в моем доме. Не уходила.

— Останусь в твоём доме. Возьми вот это. — Ирина достала серебряный медальон на цепочке. — Открой!

Петр Дмитриевич принял медальон, раскрыл. В медальон был вправлен портрет Ирины, маленькая фотография ее прекрасных глаз, пушистых бровей, розовых губ.

— Дарю тебе. Пусть будет в твоём доме.

Петр Дмитриевич поцеловал медальон и отнес туда, где находился портрет мамы и папы, положил перед драгоценной фотографией. Теперь они были рядом, три любимых человека, живущие в его доме.

— Ты можешь мне рассказать, что случилось? Как ты оказался в больнице?

— Это Фадей. Он из железного метеорита. Он дитя «черного Космоса». Дитя ядовитого дыма.

— Фадей Аристархович? Ведь он твой друг!

— Он друг того, кто с рогами, копытами и крысиным хвостом.

— Вы вместе воевали, вас ранил один и тот же взрыв.

— Взрыв разметал нас по разным углам Вселенной. Мне досталась «Таблица», образ Пресвятой Богородицы. Ему достался железный метеорит, прилетевший из черной дыры.

— Но Фадей Аристархович так любит тебя. Называет святым. Только святым во сне может явиться такое откровение, как «Таблица». Это святое учение.

— Я не святой, не праведник. «Таблица» дана не мне, а русскому народу. Я только хранитель, страж. Когда появится великий русский правитель, я передам ему «Таблицу», и он совершит чудо русского воскрешения.

— Фадей Аристархович — враг русского воскрешения?

— Не хочу об этом. Как-нибудь позже. Ты говорила, что я спас тебя, вытащил из проруби. Теперь ты спасла меня, вытащила из черной дыры. Мы не должны разлучаться. Оставайся со мной. Осень и зиму мы будем вместе писать труд о «русских кодах», а весной уедем на Волгу. Поплывем по «реке русского времени».

К Волге на водопой сошла вся русская история. В Угличе пресеклись Рюриковичи. В Костроме поднялись Романовы. В Казани через слезы и кровь породнились татары и русские. Нижний Новгород

спас Москву от поляков и дал дорогу новой династии. В Симбирске Керенский сокрушил Романовых. В Симбирске родился Ленин, строитель «красного царства». В Сталинграде решилась судьба человечества. Мы поплывем на теплоходе по Волге. Будем выходить в городах, жить среди башкир и чувашей. Мы отыщем великие «волжские коды», которые управляют падением и рождением царств. «Таблица», как ковчег, повлечет нас по волжским волнам.

Ирина поднялась, подошла к нему. Гладила ему волосы. Он закрыл глаза. Она целовала его глаза, и он сквозь закрытые веки видел ее грудь, маленькую родинку на плече, босые стопы, спинку кровати, ее близкие колени, и поднятый подбородок, и упавшие на плечи волосы. А потом ничего не видел в счастливой слепоте, пока не польхнула

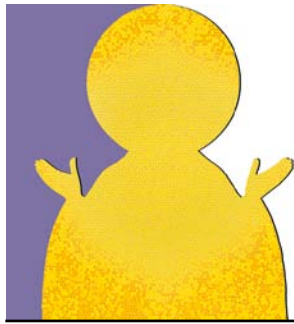
жаркая волна, омыла дом, все его уголки, темные сучки в потолке, светильник, собранный из разноцветных стекол. Любимая женщина поселилась в доме, чтобы больше его не покидать.

После бессонной ночи они спали, обнявшись, и золотые березы смотрели на них сквозь окно.

К вечеру Ирина уехала, и Петр Дмитриевич счастливо ходил по комнатам, целовал серебряный медальон, смотрел на подушку с отпечатком ее головы.

К нему прибыл посыльный. Передал матерчатый саквояж. В саквояже были одежда, оставленная им в больнице, паспорт, права и ключи от машины. К вещам была приложена записка:

«Дорогой Петрусь, не оставляю надежды на сотрудничество. Твой брат по взрыву Фадей».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Утром Петра Дмитриевича потревожил звонок. Голос мерный, отшлифованный в своих интонациях произнес:

— С вами говорят из секретариата Государственной думы по поручению председателя. Вадим Илларионович хочет с вами встретиться, и, если можно, сегодня в 13 часов. Что мне доложить председателю?

— Конечно, приеду. Большая честь для меня.

— Тогда, пожалуйста, номер машины. Вход не общий для всех, а там, где проходят лидеры фракций. Вас встретят.

Приглашение было неожиданным и обещающим, особенно после злключения минувшего дня. Время, которое он проживал последние недели, было подобно синусоиде, и он качался на волнах, взлетал и рушился.

Здание Государственной думы на Охотном Ряду было огромным каменным футляром, хранящим хрупкую нервную плоть государства. Было черепом, содержащим чуткий дышащий мозг. Бесчисленные волокна соединяли эту плоть с народами, землями, языками, из которых соткана неповторимая, непомерная, необъяснимая Россия. Она управлялась не человеческими разумениями, а снами, являвшимися в сознание русских правителей. Дума, издающая законы, видела сны, которые обрывались в дни великих пробуждений, когда разбуженные народы начинали крушить доставшееся им государство.

Так думал Петр Дмитриевич, приближаясь к Думе. Перед главным входом толпились люди, отчаявшиеся просители, исповедники непризнанных идей, творцы неосуществимых проектов. Стояли в ряд черные дорогие автомобили, надменно сверкающая металлом. Из Думы появлялся депутат, еще в полусне, во власти галлюцинаций, с отпечатком электронного табло на лбу. Некоторое время, не веря своему пробуждению, смотрел на дождливое небо, на гостиницу «Москва», на несущийся ливень машин.

Шел к автомобилю, погружая в салон свое родное тело, и мчался, пылая синей вспышкой, на встречу с деловым партнером, в политический

клуб или в ресторан к любовнице, которая будет ему отдушиной среди изнурительного бытия.

Петр Дмитриевич поставил машину у служебного входа. Вошел сквозь тяжелую дверь, открыть которую было под стать лишь настоящему государственнику, и оказался в вестибюле, среди гранита и мрамора. Постовой проверил паспорт, пропустил сквозь игольное ушко металлоискателя, и вежливый человек, строгость и вкрадчивость которого выдавали в нем аппаратное лицо, провел Петра Дмитриевича к председателю Думы.

Председатель Думы Вадим Илларионович Крамской имел широкое безбровое распаренное лицо, как у любителя бани после третьего пара. Лицо было розовое, с испариной, все поры были открыты, дышали, а глаза голубые, влажные были исполнены детской благодати. Можно было подумать, что Вадим Илларионович только что покинул банный зал, где триста депутатов, голые, сидели на каменных лавках, пропуская над собой огненного змея.

Однако разговор, который повел Вадим Илларионович, был вполне строг и даже суров. Сидя под государственным флагом Российской Федерации, за столом, сплошь заваленным бумагами и папками, Вадим Илларионович спросил:

— В одной из ваших статей не без интереса прочитал о «сокровенной власти». Могли бы вы пояснить, что подразумевали под этим понятием? — Глаза председателя были младенчески-ясными и безгрешными, но едва ли с этой наивной кротостью можно было управлять тремя сотнями дерзких и своевольных честолюбцев, именуемых депутатами Думы. Для этого требовался жезл железный, и Петр Дмитриевич, исподволь оглядывая дорогой кабинет с портретом президента, хотел отыскать этот пасторский жезл, оббитый о спины строптивой паствы. — Что значит, «сокровенная власть»?

— Видите ли, Вадим Илларионович, — начал осторожно Петр Дмитриевич, стараясь не спугнуть высокого чиновника суждениями, которые вполне могли сойти за фантазии и испортить многообещающую встречу, — русские правители, будь то князья, цари или вожди, создали государство

в двенадцать часовых поясов. Они использовали для этого батальоны, казну, дипломатию. Посылали за Урал Ермака, направляли Скобелева в Бухару, а Ермолова в Дагестан. Все это была явная власть. Но была и неявная, сокровенная. Правители знали «русские коды», которыми управлялся народ, сражался, трудился, терпел, искал благодать, верил в чудо, искал бессмертие. Сочетая власть видимую и невидимую, русские правители создавали царство, сберегали его в час беды, возвышали и выстраивали в час цветения.

Вадим Илларионович похлопал губами, словно пробовал на вкус услышанное:

— Вы хотите сказать, что владеете этими «русскими кодами»? Вам место в Кремле, рядом с президентом, в числе его ближайших советников?

— Быть может, я смогу быть полезен президенту. «Таблица Агеева» содержит «русские коды». С их помощью русскому народу можно вернуть Мечту и совершить возрождение России, о котором много сказано и которое так и не наступает.

Петр Дмитриевич усомнился, не слишком ли самонадеянно высказался и не прозвучал ли в высказывании упрек властям за невыполненные посулы.

Вадим Илларионович молчал, думал, поглядывал на портрет президента, который смотрел чуть сбоку с хитрым выражением глаз.

— А как вы относитесь к Конституции? — Вадим Илларионович умел обескуражить собеседника вопросом, и это удалось ему в полную меру.

— К Конституции? К какой? — смутился Петр Дмитриевич.

— Ну разумеется, не к сталинской, а к нынешней!

— Сказать вам откровенно, Вадим Илларионович?

— Разумеется. Иначе зачем мы встретились?

— Эта Конституция стреляла в меня из танков. Эта Конституция чмокала пулями в Останкине, и я кинул в нее бутылку с бензином, но промахнулся. Эта Конституция подожгла Дом Советов, и жених и невеста, обвенчавшиеся на баррикаде, сгорели в пожаре. Мой приятель приднестровец Кукушка взял икону и пошел навстречу стреляющим танкам и был сражен пулеметом. Эта Конституция гналась за мной, когда я убежал из проклятой Москвы, а она смотрела на меня из прорезей черных масок. За что мне любить Конституцию, у которой из каждой строки торчит танковая пушка?

Петр Дмитриевич решил, что Вадим Илларионович взорвется гневом, укажет ему на дверь. Но председатель Думы посмотрел на портрет президента, на лисье выражение его лица и произнес:

— Но все-таки благодаря этой «танковой» Конституции президент построил новое государство,

вооружил его, вернул на мировую арену, сбросил американскую пятерню с русского плеча. Надо быть справедливым.

— Я справедлив, Вадим Илларионович. Вот только жаль погибшего приднестровца Кукушку.

Вадим Илларионович помял губами слово «кукушка», проглотил, подвигав кадыком.

— Сейчас в истории государства Российского наступает новый период. Мы затеваем долгожданное развитие. Двинем страну вперед. Нам нужно вдохновить народ, вернуть, как вы говорите, народу Мечту. Использовать «сокровенную власть». Для этого я вас пригласил.

— Как вы думаете мной воспользоваться, Вадим Илларионович?

— Вы бы могли написать новую Конституцию?

— Я? Но я не юрист, не законник!

— У нас немало законников и юристов. Они будут вам подспорьем. Но вы напишете Конституцию, состоящую из «сокровенных» заповедей.

— Конституцию Русской Мечты?

— Да, Конституцию Русской Мечты, с которой мы начнем наше русское возрождение! Оживим наши увядшие города и деревни. Пойдем в Арктику. Полетим в дальний Космос. Напомним народу, что он самый сильный, добрый, отважный народ. Народ Мечты!

Петр Дмитриевич был поражен. Все, о чем мечтал, что казалось несбыточным и было готово умереть вместе с ним, так и не дождавшись чудесного русского воскрешения, — все вдруг начало сбываться. Этот безбровый человек с розовым лицом и глазами младенца казался величественным государственным деятелем, принадлежал к плеяде великих русских деятелей.

— Уже сейчас, сию минуту, я могу нарисовать проект Конституции Русской Мечты! — заторопился Петр Дмитриевич.

— Я слушаю вас, Петр Дмитриевич. — Вадим Илларионович приготовился слушать, а вместе с ним слушал президент со своим хитроватым взглядом.

— В основе Конституции Русской Мечты лежит уложение, утверждающее, что народ в своей тысячелетней истории стремится к Царствию божественной справедливости, где нет угнетения, а только любовь, где нет смерти, а жизнь вечная, где цветок луговой и звезда небесная знают и любят друг друга.

Вадим Илларионович взял лист бумаги, ручку. Петр Дмитриевич решил, что председатель, не доверяя памяти, решил записать прозвучавшую мысль. Но вместо записи Вадим Илларионович нарисовал еловую шишку. Было видно, что рисует шишку не в первый раз. Так ловко были изображены на шишке чешуйки.

Петр Дмитриевич не стал задаваться вопросом, при чем здесь шишка, и продолжал:

— Основной обязанностью и правом народа является взыскание этого царства как высшего смысла народного бытия, что и закреплено в Конституции Русской Мечты.

Вадим Илларионович кивал, подавая знак, что мысль дошла до него. Кивая, ловко, единым росчерком, нарисовал самовар. Петр Дмитриевич хотел угадать, коим образом самовар сочетается со взысканием благодатного царства. Но прямой связи не находил.

— Образом этого царства является священная Победа, в которой силы ада попираются силами рая.

В основании государства Российского лежит идеология Победы, делающая само государство носителем святости.

Вадим Илларионович нарисовал птицу, по виду голубя, держащего в клюве ромашку. Нарисовав свою композицию, он посмотрел на портрет президента, словно хотел убедиться, что смысл рисунка был понят главой государства. Петру Дмитриевичу казалась странной эта манера председателя слушать серьезные мысли и сопровождать их легкомысленными изображениями.

— Способность русского народа принимать на себя мировую тьму и претворять ее в свет есть обязанность, вмененная народу Творцом, что и записано в Конституции Русской Мечты как священное бремя русских.

Вадим Илларионович кивнул и нарисовал крокодила с зубатой пастью и изогнутым хвостом. Заметив изумление Петра Дмитриевича, пояснил:

— Я постоянно боюсь утечек и прослушек. Эти рисунки — тайнопись, которой владеют всего несколько лиц, в том числе президент. Я доложу президенту о нашей встрече и присовокуплю к докладу эту запись. Продолжайте!

Петр Дмитриевич восхитился этой изощренной манерой изъясняться с помощью иероглифов и продолжал:

— Стремление к Победе чревато поражениями, и народ, потерпев поражение, вновь восстает из пепла, возрождается и стремится к Победе. Суть русской истории есть пасхальное воскрешение, что закрепляется в Конституции Русской Мечты как право народа на воскрешение.

Зазвонил телефон, один из тех, что теснились на столике, свесив шнуры. Председатель снял трубку. Приложил палец к губам, кивнул на портрет, и Петр Дмитриевич понял, что звонит президент.

— Да, шишка, Максим Тимофеевич. Да, самовар. Хотя возможен и столовый нож. Но это же не мои идеи. Что касается меня, я бы видел не голубя, а дятла и не ромашку, а василек. По итогам я вам

доложу. Все будет зависеть от половника или гуся. Спасибо, Максим Тимофеевич.

Председатель положил трубку.

— Президент заинтересован в нашей встрече. Возможно, в скором времени вы получите приглашение в Кремль.

Петр Дмитриевич был вдохновлен. Долгожданная встреча с президентом, которому он мечтал передать «Таблицу», казалась возможной. И он был готов изучить тайнопись и иероглифику, чтобы изъясняться с президентом на его языке.

— Продолжайте, Петр Дмитриевич, — поощрял его председатель.

— Обретение Царства Небесного дается великими трудами, что делает труд священной обязанностью и правом народа, стремящегося в Небеса.

На листке Вадима Илларионовича появился белый гриб.

— Оборона Небесного Царства от тьмы побуждает народ к жертвенности и героизму, делает русское оружие святым оружием Победы.

Вадим Илларионович нарисовал жука, и это неприятно поразило Петра Дмитриевича. Вернулись воспоминания минувшего дня и страхи, побудившие его принять позу «мертвого жука». Однако неприятные воспоминания уступили место надеждам, и он продолжал говорить, желая быть понятым:

— Русская история есть непрерывное проявление Чуда, когда народу в его одолении тьмы приходит на помощь Господь, делающий русскую историю проявлением божественной воли, что находит свое воплощение в Конституции Русской Мечты.

Чудо на этом таинственном языке, ведомом лишь высшим чинам государства, изображалось в виде крылатой рыбы, причем крыльев было восемь, так что рыба не могла сойти за серафима. «О рыба, откроешь ли мне свое имя?» — обратился Петр Дмитриевич к морскому диву и, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Устройство государства Российского, деятельность его институтов, полный перечень гражданских прав и обязанностей исходят из упомянутых постулатов и могут меняться в зависимости от эпох, сберегая свою неизменную божественную сущность. Я кончил, Вадим Илларионович!

Председатель нарисовал лист папоротника и молча стал смотреть на Петра Дмитриевича.

— Ну как? — спросил Петр Дмитриевич, страшась услышать слова осуждения.

Вадим Илларионович молча смотрел, дыша всеми порами распаренного лица, а потом поднялся, приблизился к Петру Дмитриевичу и расцеловал троекратно, окружив запахами бани и березовых веников:

— Молодец вы наш! Будет что показать президенту!

— Но ведь это все не окончено! Вы меня застали врасплох.

— Ничего, у вас будет время подготовиться. Отправим вас в чудесное место. Сосновый бор, озеро, чудесный дом, камин. Запретесь там на всю осень и зиму и напишете Конституцию Русской Мечты. Никого! Только белки! Дрова в камине, музыка. Связь со всеми библиотеками мира. Согласны?

— Могу ли я взять с собой помощницу?

— Конечно! Снег, камин, легкое вино, помощница! — Глаза Вадима Илларионовича сияли, как у младенца, который видит новогоднюю елку. — Не откажите в любезности. Хочу представить вас депутатам Государственной думы!

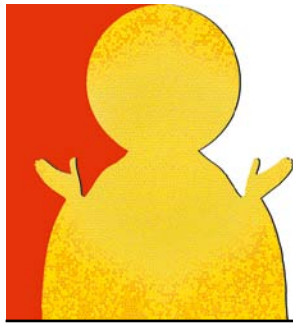
По тяжеловесным коридорам они прошли в зал заседаний, где шло обсуждение какого-то закона, кажется о платных парковках. Ничтожность закона, его несопоставимость с Конституцией Русской Мечты объяснили Петру Дмитриевичу унылый вид депутатов. Они были скучны, сонны, исполнены небрежения и равнодушия, им наскучило многолетнее сидение в зале и бессмысленное нажатие

кнопок, которое отражалось на электронном табло, но не на положении в стране, где дела становились все хуже и хуже. С такими депутатами страна не могла начать долгожданное преобразование. Они не могли повести народ к Мечте.

— Коллеги, — произнес председатель, — хочу представить вам известного философа и историка Петра Дмитриевича Агеева, которому во сне явилась чудесная «Таблица». В этой таблице есть все, что нужно народу для свершения трудовых и ратных подвигов. Петр Дмитриевич, скажите несколько слов депутатскому корпусу!

Депутаты смотрели на Петра Дмитриевича равнодушно, устало, готовясь выслушать несколько ничемных слов, чтобы тут же их забыть. Петр Дмитриевич некоторое время молчал, озирая пресыщенных, погасших людей, для которых ничего не значил. А потом подключил «Таблицу» к сердцу, кровь жарко хлынула на золотое табло, зажгло его, так что свет полетел по рядам, передаваясь депутатам «от сердца к сердцу». Каждый оживал, озарялся, изумленно раскрывал глаза, и казалось, в зале открылся сияющий свод, сыпались бесчисленные хрустали, изливали стоцветные радуги.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Удача была несказанная. Мечта увидеть президента, передать ему «Таблицу», участвовать в великом проекте русского возрождения — эта мечта сбывалась. Он уедет в уединенную государственную дачу в заповедном бору и там, среди снегов, на берегу ледяного озера, станет писать Конституцию Русской Мечты. И с ним будет его любимая, его избавительница, его сподвижница Ирина. Днем они станут работать над Конституцией, насыщая ее «русскими кодами», а вечером — сидеть у камина, пить вино, слушать музыку, а за окнами будет шуметь восхитительный зимний буран.

Петр Дмитриевич еще по дороге из Думы стал звонить Ирине, но она не откликнулась. Он покружил по Москве, желая облюбовать место, где они могут пообедать и он расскажет Ирине о своем небывалом успехе.

Петр Дмитриевич звонил, но ответа не было. Он звонил целый день. Звонил, вернувшись домой, но Ирина не отзывалась. Петру Дмитриевичу стало тревожно. Зловещий Фадей мог мстить Ирине за ее участие в побеге Петра Дмитриевича. Эта мысль испугала Петра Дмитриевича. Он продолжал звонить, посылал электронные сообщения. Не выдержал и поехал в город.

Москва была в черном дожде, шипела, взрывалась огнями, ветер лепил к лобовому стеклу кленовые листья.

Петр Дмитриевич оставил машину на стоянке у Сретенки и пошел дворами к дому Ирины. У ампиричного особняка с желтым озаренным фасадом на него ринулись свирепые овчарки. Прыгали на стальную изгородь, хрипели, лязгали клыками, провожали ненавидящим лаем. Знакомый двор был залит дождем. Среди тусклых желтоватых окон окно Ирины было погашено. Петр Дмитриевич ждал во дворе среди детских качелей и лесенок, промок, огорченный и встревоженный вернулся домой.

Весь следующий день звонил непрерывно. Ирина молчала. Он обратился в полицию, но там предложили подождать три дня и лишь после этого начать поиски.

Петр Дмитриевич сидел в ресторанчике «Восточный дворик» на съезде к трем вокзалам и обреченно попивал вино. Мимо сновали расторопные

черноглазые официанты, разнося шашлыки, азиатскую зелень, душистые лепешки. Петр Дмитриевич названивал Ирине, не надеясь услышать ответ. Но вдруг телефон отозвался. Голос Ирины был глухой, низкий, как у больной.

— Что случилось? Где ты была? Почему не отвечала?

— Не могла.

— Как не могла? Я с ума сходил. Дежурил под твоим окном.

— Я видела.

— Как видела? Почему не вышла?

— Не могла.

— Объясни! Не мучай меня! Почему ты скрываешься?

— Мы не должны видеться.

— Вздор! Приезжай сейчас же и объясни!

— Мы не должны видеться.

— Сейчас же приезжай, слышишь? Я требую!

— Ты где?

— В «Восточном дворике». В двух шагах от тебя!

— Я приеду.

Она вошла, и лицо ее казалось черным, стиснутым, будто его держали в тисках, с провалившимися глазами и опущенными углами рта. Она сутулилась, не знала, куда девать руки. Села перед ним, смотрела черными невидящими глазами.

— Ира, милая, любимая, что случилось? Кто напал на тебя?

Она молчала, губы дрожали, в глазах был страх.

— Ты не должна бояться, родная. У нас все хорошо. Я был на приеме, обласкан. Нам выделяют прекрасный дом, деревянную лесную дачу. Сосны, белки, заячьи следы на снегу. Озеро ледяное, сдувает снег, и лед сизый, как оперение голубя. А голубь, ты знаешь, с ромашкой, хотя мог быть дятел с васильком. Такой благородный человек, как банщик, с розовым лицом, и сам президент позвонил, а он ему «шишки», «самовар», «крылатая рыба». Это тайные знаки, иероглифы власти. Мы будем писать Конституцию Русской Мечты!

Петр Дмитриевич говорил и не мог остановиться. Знал, что если остановится, то случится ужасное,

непоправимое и надо не дать этому ужасному проявиться.

— Вечерами, представляешь, камин. Дрова, золотые угольки. Мы пьем вино, какое закажем. Шабли, или шардоне, или грузинское цинандали. А за окнами бушует буря, а нам так чудесно вдвоем!

— Ты не должен видеть меня. Я тебя предала. Меня к тебе подослали.

— Подожди, не об этом. Ты спасла меня. Мои деревья тебя полюбили. Мама, я видел, протянула тебе свою серебряную хвою. Папа подарил тебе золотой лист, и ты поцеловала его. Ты вошла в мой дом, и дом тебя принял, полюбил. Ты хозяйка дома!

— Меня подослал к тебе Фадей. Велел шпионить за тобой, выведывать про «русские коды». Велел похитить «Таблицу», от «сердца к сердцу». Он следил за нами, когда мы сидели в «Зарядье», когда обедали в турецком ресторане с медными быками.

— Не может быть! Это невозможно!

— Он запер тебя в клинике и пугал операцией на сердце. Знал, что ты позовешь меня на помощь. Это он передал рубаху, пиджак и брюки. Нет никакого брата на Урале! Не было проруби, из которой ты меня спас! Все придумал Фадей! Я мерзкая, гадкая! Подсадная утка! Ты должен испытывать ко мне отвращение! Прогони меня, ударь! Я гнусная, омерзительная!

Петр Дмитриевич чувствовал, что сейчас упадет. Пол кривился, как палуба, со стола летели тарелки, вилки, бутылка вина, бокал. Петр Дмитриевич падал, стараясь зацепиться за скатерть, за светильник, но они скользили и падали. Он чувствовал, что «Таблица», которая сияла в сердце, превратилась в черное железо, в метеорит, и оттуда дул ледяной сквозняк.

— Уйди! Ненавижу! На тебе весь ужас и скверна мира!

Петр Дмитриевич, захватив в кулак скатерть, упал под стол. Ирина что-то кричала. Официант держал на ладони поднос с соленьями, склонялся к Петру Дмитриевичу.

Петр Дмитриевич бежал по Москве, и мир, в котором он перемещался, был рваный, в нем возникали прорехи, в этих прорехах исчезала материя, память, он проваливался в черную пустоту, в беспомыслие. И снова выныривал в свет, в знакомые очертания города, в несчастье, которое с ним случилось. Он помнил, что пересек площадь трех вокзалов с ревущей гущей машин и знакомыми силуэтами привокзальных зданий. Следовал провал, он погружался в прорубь и всплывал в другом месте города, у Театра Российской армии, у каменной нелепой звезды, плулая в ее колоннадах. Снова провал, тьма, выпадение из мира, его несло в черных донных потоках, пока вновь не выкидывало

на Садовой, возле «Пекина», у памятника Маяковскому, льдистого от дождя. Петр Дмитриевич был в рваном мире, и этот мир разорвала женщина, которую он любил, и он испытывал страдание, неведомое прежде, приготовленное ему на самый конец жизни. В этом мире не стоило жить. Мир не был приспособлен для жизни, не подлежал преображению, не нуждался в «Таблице». Не было иглы и дратвы, которыми можно было залатать черные дыры мира. Петр Дмитриевич хотел провалиться в очередную прорубь, чтобы больше не всплывать, чтобы мертвые воды унесли его в вечную тьму.

Он шаркал по мокрому асфальту у Зубовской площади. Лица встречных прохожих были похожи на бесформенные сырые пельмени. Другие прохожие его обгоняли, и он видел их поднятые воротники.

Лицо встречной женщины, расплывшееся и туманное, вдруг прояснилось, на лице появились глаза, рот, нос, и это внезапно прояснившееся лицо показалось Петру Дмитриевичу знакомым. Оно опять слиплось, наполнилось мути, но Петру Дмитриевичу захотелось его рассмотреть. Женщина прошла, Петр Дмитриевич обернулся, и женщина обернулась, словно лицо Петра Дмитриевича тоже показалось знакомым.

Женщина стояла, будто поджидала Петра Дмитриевича. Тот подошел:

— Извините, мне кажется, я вас где-то видел. Я могу ошибаться. — Женщина улыбалась. Она была не молода, но среди утомленных глаз, полных щек, легких морщинок у рта сохранялась женская сила, тяжелая красота. — Мне кажется, я вас где-то встречал.

— И я вас где-то видела. — Женщина улыбалась, и по этой улыбке Петр Дмитриевич понял, что женщина узнала его, но не спешит признаться.

— Где мы виделись? — Он мучился, не мог вспомнить.

— А ты вспомни, Петенька, как мы целовались и всю ночь пели соловьи.

— Боже мой, Вера! Ты? Не узнал!

— И ты изменился, Петенька. Время не красит.

— Где ты теперь? Куда идешь? — Это была она, та самая Вера, которая вдруг объявилась в деревне, где он работал лесником, ютился в избушке у тети Поли, и Вера пришла в вечерний клуб, где хрипел проигрыватель и танцевали пары, не снимая пальто, и они танцевали с Верой, и ее грудь не помещалась в расстегнутой блузке, и на пальце блестело обручальное колечко, и они шли по пустынному мокрому шоссе, и пахло талой землей, первыми лесными цветами, по реке в тумане плыл размытый огонь, слышались неразборчивые голоса рыбаков, и она повторяла: «Боги! Русские боги!» У пустой

автобусной будки он обнял ее, пробираясь губами к ее груди, и она помогла ему, расстегнула пальто.

— Боже мой, Вера! Ты уехала, не простившись. Неужели и теперь так же расстанемся?

— Я тороплюсь.

— Ну хоть полчаса! Здесь есть кафе. Расскажешь, как жила!

В кафе они сняли пальто, Вера поставила на пол большую сумку. Пили кофе, ели ягодный торт.

— Ты помнишь беседку, где я тебя ждал, и ты принесла мне букет черемухи?

— Хозяйка твоя, тетя Поля, поймала меня на улице и отчитала. Дескать, мужу напишет, что с тобой гуляю.

— А помнишь, как лежали на сене, а ночью гуси летели и гоготали?

— Ты мне все какие-то стихи читал, а мне целоваться хотелось.

Петр Дмитриевич вспоминал, как с Верой лежали на сеновале под крышей, а в ночи, невидимые, летели гусиные стаи, а в стойле вздыхала лошадь, и Вера наутро искала в сене сережку и не могла найти.

Петр Дмитриевич пережил страшную беду, оказался в разорванном мире и сейчас спасался, не отпускал от себя эту женщину. Стремился туда, где был молод и свеж, и красивая женщина любила его, и они шли по пустому шоссе под морозящим дождем, и рядом, на невидимой реке, плыл волшебный огонь, вел их туда, где он остановил ее, сильно привлек к себе, и была холодная лавка, и ее теплые голые ноги, и потом они молча возвращались обратно, и в нем была такая нежность, сила, такое счастье.

— Ах, как хорошо было бы нам оказаться на той дороге, увидеть туманный огонь, — произнес Петр Дмитриевич.

— Хорошо, — сказала Вера.

— Как ты живешь? Муж, дети?

— Муж погиб. Он был военный. Где-то в Чечне. Детей нет. А ты?

— Как перст. Мы с тобой два перста. Наколдовать бы, чтобы все вернулось обратно.

— Я колдунья. Могу попробовать.

— На картах гадаешь?

— Поклоняюсь русским богам.

— Это как же?

— Русские боги. Сварог, Стрибог, Велес, Ярило, Мавка, Берегиня, Домовой, Водяной. Им служу, а они помогают.

— Язычница, что ли?

— Можно и так сказать. Служу русским богам.

— Как же ты служишь?

— Вот ты меня задержал. А я в рощу ехала. Везла богам подарки. Вон сумка полная.

— А где твоя роща?

— Есть березняк под Домодедовом. Сейчас туда поеду.

— Возьми меня!

— Тебе зачем? Ты русских богов не знаешь.

— Я русский, знаю русских богов. Возьми!

— Поедем!

Петру Дмитриевичу было необходимо с ней оставаться. Он боялся ее отпускать. Через двадцать лет, что они не виделись, она появилась в час непомерной беды, словно кто-то вызвал ее из небытия, чтобы он не погиб, не провалился в черный провал. Если она вдруг уйдет, то возникнет провал и он ухнет в мертвую прорубь.

«Русские коды» — это «русские боги». Не уходи, останься со мной», — умолял он беззвучно.

Несколько часов назад женщина, которую любил, которую обрел в скитаниях, в многолетних ожиданиях счастья, эта женщина растерзала в клочья его беззащитную жизнь. И другая женщина, явленная через множество лет, сшивала разорванные лоскуты, возвращая ему целостный мир.

«Русские коды» — это «русские боги». Они, как драгоценные золотые частицы, образуют «Таблицу», превращаются в золотую Богородицу».

Петр Дмитриевич взял на парковке машину, и они с Верой пробирались сквозь чавкающий ревущий город туда, где находилось языческое капище, священная роща, обитель русских богов. Москва понемногу отпускала. Каширское шоссе превращалось в ровный стальной поток. Открывались дали. Становилось видным небо с низкими тучами и серым самолетом. И вот, наконец, потянулись чудесные березняки, мерцающая белизна перелесков с золотыми вершинами, еще в листве, но уже зыбкими, полупрозрачными.

— Осторожно, здесь будет съезд, — предупредила Вера.

Они свернули на узкое шоссе, Вера указала съезд на проселок. Проехали по лужам. В роще проселок исчез среди жухлой травы с редкими, доживающими век геранями, торопящимися доцвести до морозов. Остановили машину и вышли.

— Давай помогу. — Петр Дмитриевич перенял у Веры тяжелую сумку. Шел за ней, чувствуя, как промокают ноги.

Они миновали поле с колючей стерней и вышли к березняку. Небо было серое, угрюмое, но в березняке было так бело, светло, чисто, что казалось, каждый ствол светится, по роще летят чудесные лучи. Далекие леса стояли в угрюмом золоте, а здесь дышало нежное серебро.

— Вот здесь поставь сумку. — Вера остановилась у высокой березы. Ее ствол, совершенно белый, без темных метин, вливался в небо, как ручей света. На вершине еще оставалась золотая листва,

но серебро пролетало сквозь золото, и в небе над березой плавало озеро света.

Вера раскрыла сумку, стала извлекать пластмассовые тарелки, ставила на траву полукругом. На тарелках появились вареная куриная ножка, копченая рыба, хлеб, ломти сыра. Вера насыпала в тарелку ячменное зерно, выложила огурцы, помидоры. Достала из сумки деревянные резные фигурки, пестро раскрашенные. Петр Дмитриевич решил, что эти расписные уродцы и есть русские боги. Не умел определить, кто из них Велес, Сварог или Стрибог.

Ему не были странны эти приготовления. Все, что случилось с ним, было так огромно, сокрушительно, страшно, что уже ничто не могло его поразить. Напротив, отвлекало от ужасного и больного, служило успокоению и исцелению.

Вера скинула пальто, осталась в шерстяном платье, на которое тут же упал и прицепился желтый лист березы. Береза тронула ее, узнала, позвала к себе.

Вера обняла березу, ласкала, вела руками вверх по стволу, будто толкала, устремляла ввысь потоки света, и серебряное озеро над вершиной волновалось, плескалось.

Вера оттолкнулась от ствола, воздела руки и побежала вокруг дерева, издавая булькающие горловые звуки. Ее грузное тело стало легким, прыжки были молодые и длинные, грудь колыхалась, а руки гибко изгибались, как плавники или крылья.

Она кружила, скакала. Пробегая мимо Петра Дмитриевича, подала знак бежать следом. И он, повинувшись, побежал, видя, как подбрасывает она ноги, плещет руками и волосы, растрепавшись, мотаются вокруг головы.

Она загоготала, как гогочут дикие гуси. Петр Дмитриевич вспомнил тот ночной гусиный гогот и загоготал, подражая ей. Они бежали, махали руками, Петру Дмитриевичу казалось, что их руки обрастают перьями, превращаются в крылья и сейчас они взмоют над осенними лесами.

Вера широко развела руки, слабо ими поводила, покачиваясь. Она планировала в потоках воздуха. Стала издавать тонкие надрывные крики, подражая сове. Петр Дмитриевич вторил ей. Они были две совы, совершающие полет вокруг священного дерева.

Петр Дмитриевич священнодействовал. Повиновался Вере, чувствовал спасительную зависимость от нее, боялся отстать, ошибиться.

Вера выла волком, и этот тоскливый вой разносился по березовым рощам. Петр Дмитриевич чувствовал себя осенним зверем, выражал свою неприкаянность, предчувствие близкой зимы, ночных раскаленных звезд тоскливым волчьим завыванием.

Они блеяли овцами, кричали рассерженной кошкой, хрипели диким кабаном. Русские боги принимали их подношения, внимали крикам совы, гусиным гоготам, волчьим воям.

Петр Дмитриевич был оборотнем, обрастал мехом, перьями, чешуей. Ему было чудесно в этом зверином облике. Не хотелось возвращаться в чудовищный мир людей, из которого увела его эта колдунья.

Вера, глубоко дыша, остановилась под березой. Скинула платье. Осталась нагая, с тяжелой грудью, дышащим животом, тяжеловесными бедрами, растрепанная, с листьями в волосах. Петр Дмитриевич обнял ее колени, целовал ее влажные груди, гладил бедра, икры. И вдруг испытал сладостный обморок, мучительное обожание. Хмурое небо над березой просветлело, тучи раздвинулись, далекие леса стали золотыми, сверкающими, как иконостасы, и солнце осветило Веру и Петра Дмитриевича. Она гладила его голову, а он целовал ее пальцы, грудь, березовый листок в ее волосах.

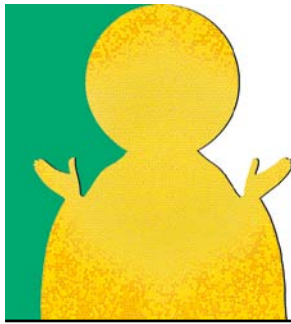
Петр Дмитриевич вдруг испытал тревогу. Обернулся. За березой мелькнул человек. Петр Дмитриевич успел его рассмотреть. На нем была тирольская шапка с пером, клетчатый сюртук и брюки гольф. Такое облачение носят альпийские охотники. Но главное — усы. Темные, вразлет, с загнутыми вверх концами. Это был усач, его неизменный преследователь. Петр Дмитриевич посмотрел в другую сторону. И там появился человек и скрылся за березой. На нем была фуражка с желтым околышком, длинный сюртук с блестящими пуговицами. Он был похож на старинного кондуктора. Усы щеткой накрыли верхнюю губу. И это был усач, неотступный преследователь. Третий усач обнаружился тут же. На нем был картуз, теплый свитер, мягкие усы переходили в бакенбарды.

Петр Дмитриевич опять находился в западне. Другая женщина, вслед за первой, влекла его в погибель.

Петр Дмитриевич оттолкнул Веру, крикнул, как кричит подстреленный заяц, просвистел соловьем, проблеял бекасом и кинулся бежать.

Он бежал по стерне, чувствуя за собой погоню. Вслед ему раздавался сорочий стрекот и визг дикой кошки. Пробежал сквозь кусты, оставляя на ветках часть одежды. Разбрызгивая грязь, пересек промоину, вбежал в рощу, где стоял его автомобиль. Не разбирая дороги, по проселку выехал на асфальт. Влился в ровный поток машин на Каширском шоссе.

Он был изможден. Мир, в котором он жил, был полон вероломства. Мир был сконструирован так, что являл собой западню, куда попал Петр Дмитриевич с «Таблицей Агеева». И быть может, «Таблица Агеева» и была западней, куда его заманили.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Петр Дмитриевич гнал по шоссе, и ему чудился летящий вслед сорочий стрекот и визг дикой кошки.

Он не мог размышлять, не мог объяснить встречу с Верой, с колдуньей и чародейкой. Чей-то изощренный разум и лукавая воля вызвали из прошлого женщину, которая могла утешить его после страшного крушения. В этом крушении он был унижен, разрушен. Женщина завладела его разрушенной душой, убаюкала мифами русских богов и повела в новую западню, из которой он чудом вырвался. Западню сменяла западню, предательство сменялось предательством.

Всеми виной была «Таблица Агеева». Она влекла его в катастрофу. Она приносила несчастье людям, и некоторые уже заплатились жизнью. Обещая чудесное воскрешение, суля божественное преобразование, «Таблица» несла смерть.

Возникла жаркая мысль — избавиться от «Таблицы». Вымолить у Господа, чтобы Он забрал «Таблицу» обратно. Заснуть, и «Таблица» вместе со сновидением покинет его. Или принять рвотное, чтобы «Таблица» вместе с кашлем, слезами и рвотой выпала из него и он ушел от того места, где она осталась лежать под забором.

Или убить себя, прекратить эти страхи, погони. Разогнать машину, врезаться в столб, чтобы вместе с сердцем раскололась «Таблица».

Петр Дмитриевич разогнал машину, обогнав «мерседес». Выбрал столб для удара, но в последний момент отвернул. Увидел разгневанное лицо водителя в «мерседесе».

Он въехал в Москву и бессмысленно кружил, ныряя в туннели, путаясь в развязках. Страшно устал. Поставил машину на парковке и осмотрелся. Он находился у метро «Баррикадная», вышел и побрел туда, где за деревьями возвышался Дом правительства, Белый дом, или Дом Советов, слишком хорошо знакомый ему по восстанию 93 года.

Он брел по парку, по мокрым листьям и видел огромный голубоватый фасад того мертвенного лунного света, который обрел Дом после массовых убийств. В те крошечные юные годы здесь

ревела толпа. На балкон выходили возбужденные и восхищенные люди, читали стихи, пели песни, говорили о свободе и народной победе. А потом грохотали танки, болванки ломали бетонные стены, десантники, прячась за броней, готовились к штурму, и Петр Дмитриевич, молодой баррикадник, вносил в вестибюль раненного в живот казака, а тот стонал: «Больно! Как больно, братцы!»

Теперь Петр Дмитриевич подходил к Белому дому и все в нем начинало болеть, кричало, ненавидело. Ничто не уснуло, не забылось, требовало продолжения.

Белый дом был обнесен оградой, рядами острокопечных пик, на которые, как показалось Петру Дмитриевичу, были насажены головы баррикадников.

Тут же под сенью деревьев находился памятник тем кровавым дням. Большой деревянный крест с грубой резьбой и тусклой лампадкой был поставлен православными, совершавшими свое поминовение. Малый фрагмент баррикады с торчащей арматурой и зубчатой спиралью Бруно — дело рук коммунистов, которые здесь в последний раз сражались за Советский Союз. И высокое, начинавшее сохнуть дерево с язычковыми ленточками на ветвях. В дни памяти на нем висели три флага — советский, Андреевский и черно-золотой, имперский.

Петр Дмитриевич приложился к кресту, поминная баррикадников. Тронул железную арматуру и коснулся акульих зубов колючей спирали. Пошел к дереву. Прижался лбом к сырому стволу и замер. Не вспоминал, а просто сказал дереву, что пришел.

Кто-то тронул его за плечо. Петр Дмитриевич оглянулся. Это был человек, сутулый, стареющий. С лицом темным, какое бывает у шахтеров, но не суровым, а печальным и добрым.

— Пришел помянуть? Из наших?

— Давно тут не был.

— Одни забывают или помирают. А других тянет, приходят.

— Ты где стоял?

— А везде. Сперва на баррикаде, а началось, в дом перешел. А ты где? Вроде я тебя помню. Не с казаком ли Морозом?

— Нет.

— Союз офицеров? Терехов?

— Нет.

— Баркашовцы?

— Нет.

— Марковцы? Добровольческий полк?

— Я с приднестровцами. Один ручной пулемет на всех. А потом перевели в группу «Север». Там вообще три автомата, все укороченные.

— Да уж, они нас из танков, а мы АКСУ против них. Такая война. Поубивали нас.

— Мы-то остались. Помним.

— Их потом Бог стал прибирать. Ельцину бычьё сердце поставили. Он, как бык, ревел и помер. Танкисты, какие по нам стреляли, все в Чечне сгорели. Генерал Романов, который на стадионе наших расстреливал, в Грозном на фугасе взорвался. Теперь как овощ.

— Наши больше легло. Одних нашли, другие пропали без вести. Помнишь парня? Кукушкой звали. Взял икону, пошел на танк, а его нехристи из пулемета скосили. Пропал Кукушка.

— Ой ли? А может, и не пропал?

— Ты где его видел?

— А ты сюда посмотри! — Человек, стоящий перед Петром Дмитриевичем, приблизил лицо, повернулся в профиль, сначала одной стороной, потом другой. — Не узнаешь? Я Кукушка!

— Да как же! Ты же плясал, кренделя выделывал. Кукушкой кричал! У тебя на голове хохолок был, птичий!

Человек стянул картуз. Показал лысину.

— Хохолок слинял, а кукушкой могу кричать.

— Он звонко, чисто, будто в весеннем гулком лесу, прокричал кукушкой.

Петр Дмитриевич тихо ахнул, задрожал от рыданий. Они обнялись и стояли под вешим деревом. Моросило темное небо. Присели на лавочку у креста.

— Как же ты выжил, Кукушка? Я тебя всегда поминаю.

— А как выжил? Чудом! А как еще?

Они сидели, прижавшись боками, два белодомовца, которых таинственный вихрь вынес из пожара, носил по миру, и судьбе было угодно, чтобы они повидались под вешим деревом, которое их позвало к себе.

— А люди думали, что ты погиб. А ты вот он, живой. Что с тобой вышло?

Кукушка не сразу ответил. Будто оглядел всю случившуюся с ним жизнь, с минуты, когда танки подпрыгивали на мосту с каждым выстрелом и в стене огромного дома взбухал взрыв.

— Думаю, кто же вы там, танкисты, сидите? Не русские? Или не мать вас родила? Взял икону Пресвятой Богородицы и пошел. Иду к мосту,

пули свистят, а ни одна не попадает. Вижу, один танк пушку на меня наводит, сейчас стрельнет. Я взмолился: «Пресвятая Богородица, сохрани!» Вижу, снаряд из танка в меня летит, прямо в лоб. А икона вверх поднялась и понесла меня. Помню мост над рекой, танки, Дом Советов горит, а потом ничего не помню. Очнулся в лесу. Тихо, мягко, лежу на земле под деревьями. В руках икона, а кругом грибы растут. Подосиновики, такие ядреные, с красными головами. Что за чудо! Я пиджак снял, грибов наложил, икону под мышкой держу, иду по дорожке. Дорожка меня к дому вывела, в котором беспризорники жили, к детскому дому. Я заведующего вызвал, отдал грибы, а он спрашивает, могу ли я им кое-чем подсобить. Я плотник. Остался у них в детдоме, крыльцо отремонтировал, терраску, ребятки ко мне привязались, так я у них на три года задержался. Икона меня сподобила.

Кукушка улыбался. Воспоминания были приятные.

— Пожил и дальше пошел. Познакомился с одной матушкой, ну то есть с монахиней. Ей поручили обитель восстанавливать. Одни камни в степи. Одни могилы. Я принял от нее послушание. Начал с другим мужиком, который глухой был, камни разгрести, келью строить. А там, надо сказать, много змей было. Камень отвернешь, а там змея. Но не кусалась. Так я в этой обители еще три года прожил, пока первую часовню не освятили. Это я Пресвятой Богородице долг отдавал за то, что меня сберегла. Там, в обители, икону и оставил.

Кукушка улыбался. Воспоминания грели душу.

— В лесхозе работал. Ну эти саженцы, елочки всякие, дубки на горях высаживал. И не просто в землю тыкал, а с умыслом. Один саженец Руцкой. Другой Хасбулатов. Третий Макашов. Четвертый Ачалов. Пятый Баркашов. Пусть рядом растут, вспоминают, как что было. Что так, что не так. Лес посадил, должно, на деревьях моих птицы гнезда вьют.

Кукушка после чудесного избавления проживал свою жизнь осмысленно, старался исправить случившиеся в этой жизни поломки. Ту огромную поломку в центре Москвы с горящим Домом Советов нельзя было исправить. Но исправлять поломки поменьше было под силу Кукушке, и он, как мог, устранял нестроения русской жизни.

— Пришлось посидеть два года за драку. Одному коммерсанту морду набил. Ничего, отсидел. Два года брезентовые рукавицы шил. Полезное дело. Шью, а сам думаю: сварщику какому-нибудь польза от меня будет. Или каменщику. Или рыбаку на промысле. А может, кто-то из наших, из баррикадников, эти рукавицы получит, и они ему руки защитят от царапин.

Кукушка довольно хмыкнул. Его жизнь была служением. Он служил, стараясь облегчить трудности, выпадающие на долю людей. Своих трудностей он не замечал. Он перелетел на иконе Пресвятой Богородицы через горящую Москву, опустился в грибном лесу и с тех пор перелетал с места на место, находясь в услужении у людей.

— А теперь? — спросил Петр Дмитриевич. — Теперь чем живешь?

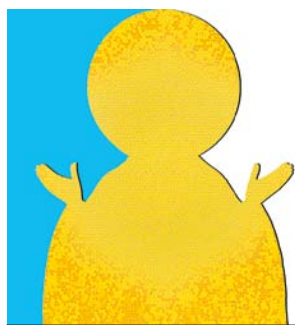
— Теперь это место берегу. Народный сторож. Лампадку зажгу. Земельку подмету. Народ приходит, я ему все расскажу по порядку. Фотографии показываю. Цветы положу у баррикады. Служитель я.

Сидели бок о бок. Было им хорошо. Петр Дмитриевич устыдился недавней слабости, когда хотел уничтожить «Таблицу». Он будет беречь «Таблицу» до тех дней, когда придут сюда торжествующие толпы, и чудо Пресвятой Богородицы повторится. Никто не убит. Все живы и любят друг друга.

— Ну я пошел, — сказал Петр Дмитриевич, вставая.

— Приходи еще. Я всегда рядом, — ответил Кукушка.

Они обнялись. «Таблица Агеева» пополнилась еще одним «русским кодом» — «кодом служения». Петр Дмитриевич удалялся, и вслед ему кричала кукушка, суля долголетие.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В друг за ночь все высохло. И земля, вчера еще черная, липкая, стала седая, как сталь. Лужи покрылись сизым льдом, в них были вморожены пузыри воздуха, опавшие листья. Петр Дмитриевич не мог себе отказать и топтал лед, слушал хруст, хлюп воды. Вернулось чудесное ощущение детства, и он искал новую лужу, предвкушая хруст льда под каблуком.

Петр Дмитриевич поднял кленовый лист. Весь в инее, серебристый, он охлаждал губы. От дыхания иней таял, лист становился золотым. Петр Дмитриевич подумал, что это тот самый лист, который упал с ветки на руку Ирины и она поцеловала его. И внезапно появились такая боль, такое смятение, такое желание увидеть Ирину, целующую резной желтый лист. Петр Дмитриевич понял, что все это время думал об Ирине, тосковал без нее, любил.

Зима наступала не сразу, а играючи. То начинала сыпать снегом, выбеливая землю, пронизывая метелью прозрачные вершины берез и застревая в густой хвое сосен. То вдруг налетит оттепель, и земля неохотно совлекает белые облачения, оставаясь в черной неприглядной наготе. А то вдруг так повалит, что ветки согнутся под сырыми комьями и все начинает благоухать влажной корой, снегом, близким небом, и такого запаха нет нигде в мире, кроме как в ноябре в России.

Петр Дмитриевич тосковал по Ирине. Подходил к деревьям, которые помнили Ирину, и те будто спрашивали, почему она вновь не приходит.

Во время оттепели, когда навалило снегу, Петр Дмитриевич слепил снеговик. Обжигая руки, катал снежные шары. Ставил один на другой. Из кленовых листьев смастерил венец. Скомкал снежки и прилепил груди. Из дома принес медальон с ее портретом, повесил на грудь. Целовал медальон и два снежка, словно целовал ее груди и чувствовал, как любит ее, как ее не хватает.

Несколько раз порывался звонить, но тут же просыпался ужас, мерещились черные провалы, куда он падал после ее жуткого признания, и он откладывал телефон.

Он вспоминал чудесную ночь, когда она превращалась в античную вазу, а потом ложилась на

него, как в лодку, и они плыли по волнам летней московской ночи.

Его желание видеть Ирину было столь велико, что он прокрадывался вечерами к ее дому мимо ампириного особняка с мерзкими овчарками и смотрел на ее окно, не мелькнет ли любимая тень. А однажды подкараулил ее, выходящую из дома. Мела метель, Ирина была в короткой шубке, без шапки, в шерстяном розовом шарфе. Петр Дмитриевич видел, как набивается снег в ее волосы. Уже хотел броситься к ней, но подкатило такси, Ирина села, и ее унесло, а Петр Дмитриевич стоял с разведенными руками, словно выпустил птицу, и чувствовал себя таким обездоленным.

Через несколько дней он получил сообщение, что его желает видеть в Кремле президент. Эта новость была ошеломляющая. Русская Мечта, еще недавно казавшаяся курьезом ничтожных провинциальных изданий, забавой мелкотравчатых развлекательных шоу, Русская Мечта вызывала интерес у влиятельных предпринимателей, таких как Проклов, у высших чиновников, как председатель Думы Вадим Илларионович Крамской, а теперь у самого президента России Сергея Трифоновича Младороссова.

Через несколько дней машина, пахнувшая благовониями, с молодеватым, офицерского вида, шофером привезла его в Кремль.

Постовой у Троицкой башни отдал честь, и это свидетельство почета предназначалось Петру Дмитриевичу. Заснеженная Ивановская площадь, по которой сделала круг машина, казалась воплощением могучей красоты, от которой дух сладко замирал, а память, казалось, помнила все величие русской истории, делая Петра Дмитриевича ее творцом и участником. Промелькнули соборы и колокольни. Машина остановилась у дворца. Перед входом его уже ждали.

Проверка документов. Проход через металлоискатель. Подъем в зеркальном лифте. Движение по коридору, где в нишах через каждые пятьдесят шагов располагался пост охраны. И вот Петр Дмитриевич в приемной с золочеными дверями и резным двуглавым орлом.

— Вас пригласят, — произнес секретарь и скрылся, оставив Петра Дмитриевича волноваться и ждать.

За золоченой дверью было тихо, но эта тишина казалась наполненной, грозной, дышащей.

Появился секретарь:

— Президент вас ждет, Петр Дмитриевич.

Золоченая дверь отворилась, и он вошел в кабинет.

В кабинете не было величия, но присутствовало все, что помогало работать. Стол с аккуратными стопками документов. Хрустальная чернильница с пером, которое, видимо, летало в руках президента, нанося росчерки под документами. Стол, заставленный белыми, из слоновой кости, телефонами, которые строго молчали, но таили в себе голоса министров, губернаторов, иноземных президентов. Флаг России и Президентский штандарт, как два крыла разноцветной бабочки, на которую походил сидящий между ними президент.

Все это заметил Петр Дмитриевич позже, когда прошла первая минута его встречи с президентом. Петр Дмитриевич ожидал увидеть повелителя, исполненного достоинства, милостиво снисходящего до малых мира сего. Но увидел милого улыбающегося человека, который заждался желанного гостя и теперь открыто радовался его появлению.

Сергей Трифионович Младороссов был уютный, полный, с мягким округлым лицом, которое украшала светлая бородка, какие носили чеховские персонажи — врачи, учителя, земские чиновники. Его каштановые волосы были слегка всклокочены. Видимо, принимая решение или подписывая документ, президент ерошил волосы.

Увидев Петра Дмитриевича, президент вышел из-за рабочего стола и сел за маленький уютный столик, указав Петру Дмитриевичу место напротив. И так мило, так радушно, так по-домашнему улыбнулся, что Петр Дмитриевич почувствовал себя легко, свободно, испытывая к хозяину сначала благодарность, а потом обожание, желание быть рядом, слушать его указания, которые имели вид осторожных просьб и вкрадчивых убеждений.

— Председатель Государственной думы Вадим Илларионович Крамской сообщил, что вы, Петр Дмитриевич, являетесь автором оригинального вероучения Русской Мечты. Вы владеете кодами, с помощью которых народ достигает Мечты. Не могли бы вы подробнее рассказать об этом? — Было видно, что президент крайне заинтересован в теме. Председатель Думы расписал президенту чудеса «Таблицы Агеева».

— У русского народа есть Мечта. Она о праведном государстве, эскизом которого является Царствие Небесное. В этом царстве нет насилия, нет смерти, нет убийства птицы или цветка. Чтобы

достичь благодатного Царствия, народ совершает усилия. Это «русские коды». «Таблица», которой я владею, определяет порядок кодов, которые включаются в работу по мере приближения Царствия. — Петр Дмитриевич излагал свою теорию простым языком, как если бы его слушал не многоопытный Президент, а пытливый ученик. Так Петр Великий на Архангельской верфи слушал поморского шкипера. Так Сталин, отложив Политбюро, рассматривал чертеж скорострельной пушки.

— Вы сказали, Петр Дмитриевич, что коды следует вводить в определенном порядке. В том, в каком они закреплены в «Таблице». А если целью будет не Царствие, а нечто другое? Как сработают коды?

— Если вместо Мечты, вместо Царствия будет предложена народу ложная задача и на ее выполнение будут направлены коды, то произойдет катастрофа. Коды родят Пугачева, родят революцию. «Таблица» взорвется, как реактор Чернобыля, и государство погибнет.

Президент задумался. Рассеянно взял ручку и прямо на столе нарисовал шишку, а рядом дрозда, держащего в клюве гроздь рябины. Петр Дмитриевич не удивился. Это была тайнопись, которой владели самые посвященные чины государства. Дрозд с рябиновой гроздью, возможно, изображал Пугачева.

— Я строил государство Российское в страшных условиях, среди кавказских войн, террористических актов, ползучих суверенитетов. Строил из подсобных материалов, что попадались под руку. Построил государство и защитил его. Мы создали могучую армию, самое мощное в мире оружие. Я вернул Россию в центр мировой политики, вернул ее на Ближний Восток. Теперь мы должны заняться возрождением исконной России. Мы должны построить новые прекрасные города, невиданные заводы и университеты. У нас должны быть лучшее в мире образование и медицина. Появятся многодетные семьи. Предстоит огромный, рассчитанный на десятилетия проект. Но как мы его затеем? Народ потерял Мечту! Как вернуть народу Мечту? — Президент был возбужден. Он был погружен в проект, о котором поведал Петру Дмитриевичу. С этим проектом он должен войти в историю. Начертать свое имя на скрижалях русской истории рядом с Владимиром Святым, Иваном Васильевичем Грозным, Петром Великим и Иосифом Сталиным. Рядом с этими громогласными именами должно появиться имя Сергея Трифионовича Младороссова.

Петр Дмитриевич ловил мысль президента, был восхищен, благодарен ему за эти откровения. Президент делал Петра Дмитриевича соучастником великого проекта, и Петр Дмитриевич был готов служить, помогать любимому президенту.

— Мы вернем народу Мечту, Сергей Трифионович! Русский народ мечтатель. Он не забыл своей Мечты!

— Но как мы ее вернем?

— В вашем проекте будут отдельные программы, на которых мы сосредоточим внимание. Например, «Космос Русской Мечты». Мы напомним народу, что в основе космических полетов лежала идея космиста Николая Федорова воскресить все умершие поколения людей, победить смерть, а воскрешенное человечество на ракетах Циолковского расселить по другим планетам. Мы напомним, что человечество в небе искало Божественное царство, что стремление в небо — это поиск Рая. Что осетинские пироги изображают землю, луну и солнце, и каждый испеченный осетинский пирог — это выход в открытый космос. Марийские волхвы, восхваляющие ветер, солнечный свет, лунную тень, — это космонавты, летящие в мироздании. А стих Лермонтова «Спит земля в сиянье голубом» был написан, когда он облетал Землю на космическом корабле. Пусть каждая взлетающая с космодрома ракета будет полетом русского народа в бессмертие!

Президент Сергей Трифионович Младороссов был взволнован. Продолжал писать чернилами на столе. Не закончив один рисунок, переходил к другому. Там были изображения овощей, таких как огурец или морковь, причем морковь, по-видимому, изображала ракету. Электрический чайник «Тефаль» был космистом Федоровым, а гребень для волос — Циолковским. Президент умоляющим взглядом просил Петра Дмитриевича говорить медленнее, чтобы рисунки успевали за рассказом Петра Дмитриевича. Но тот, увлеченный, не мог остановиться, создавая тем самым неудобство президенту.

— Вторая программа — «Атом Русской Мечты»! Не забудем, что советская атомная бомба создавалась в Сарове, в развалинах монастыря,

где подвизался Серафим Саровский. И хотя кельи монастыря были разгромлены, а монахи расстреляны, сам преподобный Серафим духовно руководил сталинским атомным проектом, не позволил американцам разбомбить СССР. Поэтому сталинскую бомбу называют «православной бомбой», а среди руководителей проекта Келдыша, Курчатова, Королева называют Серафима Саровского!

Бомба изображалась ананасом. Серафим Саровский был рыбой. Три помидора были столь похожи один на другой, что Петр Дмитриевич не мог понять, кто из них был Курчатова, Келдыш и Королев.

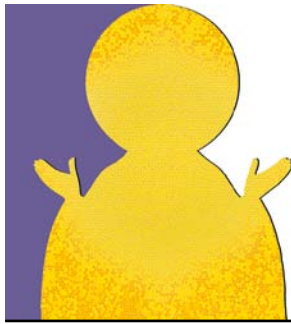
— Есть множество других программ, возвращающих народу Мечту. «Армия Русской Мечты». «Город Русской Мечты». «Арктика Русской Мечты». «Херсонес Русской Мечты». Отдельная, быть может, самая важная программа «Лидер Русской Мечты».

— И каким же, по-вашему, Петр Дмитриевич, должен быть «Лидер Русской Мечты»? — спросил президент, откладывая ручку.

— Он должен верить в Мечту. Направлять к ней народ, используя весь драгоценный арсенал «русских кодов» «Таблицы Агеева». При этом он должен любить народ и бояться Бога!

— Великолепно! — воскликнул президент. Схватил ручку и нарисовал графин. Петр Дмитриевич понял, что это был автопортрет, который обладал странным сходством с оригиналом. — Признателен вам, Петр Дмитриевич, за содержательный разговор. Нам следует создать лабораторию, а потом, быть может, институт для продвижения ваших идей. Для вас дверь в мой кабинет всегда открыта.

Они расстались. Двигаясь по кремлевскому коридору, Петр Дмитриевич думал: какое счастье быть соратником великого человека, отдать все свои таланты служению президенту и благословенной Родине.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Москву завалило снегом, и она барахталась в сугробах. Машины выезжали из дворов неохотно, горбатые, вывозили на капотах и крышах белые горы. По улицам стадами двигались снегоуборочные грузовики, сдерживая торопящийся злой поток. Светофоры беспомощно переключали красные и зеленые рыльца, замутненные снегом. У памятников на головы были нахлобучены белые папахи, словно городские власти выдали им всем одинаковые безразмерные шапки. Прохожие шли, отворачиваясь от ветра, и на бровях и ресницах женщин таял снег.

Петр Дмитриевич боролся со снегопадом один, среди деревьев, опустивших ветки под тяжестью снега. Снег лег ровно, без бугорков, сровняв клумбы, могилку кота Кузьмича, забытое полешко.

Петр Дмитриевич орудовал лопатой, задыхаясь, краснолицый, расценивая свою работу, как сражение, борьбу за выживание, прорубал проходы от крыльца до калитки, от машины до ворот. В своей работе он находил что-то богатырское, удалое, возможное только на Руси. И какое счастье было увидеть на снегу оранжевую корку мандарина, а в магазине на прилавке коробку елочных игрушек — хрупкие восхитительные шары, звезды, стеклянные пики, фиолетовые, серебряные, алые. И такое умиление, нежность, незабываемое детское чудо.

И все это время, каждое мгновение, он думал о Ирине. Он ее любил все нежнее, мучительнее, винил себя, больше не находил ее вины, а только свою. Свою черствость, себялюбие, истеричность, неумение понять, что значило для нее это признание, что побудило ее это сделать, какая самоотверженность, какая любовь, какая вера, что будет понята, прощена и их любовь одолеет всю скверну и тьму.

Двигался ли по Москве, или работал дома, или наносил визиты, каждый из которых был важнее другого, он думал о Ирине, хотел ей звонить, не решался. Горько откладывал телефон.

Он зашел перекусить в ресторан Дома литераторов. Не в тот знаменитый на всю Москву клуб, где бурлила яростная литературная братия, под общим сводом дубового зала сходились диссиденты,

сторонники власти, печально-раздражительные поклонники Трифонова, рыдающие и дерущиеся «деревенщики». Того Дома литераторов больше не было. Дубовым залом владели уважаемые бандиты, и туда больше не было хода обедневшим писателям. Вражда и ненависть литературных направлений привела их к обоюдному истреблению. Крупные писатели советской поры поумирали или выродились и уже не заходили в обмельчавший клуб. А новая поросль литераторов предпочитала встречаться в других ресторанах, которых развелось в несусветном количестве.

Петр Дмитриевич зашел сюда, но не в дубовый аристократический зал, а в ресторан поскромнее, попроще, хотя и обладавший хорошей кухней. За соседним столиком восседал знаменитый либеральный поэт Дмитрий Быков. У него полностью отсутствовала шея, и он поворачивался к собеседнику всем своим тучным телом. Черные кудряшки, всегда почему-то потные, прилипли ко лбу. Он был окружен почитателями и что-то рассказывал про Франкфуртскую книжную ярмарку, громко повторяя:

— Мандельштама, чтобы понять, нужно рассматривать в ультрафиолетовых лучах.

Через ресторанный зал проходил режиссер Никита Михалков, пышные усы, зоркие смешливые глаза, пальцы, усыпанные перстнями. Увидев Дмитрия Быкова, своего давнего противника, которого не раз прилюдно в телепередачах именовал самыми низменными, почти собачьими кличками, Михалков не прошел мимо, радостно кинулся к Дмитрию Быкову, заключил в объятия:

— Гениальный стих! «Наш президент — мышонок тонкохвостый!» Это гениально! Позвони как-нибудь! — и, блестя перстнями, Михалков прошел в дубовый зал, где его ожидал продюсер из Голливуда.

Дмитрий Быков стер со щеки слюну поцелуя и повторил:

— Мандельштама, чтобы понять, нужно рассматривать в ультрафиолетовых лучах!

Петр Дмитриевич заказал стейк, бокал вина. Приготовился есть и вдруг бессильно опустил приборы. Он подумал о Ирине и почувствовал, что если не увидит ее, то упадет без сил, зарыдает, совершит безумное деяние, после которого ничего невозможно будет исправить. Он схватил телефон и позвонил:

— Я не могу без тебя! Каждую секунду! Каждый шаг! Просыпаюсь ночью! Мерещишься на улице, и я иду и вижу: это другая женщина! Приезжай! Сейчас! Приходи!

— Ты простил меня? Я гадкая, я скверная. Ты меня презираешь?

— Я люблю тебя! Все эти дни, что не видел тебя. Такая глупость! Столько потеряно дней, часов, минут, секунд! Все это время мы могли быть вместе!

— Я вся высохла. Ты меня не узнаешь. Я каждый день хожу в церковь, прошу Богородицу простить меня!

— Приходи сейчас же! Это близко!

Он отложил телефон, и у него задрожали руки. Давнишний афганский взрыв накатил на него, и он не мог поймать свои пальцы. Бил ими о край стола, умеряя дрожь болью.

Ирина вошла и некоторое время от порога искала его. И он несколько секунд мог наблюдать ее. Видел, как она похудела, как испуганно сжаты ее губы, как ссутулились ее плечи. И такая была в нем боль, любовь, жалость, вина, такое обожание и ликование, что он поднялся, пошел к ней, обнял, вдыхая запах московского снега, который таял в ее волосах, чудесный аромат ее любимых духов. Пушистая мягкость бровей, которые он теперь целовал не во сне. Это чудесное место на ее переносице, которого он касался губами, и руки, обнимавшие ее, продолжали дрожать.

— Не будем о худом, об ужасном! Только чудесное! Ты со мной! Ты знаешь, деревья скучают, упрекают меня: где Ирина? Ты нас познакомил, мы ее полюбили. Поедем ко мне, я покажу тебя деревьям, и они успокоятся!

— Поедем, — соглашалась она, и он видел, что на глазах ее слезы.

— Ты знаешь, здесь такие события! Сам президент меня пригласил. Предложил сотрудничество. Он очень глубокий обаятельный человек. К тому же хороший художник. Нарисовал автопортрет в виде графина. Много общего. Психологическое сходство!

— Не понимаю, что говоришь, мой любимый.

— У нас будет своя лаборатория, может, институт. Мы сможем вместе работать.

— Но ведь кругом столько опасностей, столько врагов! Они взяли нас с тобою в кольцо!

— Они жалкие ничтожные трусы. За нами мощь государства!

— Я сказала Фадею Аристарховичу, что больше не могу, что все тебе рассказала. Он кричал, топал ногами, сказал, что я предала корпорацию и он меня убьет. А потом он исчез со своими усачами, должно быть, уехал в Америку. Но он вернется. Он страшный человек!

— Мы скроемся от него. Скроемся ото всех. От президента, от депутатов, от журналистов. Я знаю место, где нас никто не найдет.

— Это где?

— В Якутии, на Лене, у самого океана. Там есть приток. Чистейшая вода и скалы. Как страницы каменной книги. И на них письма на древнем, уже не существующем языке. Господь сотворил землю, и сотворил этот язык, и на нем написал всю судьбу человечества. Там, у этих скал, есть избушка. Печь, лежанка, стол, оконце. Будем там жить. Летом я стану ловить рыбу, скольких серебряных ленков, а ты будешь вялить, готовить на зиму. Грибы, ягоды, кедровые орехи. Я стану охотиться. Зимой стужа страшная, скалы поют, с них падают камни. И звезды, огненные, жгучие, страшные. Посмотрим на звезды, околеем — и в избу. Печь, жар. Ты на лежанке под ворохом одеял, и я к тебе пробираюсь. Лежим в полярной ночи, огоньки по стенам бегают. Снаружи вой, стук камней, а я тебя обнимаю, целую твою грудь, брови, и знает о нас только один Господь, он уже написал о нас в Своей книге.

— Такое возможно?

Он держал ее руки в своих руках, и в них больше не было дрожи.

Встал и куда-то важно прошествовал поэт Дмитрий Быков, окруженный обожателями. Несколько раз туда и обратно пробежал режиссер Михалков, растопырив пальцы, сверкая перстнями.

— Почему мы здесь сидим? Пойдем к тебе. Хочу увидеть твоё ночное зеркало и как в нем появляется античная ваза!

— Поедем. Только просьба. Давай прокатимся по Тверской. На ней уже поставили елки. Полюбуемся на елки?

— Конечно!

Они вышли из ресторана, сели в машину и покатались по Тверской, великолепной в этот снежный вечерний час. Улица блистала предновогодней роскошью. Бриллианты высыпали из витрин и повисли на люстрах, деревьях, бесчисленных экипажах, сверкающих в легкой пурге.

У Белорусского вокзала стояла царственная ель, вся увешанная темно-лиловыми шарами, в которых переливалась площадь, и казалось, дышит шелками, переливается драгоценностями кринолин блистательной дамы.

— Она похожа на императрицу Елизавету Петровну! — восхищалась Ирина, провожая про-

плывающую ель, которая словно поворачивается на каблучках.

На площади Маяковского ель была шире, дороже. Под тяжелой парчой угадывалось сильное зрелое тело. Ель поводила плечами, вся усыпанная аметистами, увенчанная жемчужной короной.

— Не правда ли, она похожа на Екатерину Великую? — Ирина восхищалась императрицей, и Петр Дмитриевич был рад этому наивному обожанию, которое отвлекало ее от темных воспоминаний.

Елка у Пушкинской площади была в белых кружевах с бриллиантовыми подвесками, и, конечно же, она была Натальей Гончаровой. В прозрачной метели она кружилась перед Пушкиным, а тот печально, влюбленно смотрел на ее пленительный вальс.

Елка у Юрия Долгорукова была Анной Ахматовой, черно-бархатная, в серебре, с алым веером и хрустальным бокалом, в котором плескалось гранатовое вино.

Елка на Манежной с вихрями машин, в стеклянных бусах, всплескивала ветвями при каждом проносящемся автомобиле, была наречена Мариной Цветаевой. Ирина успела прочитать цветаевский стих, когда они вылетели к Лубянке. И елка в карусели машин своей изумрудной и золотой красотой заставляла кружить замороженные автомобили, не отпускала их от себя. И казалось, Москва нашла свою ось и вращается вокруг прекрасного дерева своими дворцами, куполами и шпилями.

— А это кто? — спросила Ирина.

— Это ты, моя любовь! Моя царственная, ненаглядная!

Ирина поцеловала его, и он видел ее счастливое, озаренное огнями лицо.

Они оставили машину на парковке и пробирались дворами, в которых сугробы поглотили детские лесенки и качели.

Из-за темных фасадов появился знакомый особняк. Он был особенно хорош среди блестящего снега, с янтарным фасадом, чугунным крыльцом и железной изгородью. Он напоминал старомосковские усадьбы, у которых дожидался извозчик с каретой. На крыльце появляются гости, запахивая тяжелые шубы.

Петр Дмитриевич и Ирина проходили мимо особняка. И вдруг из открытых ворот с ревом и хрипом бросились две овчарки. Петр Дмитриевич видел, как одна собака сбила Ирину на снег, возилась на ней, рвала. Ирина кричала, защищалась руками. Вторая овчарка литым ударом кинулась Петру Дмитриевичу на грудь. Он видел близко огромные блестящие зубы, розовые десны, мокрый язык. Собака хрипела, подбираясь к горлу. Петр Дмитриевич сбрасывал с себя зверя, стремился

на помощь Ирине. Но овчарка вгрызалась ему в плечо, локоть, грудь, стремилась к горлу. Он кричал, отбивал собаку. Второй пес урчал, теребил лежащую на снегу Ирину. Петр Дмитриевич изнемогал. Слышал крики, видел бегущих из особняка людей. Падал, заслонял локтем горло, а локоть прогрызала до костей собака.

Петр Дмитриевич потерял сознание и очнулся в больничной палате, весь в бинтах и гипсе, под капельницей. К нему склонился врач в белом колпаке:

— Как вы?

— Что с женщиной? Где она?

— Спасти не удалось.

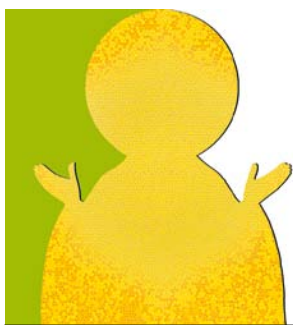
Петр Дмитриевич снова потерял сознание.

Его излечение в больнице проходило медленно. Укусов было множество. Некоторые кости имели трещины. Особенно глубокие раны были на груди. Собака прогрызала грудь, добираясь до сердца. Хотела вырвать «Таблицу». Петр Дмитриевич не сомневался, что все это зверство устроил Фадей. Петр Дмитриевич с Ириной любовались елкой Натальей Гончаровой, а Фадей держал на поводке собак. Любовались елкой Анной Ахматовой, а Фадей снимал с ворот замок. Петр Дмитриевич восхищался царственной елкой на Лубянке, а Фадей подводил собак к раскрытым воротам. А потом Фадей исчез. Все думали, что он уехал в Америку, а он спрятался в метеорит, в свой космический дом, в обитель «черного Космоса». И собаки были животными «черного Космоса», из «созвездия псов». Совершили в Москве свое зверство и улетели обратно на небо, улеглись среди звезд.

Петр Дмитриевич корил себя за то, что вызвал Ирину из дома и тем самым отдал на растерзание собакам.

К нему в больницу приходили какие-то следователи, о чем-то спрашивали, что-то записывали. Когда Петр Дмитриевич начал понемногу вставать, он хотел разузнать, где похоронили Ирину. Он не имел связи с ее родственниками, не знал, были эти родственники на похоронах. Узнал, что ее похоронили на Домодедовском кладбище. Отправился туда искать могилу. Кладбище было огромное, до горизонта. Мела метель. Все туманилось. Сливались одна с другой могилы, памятники, ограды. До горизонта под снегом лежал народ, дожидаясь, когда сбудется предсказание космиста Федорова и все это множество воскреснет и на ракетах Циолковского улетит на другие планеты.

Не найдя могилы, Петр Дмитриевич вернулся домой. Он затих, замер. Надел на себя медальон с портретом Ирины и целыми днями лежал без мыслей, без чувств, слыша, как слабо ноет рана в груди. Не знал, есть ли под сердцем «Таблица», или ее унесли в «созвездие псов».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Петр Дмитриевич жил в сумерках, словно ему на глаза накинули дымчатую кисею, через которую проходил тусклый свет и были видны не предметы, а их тени, не мысли, а тени мыслей. Но вдруг появились сосульки. На крыше образовалась и росла с каждым днем стеклянная гребенка. Волнистые, разной длины, с опасными острями, они наращивали по капле свою длину. И в них сверкало солнце. Сверкало так ослепительно, с радужными переливами, как великолепное светило. Серая кисея не могла затмить этот весенний ликующий свет.

Петр Дмитриевич подходил к сосулькам, сжимал веки, превращая гребень в огненный белый шар, от которого летели перламутровые хвосты. Сосульки превращались в павлина, сидевшего на крыше дома. Петр Дмитриевич играл с павлином, превращал его в радужный крест, в летящую комету, в хрустальный бокал, полный разноцветного вина.

Березы, еще неживые и голые, вдруг стали ярко-серебряными, и этот сияющий свет стволов будил Петра Дмитриевича по утрам. А днем в вершинах берез скапливалась такая синева, такой густоты, такой неземной силы, до черноты, что начинала кружиться голова, и близился обморок.

Деревья, еще недавно полные снега, сожгли его в своих ветвях, стояли сухие, коричневые, горячие, и на снегу вокруг стволов образовались лунки.

Прилетела сойка, синяя, трескучая, беспокойная, торопилась сообщить Петру Дмитриевичу важную новость. А он и сам знал новость — пришла весна.

Снег сходил бурно. Под ветками сосны открылась земля и показались кудрявые головки синих гиацинтов, бело-розовые крокусы. И наконец, ожидаемая Петром Дмитриевичем над снегами пролетела шальная бабочка-лимонница.

Петр Дмитриевич был подранок. Он знал, что ему никогда не выздороветь. Медальон с портретом Ирины был всегда на нем и причинял боль, которой он дорожил и от которой не хотел отказываться. Но как надрубленное дерево склоняет к земле черные бесплодные ветки, а другие, уцелевшие, полны соков и завязей, так и Петр Дмитриевич встречал весну, радуясь сосулькам, сойке и бабочке.

В конце апреля к нему явился фельдъегерь и доставил приглашение Президента России Сергея Трифоновича Младороссова присутствовать на Параде Победы на Красной площади. Приглашение удивило и обрадовало Петра Дмитриевича. О нем помнили, его звали.

Он готовился. Приводил в порядок костюм, отдал в прачечную рубахи, наводил лоск на не слишком новые туфли. Утренняя Москва, по которой он ехал в Кремль, казалась просторной, озаренной и румяной, как лицо, получившее утренний свежий загар. Люди были приветливы, повсюду блестели ордена, постовые отдавали честь.

Петр Дмитриевич оставил машину на Васильевском спуске и шел вверх по брусчатке, одолевая склон. Всегда в этом месте, с самого детства, он испытывал волнение, предвещавшее встречу с чудесным. Тянулась красная Кремлевская стена, круглились впереди золотые куранты. Храм Василия Блаженного каждый раз обретал новое обличье, рождая сказочные образы. Теперь плотно прилегавшие один к другому цветные купола, острые шатры, разукрашенные столпы и переходы напоминали рвущиеся из клумбы головки гиацинтов, бутоны крокусов, стрелки тюльпанов. Казалось, от храма исходит запах весенних цветов.

Петру Дмитриевичу указали место на каменных трибунах. За спиной у него в смуглом граните высился мавзолей. Через площадь на стене ГУМа чуть колыхался от ветра огромный орден Победы.

Петра Дмитриевича окружали оживленные провинциалки. Поодаль сидел ветеран, сухой и нахохленный, как орел, с набором орденов, в золотых потемневших погонах сталинского образца.

На дальней стороне площади стояли войска, сама площадь была пуста. Блестела, как солнечная морская рябь, брусчатка. Но в этой пустоте была наполненность. Бестелесные летучие силы витали над площадью, беспокоя прозрачный воздух, собирая на мгновения сгустки солнца и вновь рассыпая их на лучистые вспышки.

Петр Дмитриевич чувствовал волнение, его восхищали мавзолей, войска, соборы, но он не мог

понять, присутствует ли в его сердце «Таблица». Радость, что изливается из его сердца, омывает ли она драгоценное сокровище, которое притаилось в глубине израненной, в страшных рубцах, груди?

Линейные, как танцующие журавли, проплыли у края площади и окаменели, воздев карабины. Куранты совершили магический круг, сомкнули стрелки и издали звук, собранный со всех колоколен, словно с этого звука начиналось сотворение мира. Так почувствовал удар курантов Петр Дмитриевич, не зная, ликует ли его израненное, продолжающее жить сердце, или это «Таблица» откликнулась своими кодами на «музыку русских сфер».

Из Спасских ворот скользнула длинная, как черная рыба, машина. Министр обороны, выезжая на площадь, осенил себя крестным знаменем, как это делают на пороге храма. И действительно, синее небо, золотые волны соборов, райский куст Василия Блаженного, замирающий в синеве золотой звук курантов — все превращало площадь в храм, готовый к богослужению.

Машина с министром объезжала войска. Он произносил что-то короткое, лязгающее, и в ответ гудело многоголосье, рокотало тысячью радостных глоток. Так гудит лес под напором бури. Так ревет в ущелье водопад.

Люди на трибунах вслушивались, старались угадать слова. Так слушают, не понимая слов, рокочущий гром.

Министр покинул машину, строевым шагом приблизился к мавзолею, где президент принял его рапорт. В парадной речи президента Петр Дмитриевич мало что разобрал, но отчетливо уловил слово «Мечта». То ли мечта о Победе. То ли о мирной жизни. То ли о будущем, к которому стремится народ. Упоминание о Мечте восхитило Петра Дмитриевича. «Таблица» у сердца дрогнула. Была жива. Откликнулась, когда ее позвал президент.

Грянул оркестр. Войска, стоявшие тяжким монолитом, зашевелились, заколыхались. От них стали отламываться бруски. Выдвигались к Историческому музею, сверкающему своими орлами. Разворачивались и шли к мавзолею, стуча по брусчатке, раскрыв знамена, сияя саблями. И первым знаменосцем, с красной лентой через плечо, окруженный сверканием сабель, был знаменосец Победы. Рослый, могучий, с плавным воздушным шагом, он нес алое знамя со звездой, серпом и молотом. Солнечные сабли полосовали воздух. Офицер, равняясь на президента, бил в брусчатку сапогами, рвал грудью воздух.

Петр Дмитриевич ощутил восторг. Брызнули слезы. Мимо пронесли чудотворную икону его страны, его веры. «Таблица» мироточила в груди. В ней ожили все «русские коды», которые собрала

в себя божественная Победа, золотая Богородица государства Российского.

Войска, еще недавно застывшие монолитом на другой половине площади, теперь волновались, клубились. От них отламывались литые бруски, граненые коробки. Шли к Историческому музею, разворачивались и начинали движение к мавзолею. Приближались, яростные, грозные, дрожащие от нетерпения. Развевались красные, из тяжелого бархата знамена с золотыми орлами. Командиры стучали по брусчатке сапогами, жадно жгли ненасытными глазами трибуны, президента, министра обороны. Сияло серой сталью оружие наперевес. Красавцы, молодцы, стать и сила, оплот государства. Готовые прямо с парада ринуться в бой, в огонь, в пекло. Защитники воскрешенной, непокоренной России. Провинциалки на трибуне прижимали руки к груди. Ветеран, похожий на орла, поднял плечи, желая взлететь.

Шли десантники, саперы, морская пехота, химики, выбивая из брусчатки стальной блеск, словно под ногами у них гудели колокола. И когда прошла последняя коробка, полыхнув знаменем, сверкнув сабельным солнцем, наступила тишина, из которой стал вырастать подземный рокот.

Появилась техника. Они возникли из-под земли, от Манежной, и следовали мимо Иверской часовни вверх, появляясь внезапно: огромные танки и самоходки, звеня гусеницами, качая громадными пушками. В люках танкисты прижали ладони к вискам. Казалось, эти громады совсем рядом, в них еще сохранился жар печей, голубоватый дымок жаровень. Они драли площадь стальными когтями, обнюхивали дулами пушек соборы, кремлевские стены, ликующие трибуны.

Шло богослужение. Сияла лазурь. Колыхались золотые волны соборов. Василий Блаженный раскрывал бутоны райских цветов. В мраморных саркофагах лежали цари. В красной стене покоился прах полярников, летчиков, землепроходцев. И повсюду на площади витал огонь, который сходит с небес и зажигает лампы и свечи.

И когда пошли ракеты, юркие, остроносые, как горностаи, и тяжелые, тупые, как носороги, Петр Дмитриевич привстал на трибуне, воздавая долг возрожденному русскому царству, которому готов был служить всеми отпущенными ему дарованиями.

Небо загрохотало, как буфет с хрусталем. Громадный «Белый лебедь», закрывая полнеба, срезая кресты соборов, прошел над площадью, и следом помчались серые размытые вихри истребителей, парами, тройками, журавлиными косяками, роняя из небес ветер и свист.

Петр Дмитриевич почувствовал, как «Таблица» разметала вокруг золотые зерна своих сокровенных

кодов и последний покидающий небо истребитель стал золотым, как слиток.

Петр Дмитриевич влился в шествие «Бессмертного полка». У него не было в руках фотографии любимого человека, которого он хотел бы воскресить в пасхальном шествии. Но у него был медальон с портретом Ирины. В крестном ходе витали такие могучие и святые силы, что у Петра Дмитриевича появилась надежда увидеть любимую женщину живой.

Многолюдье было ошеломляющим. Люди выходили из подъездов, дворов, переулков, улиц. Тверская была полна до краев. На балконах махали красными флагами. Все миллионы воевавших и погибших за Родину явились сюда. Их портреты в руках стариков и детей раскачивались, касались друг друга, сияли восхищенными глазами, словно они были ясновидцами. Шествие предполагалось траурным, поминальным, но в нем не было уныния, печали, слезного надрыва. Повсюду была радость, желание поделиться этой радостью с другим. Те, кто воевал и погиб в давнишних боях, хотели радоваться встрече, наслаждаться теплой весной, узнать народ, народившийся после их смерти.

Слышалась гармошка. Кто-то приплясывал. Кто-то нес портретик Сталина, кто-то картину Васнецова «Три богатыря».

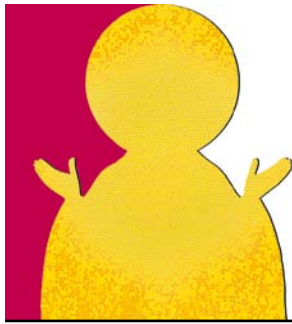
Петр Дмитриевич незаметно целовал серебряный медальон и нашептывал:

— Видишь, как липы распустились? Какие чудесные на клумбе тюльпаны? Мы идем с тобой, как жених и невеста.

Петр Дмитриевич шел в толпе, зная, что в каждом, кто шагает рядом, живет таинственный «код русского воскрешения», русской извечной веры, что смерти нет, что, возможно, всеобщий вздох, всеобщий молитвенный возглас — и мертвые воскреснут, и тогда не поймешь, кто был мертв и воскрес, а кто не умирал и будет жить вечно. Его вера в это была столь сильна, столь сильна была вера в эти тысячи и тысячи окружавших его людей, что совершилось чудо, какое совершается на крестных ходах. Те, кого несли на портретах их поздние родичи, поменялись местами с теми, кто их нес. Мертвые воскресли и понесли живых, а живые шли по воздуху, на руках своих прадедов.

Петр Дмитриевич шел, не касаясь земли, и Ирина несла его на руках.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

После визита к президенту и посещения парада Петра Дмитриевича стали забрасывать различными приглашениями, от которых он по простоте душевной не мог отказать. Так, он побывал на конкурсе собаководов, разводивших микроскопических собачек корги, которых женщины могут носить в бюстгальтере. Еще он побывал на юбилейном вечере штангистов станкостроительного завода. Принял участие в чествовании выпускников пожарного училища. И среди этих назойливых и наивных приглашений его поразило одно: господин Эраст Богоносцев и Ксения Фалькон имеют честь пригласить господина Агеева Петра Дмитриевича на бракосочетание, которое состоится в храме Вознесения, что у Никитских Ворот. Венчание продолжит театрализованное представление с участием молодоженов. Приглашаемый гость включен в список VIP-персон, и за ним закреплены лучшие места обозрения.

Это приглашение невозможно было оставить без внимания, и Петр Дмитриевич на него откликнулся. Ксения Фалькон была крестницей президента, и многие гости, принимая приглашение, отдавали дань уважения президенту.

Гости собирались на Ильинке, возле Гостиного Двора. Уже выстроился кортеж дорогих машин. В них размещались видные режиссеры, телеведущие, известные актеры, редакторы журналов. Во главе кортежа красовался великолепный катафалк с полированными дверцами, балдахином, на больших деревянных колесах, на которые обычно ставились кареты. Катафалк был запряжен шестеркой вороных лошадей, в плюмажах из черных страусиных перьев. Петр Дмитриевич был слегка удивлен катафалком, который не совсем вязался с венчанием, но большинство гостей усматривало в этом театральную интригу, и Петр Дмитриевич поверил в тонкий замысел режиссера Эраста Богоносцева и его изобретательной невесты Ксении Фалькон.

Были полицейские машины сопровождения. Машины главных телевизионных каналов. В небе

сновали квадрокоптеры. Самый юркий проник под балдахин катафалка и снимал лежащих в гробах Эраста Богоносцева и Ксению Фалькон. Гробы были обшиты черным сафьяном, с серебряными кистями. Молодожены выглядели как истинные покойники, с желтыми окаменелыми лицами. Клюв Эраста Богоносцева слегка согнулся на конце, утратив в смерти стальную крепость.

Раздался звук погребальной трубы. Катафалк застучал деревянными колесами. Форейторы в черных плащах побежали, придерживая лошадей под уздцы.

Процессия обогнула Кремль, выкатила на бульвары и причалила к ампиричному храму Вознесения, где когда-то венчались Пушкин и Наталья Гончарова. Множество зевак на тротуарах провожали процессию, некоторые горько рыдали.

Молодоженов в гробах внесли в храм, поставили на столы. Батюшка, с косою бородой, с засученными рукавами и в фартуке, похожий на мясника, тут же стал охаживать венчающихся парными венчиками, восклицая:

— Всякое дыхание требует махания! Пусть невеста будет в теле, чтобы валенки слетели!

Покойники, получив изрядную порцию прутьев, выскочили из гробов. Ксения Фалькон была в розовой мини-юбке, отороченной кружевами. Эраст Богоносцев был в черном сюртуке с оранжевым цветком мальвы и в желтых канареечных панталонах. Он стал прытко бегать по храму. Священник носился за ним, размахивая кадилом:

— Если Пушкин очарован, значит, выбрал Гончарову. Гончарова же при этом вышла замуж за поэта!

Некоторые гости усмотрели в представлении подвох. Но, не желая выглядеть отсталыми ретроgrадами, криво улыбались. Петр Дмитриевич, едва вошел в храм, оказался среди тихого золота, блеклых икон, зеленых и красных лампад, сразу же ощутил целомудренное дуновение того дивного венчания. И эти мерзкие скачки и гримасы были осквернением и святотатством, но он не мог поверить, что столько достойных людей способны смотреть на это и не остановят святотатцев.

Жених и невеста встали в середине храма. Священник в фартуке делал жениху знаки, подмигивал. Эраст Богоносцев вытащил из сюртука пухлую кипу ассигнаций, сунул священнику. Тот ловко спрятал деньги под косою бородой. Метнулся в алтарь и вышел оттуда со свиной головой и топором, каким на рынке рубят мясо.

— Венчается раб Божий Эраст рабе Божией Ксении! Венчается раба Божия Ксения рабу Божьему Эрасту!

Проревев эти ритуальные возгласы, священник трижды рубанул топором свиную голову, так что из нее полетели зубы.

— Люблю тебя, Натали!

Петр Дмитриевич почувствовал страшный удар в череп. Гератский взрыв раскроил ему кость, мозг распался, и его коснулась жуткая тьма. Код Пушкина был уничтожен. В «Таблице» зияла черная скважина, из которой тянул ледяной сквозняк.

У Петра Дмитриевича дрожали руки, и он никак не мог поставить в подсвечник свечу.

Шаловливая кавалькада погрузилась в машины. Моложены сидели в черных сафьяновых гробах с серебряными кистями и весело целовались. Журналисты снимали. Наиболее проворные брали интервью.

Петр Дмитриевич не мог унять страшную дрожь в руках. С этой дрожью из него уходила всякая мысль, понимание мира, в котором он оказался. Его замкнули на электрический кабель, в котором сотрясается ток.

Кавалькада продолжала движение по Москве. Услужливая полиция перекрывала улицы, давая ход процессии.

Они приблизились к памятнику Гагарину на Калужской. Эраст Богоносцев и Ксения Фалькон возложили к подножию серебряного памятника траурные венки из кладбищенских цветов, среди которых шевелилась большая рыжая черепаха.

Петр Дмитриевич опять испытал удар в череп. Это погиб «русский космический код». На взорванный, лишенный защиты мозг прильнула желтая черепаха, скребла мозг тупыми когтями.

Процессия побывала у памятника Владимиру Святому, украсив его подножие тушками общипанных кур, что сокрушало «код Херсонеса». У конной статуи Жукова была насыпана груды несвежих костей.

Петр Дмитриевич хотел вырваться из автомобиля, но дрожь в руках не позволяла нащупать ручку в двери. Он смотрел в небо, и оно было наполнено мутью. Множество черных пылинок, мелких соринки летели в небе. Приближаясь к земле, они увеличивались, обретали форму кры-

латых насекомых. Падали на землю, превращаясь в жулици, сороконожек, улиток, червячков. Шустро бежали, скрывались в трещинах тротуаров, под камнями. Некоторые завязывались в узелки, шевелили кожаными щупальцами, как свастики, и ползли на брусчатку, боком, как крабы из волн острова Галапагос.

Петр Дмитриевич чувствовал смертельную угрозу, исходящую от этих едких червячков, блестящих сороконожек, которые по крошкам изгрызут железо самоходок и танков, марширующих лихих знаменосцев.

Процессия, совершив круг по Москве, истребив несколько базовых «русских кодов», вернулась к Гостиному Двору. Гостей пригласили в палаты. В огромном зале были расставлены кресла, среди них выделялись ложи для высокопоставленных лиц. Вся середина зала отводилась под сцену, где молодожены давали спектакль под названием «Верность исторической памяти».

Петр Дмитриевич, не в силах унять дрожь в руках, разместился во втором ряду, напротив золоченой ложи с приспущенными гардинами. Зал был почти полон. Законодатели театральной моды. Блистательные телеведущие. Острословы, славные насмешками над православными иерархами. Юмористы, сочиняющие комические водевили по романам Толстого и Достоевского. Вальжные геи, создающие особенную эстетику сексуальных извращений. Насмешники, вызывающие хохот своими пародиями на пьяных русских мужиков и обделенных любовью баб. Знатоки эзопова языка, представляющие русское общество зверофермой. Выделялся оживленный Борис Журавлик. Как всегда, в центре внимания пребывал главный редактор «Эхос Мундис» Плиний Краснопевцев, чьи невымытые волосы набивались в открытые рты восхищенных поклонников.

Внезапно свет померк. Осталась освещенной одна лишь сцена, где предстояло играть Эрасту Богоносцеву и Ксении Фалькон.

В первом акте зритель видит опочивальню Зимнего дворца, где на брачном ложе тешатся император и императрица. В опочивальню врывается Григорий Распутин — его играет Эраст Богоносцев. Вышвыривает из постели императрицы — ее играет Ксения Фалькон — императора и овладевает императрицей со словами:

— Есть у матушки-царицы и у батюшки-царя что поесть, повеселиться, погулять до октября.

Следует распутная сцена. Первый акт завершен.

Во втором акте Владимир Ленин — его играет Эраст Богоносцев — обнимает в постели без видимой охоты Надежду Крупскую. В спальню врывается Инесса Арманд — ее играет Ксения Фалькон:

— Пусть реки слез кровавые прольются.
Моя любовь к нему, как Революция!

Ленин забывает о Крупской в объятиях Инессы Арманд. Не всякий выносит эту сцену.

В третьем акте Аллилуеву мучает своей неистовой похотью Троцкий. Аллилуева — ее играет Ксения Фалькон — уже готова расстаться с жизнью. В спальню врывается взбешенный Сталин — его играет Эраст Богоносцев:

— Одна дыра тебе на свете любя,
Кровавая дыра от ледоруба.

Происходит ужасная кровавая оргия. Часть зрителей, в большинстве своем геи, на время покидают зал.

Следующий акт происходит в блокадном Ленинграде. Изнуренная от голода Ольга Берггольц — ее играет Ксения Фалькон — вяло отвечает на ласки Шостаковича. Это унылое действие нарушает Жданов — его играет Эраст Богоносцев, — он бурей врывается в спальню, где в графине замерзла вода. Ласки Жданова грубы и по-народному свирепы. Любовь умирающей Ольги Берггольц смотрится ужасно. Утомленный Жданов уходит, попутно выливает из графина растаявшую воду.

— Минует радость, кончится беда.
Останется лишь талая вода.

В последнем акте происходит космическая оргия. Космонавтка Терешкова — ее играет Ксения Фалькон — в открытом Космосе предается неистовой страсти с космонавтом Николаевым — его играет Эраст Богоносцев. Буря страстей столь велика, что космический корабль едва не сходит с орбиты. Тысячи земных телескопов направлены на космическую станцию. Причем детям не позволяют смотреть. Раздается торжествующий гимн:

— Если хочешь, попроси.
Закручусь вокруг оси!

Свет в зале гаснет. Слышатся глубокие вздохи зрителей. Редкие попискивания дам. Все ждут продолжения. И оно наступает.

В черном бархатном мраке сцены загорелся яркий прожектор. Он осветил странное сооружение, напоминающее спортивный снаряд под названием «конь». Длинное, похожее на конское туловище, бревно и четыре грубо прибитых ноги. Странность этого сооружения довершала розовая мини-юбка с кружавчиками, в которой Ксения Фалькон совершала венчание. Юбка была на-

тянута на задние опоры станка, что странным образом напоминало Ксению Фалькон, вставшую на четвереньки. В темноте послышался хрип и рев, и в свет прожектора ввели на цепях быка. Мускулистые силачи, играя бицепсами, сдерживали могучие порывы животного. Его фиолетовые губы переполняла слюна. Красные глаза под белесыми ресницами слепо вращались, словно он чувствовал, но не видел предмет своего вождения. На быка был напялен черный сюртук с рыжим цветком мальвы, принадлежавший Эрасту Богоносцеву в момент бракосочетания. Наконец шумные ноздри быка уловили сладкий аромат мини-юбки. Бык рванул, повлек за собой силачей. Со стуком взгромоздился на бревно с мини-юбкой. Неземная, не бычья страсть выдавила из бычьего паха огромный отросток, красно-синий, перекрученный венами. С диким ревом бык ринулся, скользя копытами по бревну, и выбросил жаркую, тугую, как из брандспойта, струю, которая прожгла воздух, расплескалась на полу. Пол кипел и дымился, а из темноты раздались крики боли и наслаждения, видимо, капли горючей жидкости попали в кого-то из гостей. Быка поспешили увести. Горел свет. В липких лужах лежал желтый цветок мальвы. Восторженные крики сопровождали новую порцию гостей, успевших захватить завершение грандиозной сцены.

Петр Дмитриевич стоял во втором ряду, и его руки продолжали дрожать пуще прежнего. Он вдруг с ослепляющей ясностью понял, что присутствует не на скабрёзных посиделках порочного режиссера Эраста Богоносцева и его растленной подруги Ксении Фалькон. Он присутствует при колдовской магической мистерии — при истреблении «русских кодов». На адскую наковальню кидался «русский код», по нему наносился удар страшной кувалды и превращал драгоценный кристалл в пыль. Так был уничтожен «код Пушкина» в храме Вознесения, «код русского Космоса» у серебряного памятника Гагарину, «код Херсонеса» и «код Победы». И теперь была истерзана, истоптана, разорвана, полита ядовитой бычьей спермой вся русская история, пасхальный смысл которой Петр Дмитриевич проповедовал. И это торжественное осквернение совершалось во имя его, было его казнью, было уничтожением сокровенной «Таблицы».

Он решил, что казнь подошла к концу, и теперь его можно выкинуть из Гостиного Двора на Ильинку, где дождь, сирены полицейских машин, вся ничтожная, лишённая высшего смысла жизнь.

Но раздался торжественный марш, и в зале появились Вадим Илларионович Крамской, пред-

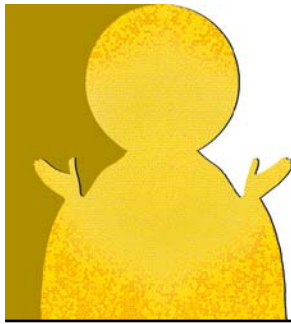
седатель Государственной думы и президент России Сергей Трифонович Младороссов.

За ними теснился православный предприниматель Проклов, окруженный «Русским сообществом», причем кавалеры «сообщества» были под руку с отвратительными старухами из бывших народных артисток.

Все обступили вельможных особ. У президента в руках был букет цветов, который он тут же вручил своей крестнице, триумфальной Ксении

Фалькон. Множество фотоаппаратов запечатлели нежные поцелуи.

Петр Дмитриевич с криком выбежал из Гостиного Двора. Стал метаться по Ильинке, тщетно стараясь поймать машину. Одна машина затормозила. Три усача заломили ему руки за спину. Заклеили рот скотчем, кинули в багажник. Петр Дмитриевич лишился чувств и свернулся калачиком в просторном багажнике иномарки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Петр Дмитриевич очнулся в багажнике и вспомнил все, что тому предшествовало. Он прислушивался к звуку тормозов, к полицейским и медицинским сиренам, к частым остановкам. Видно, машина шла по центральным улицам города. Остановки стали реже. Сирены утихли. Машина катила по проспекту с редкими светофорами. Звук моторов стал тише. Машина ровно катила с редкими обгонами, и Петр Дмитриевич решил, что они выехали за город. И не ошибся. Машина остановилась. Багажник раскрылся, и три неотступных усача наклонились над ним. Среди них появилось знакомое лицо Фадея, чья борода делала его похожим на испанского идадьго. И еще одно лицо, миловидное, какие бывают у затейниках на детских елках. Ну, конечно, это был Майкл Вякио, гостеприимный хозяин курильни.

— Поднимите его, — приказал Фадей.

Усачи извлекли Петра Дмитриевича из багажника. Потянули в лес, в заросли дубов и орешника. Какая-то рыхлая, укутанная в тряпье старуха тащила хилую вязанку хвороста.

— Бабка, хромая отсюда, — прикрикнул на нее Фадей, и та испуганно укрылась в лесу. — Давайте его сюда, — приказал Фадей.

В лесу среди корней была вырыта яма. На ее краю стоял гроб, черный, с сафьяновым нутром, с серебряными кистями по углам.

— Для тебя такая честь, Петрусь, лечь в гроб самой Ксении Фалькон. Будешь лежать, как скрипка в футляре. Загрузите моего друга в гроб!

Усачи уложили Петра Дмитриевича в гроб. Его руки и ноги были стиснуты скотчем. Рот был заклеен липучкой. Петр Дмитриевич понимал свою безысходность и не пробовал шевелиться или издавать звуки. Гроб был жесткий и тесный. Ксения Фалькон с раскормленными бедрами едва помещалась в нем.

— Майкл Вякио — отличный работник. Работает в полевых условиях так же виртуозно, как и в лаборатории. Сейчас он сканирует с твоего сердца «Таблицу», и для этого не придется вскрывать тебе полость. Правда, Майкл?

Майкл Вякио не отвечал, только тихо улыбался. Устанавливал в изголовье гроба мониторы, стойки, штативы и камеры. И лицо его было таким же наивным, детским, как в курильне, когда он ловил сачком дымы.

— Не думай, что твоя «Таблица» — особое для нас приобретение. Курьез. Я отвезу «Таблицу» в Швейцарию, в Лозанну. Там размещается хранилище раритетов, претендовавших изменить ход истории. Глиняные таблички Хаммурапи. Берестяные грамоты. Велесова книга. И вот твоя «Таблица Агеева». Сон разума, потревоженного взрывом фугаса. Майкл, ты готов?

— Мне нужно увеличить разрешающую способность по оси «зет», — отозвался Майкл Вякио.

— Прошу, сделай почетче фрагменты «Арктика Русской Мечты», «Космос Русской Мечты» и «Армия Русской Мечты».

— Синхронизация обеспечена. Могу начинать, — ответил Майкл Вякио.

— Конечно, я лукавлю, Петрусь, говоря, что твоя «Таблица» безделица. Русский народ находится в плачевном состоянии. Он почти не народ. Но русские всегда выкидывают фокусы. Как поведут себя они, если к ним в руки попадет твоя «Таблица»? Опять «Пятая империя»? «Эхо Херсонеса»? «Святое оружие»? «Религия Русской Победы»? Опять Русская Мечта, когда на Святой Софии появятся православные кресты? «Таблица» не должна попасть в руки русских. Русские должны отдохнуть от своей пасхальной истории. Хватит им маяться, добредая то до Берлина, то до Парижа. Хватит русским правителям — князьям, царям, вождям, президентам — рвать пупки и строить империи. Дадим им, черт возьми, отдохнуть! Ну как там, Майкл?

— Пять минут, Фадей Аристархович.

— Ты не знаешь, Петрусь, как устроена российская власть. Думаешь, президент не хочет иметь твою «Таблицу»? Хочет, но чтобы его называли «ваше величество». А председатель Думы? Тоже хочет, но чтобы его называли «господин президент». А Проклов хочет стать председателем Думы.

Дадим же им отдохнуть. К черту «Таблицу Агеева»! Как ты, Майкл?

— Файлы пошли. Процесс окончен.

— Вот и ладно. Прощай, Петрусь. Встретимся на метеорите. Тебя закопают, но оставят трубу. Сможешь еще подышать.

Майкл Вьякио собрал свои приборы и отнес к машине. Усачи тяжело спихнули гроб в могилу. Прикрыли крышкой. Стали забрасывать землей. Трубка позволяла Петру Дмитриевичу дышать. Удары земли о гроб стихли. Раздался далекий рокот отъезжавшей машины, и все смолкло.

Петр Дмитриевич лежал в гробу и прощался. Ему не было страшно. Только сжимал тесный гроб и холодила земля. Он думал о бабушке и ее Евангелии с золотым обрезом, которое она читала перед сном. Вспоминал, как отец взял его на руки и вошел в реку и он прижимался к отцу, веря, что ничего не случится. Как мама нашла на даче большой белый гриб и все сошлись, восхищались, а мама порозовела от удовольствия. Он думал о Ирине, она ждет его, и они скоро встретятся, обнимутся и пойдут по лугу, синему от цветного горошка, и взлетит коростель, красная птица, полетит, свесив ноги, и упадет в далекий куст, перевитый вьюнками. Зимой земля вокруг станет колючей и твердой, а весной размякнет, пропитается струйками воды. И, быть может, над его могилой прошумят ураганы, прокатятся восстания и революции или враг пройдет своими железными дивизиями. И он будет защищать эту пядь земли, отпущенную Богом, крохотный ломоть России, и, быть может, враг будет здесь остановлен.

Петр Дмитриевич дремал, остывал. Произносил чье-то тихое имя.

Он услышал над собою звуки. Кто-то скреб землю, откапывал его. Звуки прекращались и снова раздавались. Наконец что-то стало скрестить по крышке гроба. Крышка сдвинулась, отвалилась. Он лежал в открытом гробу, и над ним наклонилось старушечье лицо.

— Ишь, что надумали изверги! Христа на них нет, чтобы живого человека закапывать!

Петр Дмитриевич подумал, что это та старуха, которая встретила им на опушке и шмыгнула в кусты, когда на нее прикрикнул Фадей.

— А ежели бы их закопали, а кругом ни души!

Петр Дмитриевич подумал, что старуха руками, по-собачьи, разгребла могилу. Она размотала скотч на его руках и ногах, и Петр Дмитриевич сел в гробу. Он отодрал липучку с губ. Спросил:

— Ты кто?

— Кто я — и сама не знаю.

Старуха была в тряпье, измазанная землей. Но что-то в ее лице показалось Петру Дмитриевичу знакомо.

— Ты кто?

Старуха не ответила и бочком, пятясь, стала удаляться, и Петр Дмитриевич узнал в ней тетю Полю, с которой играл в дурака, разбрасывая по клеенке дам и валетов.

— Тетя Поля, ты, что ли?

Старуха дошла до опушки, обернулась, и Петр Дмитриевич узнал в ней маму, ее волшебную женственность и красоту. Мама улыбнулась и скрылась за дубом, только листва шевельнулась.

Петр Дмитриевич поднялся и пошел к дороге.

Он чувствовал странную легкость. Тяжесть, которую носил на сердце, пропала. «Таблицы» на сердце не было. Но он не жалел об этом, радуясь необычайной легкости, от которой успел отвыкнуть.

Он вышел на шоссе. Оно было уезжено, давно не знало ремонта. Но тем и красиво. На обочине росли кусты, круглые, как шары. Дубы набросали желудей, и те превратились в дубраву.

Петр Дмитриевич наслаждался небывалой легкостью. «Таблица» не давила на сердце. Страх ее потерять или с ней расстаться не было и в помине. Он был свободен, спасен для жизни. На шоссе лежали длинные тени, и по этим теням прыгали сороки.

Он услышал далекий дружный грохот. Ревели моторы, их грохот становился ближе. Показались мотоциклисты на великолепных машинах, которые извергали огонь, пульсирующий свет, громогласную музыку.

Петр Дмитриевич посторонился, пропуская наездников в кожаных куртках, в кожаных, похожих на шлемы шапках. Лихие мотоциклисты промчались мимо, оглушив выхлопами. Один из них развернулся, накатил на Петра Дмитриевича:

— Петр Дмитриевич, как вы тут оказались? — Хирург, предводитель «Ночных волков», во всем великолепии дорожной амуниции, на бесподобной «ямахе», принял в объятия Петра Дмитриевича.

— Да я вот так на прогулке, ноги размять, — лепетал Петр Дмитриевич.

— У нас пробег Русской Мечты до Осташкова. Нам по дороге.

И уже через минуту Петр Дмитриевич держался за спину Хирурга, на которой маслом был нарисован портрет Сталина. И они рвали весенний воздух всей мощью своих шестицилиндровых машин, прорываясь то ли на Магадан, то ли на Марс.

Они расстались в Осташкове, превратив тихий городок в космодром, и сгнули, оставив Петра Дмитриевича представителем «Ночных волков».

Петр Дмитриевич покидал городок, наслаждаясь ароматами невидимых озер, слыша тихие звуки далеких колоколен.

Рядом затормозила машина. Фешенебельная «ауди». Стекло опустилось, и человек с длинным сухим лицом и жгучими глазами спросил:

— Если не ошибаюсь, Петр Дмитриевич Агеев?

Петр Дмитриевич тотчас узнал в человеке Даниила Величко, экстравагантного режиссера магического театра, где побывал с Ириной.

— Не могу ли вас подвезти?

— Да мне здесь близко, — ответил Петр Дмитриевич, не желая прерывать свое одинокое шествие.

— Но все-таки!

Пришлось сесть, и разговор шел о возможности управлять историческим процессом с помощью театральных постановок.

— Я вам благодарен за неожиданный финал в моем спектакле. В черно-белом Космосе возник великолепный, как Царствие Небесное, фонтан.

Они расстались через полчаса, и Петр Дмитриевич был благодарен неординарному человеку за любезность.

Впереди показалось село с неказистой, скучной церковью. Главная дорога с уцелевшим асфальтом вела в село, но в сторону, мимо села, плутал проселок. Петр Дмитриевич выбрал проселок, чтобы не оказаться рядом с храмом, у которого были нарушены все пропорции, купол был липкого синего цвета и от него за версту пахло ацетоном.

Проселок спускался к оврагу, к мелким зарослям и не сулил ни приюта, ни ночлега.

Навстречу по тропке поднимался велосипедист. Он вел велосипед, у которого под рамой была прикручена коса. Сам владелец велосипеда был худой, загорелый дочерна, как человек, весь день проводивший на покосе.

— Здравствуйте, — поклонился Петр Дмитриевич. — Куда дорога ведет?

— А то не знаешь?

— Знал бы, не спрашивал.

— К Волге ведет, куда же!

— Как к Волге?

Человек не ответил, провел свой велосипед, от которого пахнуло свежим сеном.

Петр Дмитриевич заторопился. Дорожка резво сбегала вниз, и скоро он очутился на дне оврага, у деревянного сруба, над которым голубела луковка. Чьей-то старательной рукой на дощечке было выведено: «Река Волга. Исток. Просьба не мусорить».

Петр Дмитриевич стоял ошарашенный. Он и не думал мусорить. Дорога сама привела его туда, куда и должна была привести после всех злоключений.

Петр Дмитриевич спустился по сырым ступеням к источнику, над которым синела луковка. Ямка,

откуда бил источник, была светлая, песчаная, а дальше переходила в темный, заросший травой ручей.

Петр Дмитриевич склонился к источнику, вдохнув запах студеной воды. Желтое донце родника бурлило. Там прыгали и крутились песчинки. Донная вода находила себе выход и играла песчинками. И это была Волга. Волга, укрытая кустами, спрятанная в овраге, позвала Петра Дмитриевича, и он пришел.

Он прилег на сырые ступени, приблизил лицо к воде и стал пить.

Сладость омыла губы и рот. Он жадно пил, дышал в воду так, что она бурлила вокруг него пузырями. Он не мог поверить тому, что пьет Волгу. Он чувствовал, как переполняется Волгой. Он был в ней, а она в нем, и оба они в громадном сверкающем мире. Он нашел тот ключик, который приводил в движение все «русские коды», отмыкал и замыкал «Таблицу». «Таблица» опять была в нем. Песчинки, что танцевали на дне родника, были золотые песчинки, были «русские коды». Он пил Волгу, куда сошлись на водопой великие народы, где менялись династии, возникали и падали царства. Где родился акушер, принявший роды великого красного государства. Где Сталинград ополаскивал свое окровавленное победное лицо. Где рождались великие трудники, прозорливцы и мученики, небывалые художники, певцы и сказители. Он пил Волгу, а она пила его, его невыплаканные слезы, неопалимую веру, негасимую любовь.

Петр Дмитриевич поднялся и пошел вдоль по матушке по Волге, видя, как расступаются берега, как вливаются ручьи и реки.

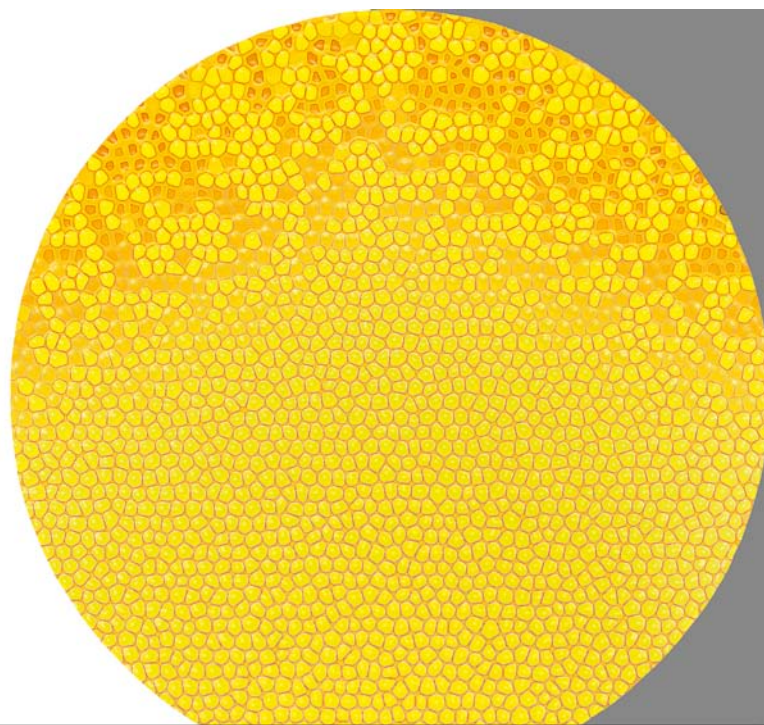
Мимо проплыла лодка, поражающая своей крепостью и красотой. Это неусыпный странник Федор Кононов шел на веслах по Волге до Каспийского моря, а потом, погостив в священном городе Куме, решил обогнуть Индию и добраться до Японии.

С другого берега реки кричала кукушка. Это хранитель народного памятника провожал Петра Дмитриевича, не переставая куковать, суля ему долголетие.

Под Костромой, строя из мокрого песка волшебный дворец, Петр Дмитриевич вдруг нашел синюю стеклянную бусину, которую подарила ему девушка в ночь выпускного бала. Бусинка мерцала. В ней была проколота дырочка. Петр Дмитриевич долго играл ею, пока не потерял уже окончательно.

Теперь они шли с Ириной где-то за Городцом, босые, омывая ноги в волжской воде. Ирина нашла в песке большую перламутровую ракушку. Показала Петру Дмитриевичу и сказала:

— Положи эту ракушку себе на стол. Когда мы состаримся, станем рассматривать эту ракушку и вспоминать, как мы шли вдоль Волги.

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Золото под сердцем

(о романе «Таблица Агеева» Александра ПРОХАНОВА)

Сердце, только ты знаешь, сколько мгновений прожито. Каждый удар твой — секунда жизни, ритм твой — ритм времени. Время летит — неудержимо биение твое, время течет — плавен ход твой. Все ты помнишь, сердце: горести на тебе рубцами остались, радости медом по тебе разлились — память твоя неувядаема, неубиваема. Все ты ведаешь, сердце: что от глаз скрылось, что разум не осознал — все через тебя прошло, на все ты откликнулось. Ты — «уголь, пылающий огнем», в тебе рождается «божественный глагол». Ты — короб с целебными снадобьями, ты — ларец с самоцветами. Ты — тайник для самого сокровенного. В тебе, сердце, душа поселилась.

Александр Проханов — сердцевед. Его романы последних десятилетий подобны операциям

на открытом сердце еще молодой России. В младенчестве ей успели пересадить могучее сердце умирающей Красной империи. Пересадили наспех, не надеясь, что приживется. Многие ждали, что будет оно отторгнуто, и тогда из-за океана пришлют донорское, которое не станет биться в такт Свиридову и Александрову, а принесет в себе чужие песни и гимны. А сердце Красной империи, сердце Данко, Павки Корчагина, Олега Кошевого, Василия Теркина после электрических разрядов эпохи пошло, постепенно сроднилось с новым телом страны. Но молодое государство мучилось врожденными пороками, аритмией, и писателю пришлось восстанавливать ритм, выправлять ход, удалять тромбы, пришлось, борясь с сердечной недостаточностью, насыщать страну сердечностью, жертвенностью,

справедливостью, рождая героев, у которых «вместо сердца пламенный мотор».

Герой нового романа Петр Дмитриевич Агеев подобен ветхозаветному пророку Аггею, призывавшему начинать строительство царства со строительства храма, которое должно уподобиться молитвенному возвышению души, иначе храмина окажется мертвым камнем. Агеев прошел Афганистан, в 1993 году оборонял Дом Советов, затем на несколько лет укрылся от смуты в русских лесах, после долго скитался по «нищей России».

И всюду Агеева преследовало нечто неизъяснимое, в чем, казалось, сокрыто великое счастье, избавление от всех бед. Тайна жила в книгах русских классиков, которых с таким упоением он читал в детстве и юности. Тайна вливалась в предобморочное сознание во время боя в Герате. Тайной дышал дом деревенской ведуньи тети Поли: изба ее была целым мирозданием, фольклорным космосом пращуров, крышей касалась неба, а в подполе хранила сны матери-земли.

При этом Агеев видит, что в обездоленном народе, лишившемся сверхзадачи, сверхсмысла, поселился зверь, народ тонет в унынии, задыхается в отчаянии. И нужно как можно скорее явить ему животворную тайну, найти для нее слова и образы.

Однажды среди благоухающих лугов, у серебряной реки неведомая ангелоподобная сила вознесла Агеева над всей Россией, явила ее в одновременности времен, в единстве предков и потомков, во всеобщем благоденствии: «Он побывал в сказочном царстве. Ему открылось небывалое знание. Он был там, где нет смерти, а только одна любовь». Видение предстало перед Агеевым Русской мечтой, но то был только подступ к ее изречению.

Вскоре в дивном сне герою открылась золотая мозаика молящейся Богородицы. Подобной ей не было ни в Константинопольской, ни в Киевской, ни в Новгородской Софии. Драгоценные частицы мозаики располагались в промыслительном порядке, словно элементы в таблице мироздания, составленной Господом Богом: казалось, переставь местами хотя бы два фрагмента — и исказишь изображение, поселишь земную кривду в небесную Правду. Это было второе явление Русской мечты Агееву. Таблица виделась «оружием массового воскрешения», «пропуском в небесное царство». Но в ней не хватало нескольких частиц, заветных кодов Мечты, которыми предстояло дополнить мозаику. Агеев сберегает ее под сердцем.

Он начинает проповедовать Русскую мечту: публикует статьи, выступает в телешоу и на дискуссионных площадках, становится интересен различным политическим силам и верховной власти. Недостающие русские коды открываются ему в Пушкине, Пересвете, Сусанине, Матросове, Гагарине, Евгении Родионове, в Москве, где Кремль и собор Василия Блаженного прозреваются как земные проекции трудов Небесного Зодчего.

Агееву встречаются русские мечтатели, которые помогают обнаруживать код за кодом. Режиссер-метафизик, в своих постановках вторгающийся в живое тело истории, вправляющий вывих в прошлом, чтобы изменить ход настоящего, распрямляющий искривленное русское время, чтобы историческая энергия устремилась к возрождению империи. И в этом код русского воскресения.

Очарованный странник, путешественник, покоровший в своих экспедициях воду, сушу и небо. Он пропускает пространство сквозь игольное ушко времени, пробуждает природу от вековечного сна теплом человеческого дыхания, доказывает, что русскому народу земли мало, что в своих хождениях он ищет неба, ищет Бога, ищет Его милость, словно спасительную тень под палящим солнцем, словно кров и огонь в морозную ночь. И в этом код русского Богопознания.

Инженер-космист, сохранивший, как полковое знамя, чертежи «Энергии» и «Бурана» до той поры, когда русские опять станут космическим народом, когда новый полет к звездам вновь окажется общим делом, общим устремлением, когда путь России волеется в Млечный Путь, что «расцвел садом ослепительных планет». И в этом код русского Космоса.

Предприниматель, грезящий о воссоединении Русского мира, о притяжении в орбиту России семьи народов, о соборности, о мессинской задаче, о возвращении отечественной культуры на евангельскую высоту. И в этом код русской державности.

Лидер русских мотоциклистов, превращающий байк-шоу в мистерии. В них Сталинградская битва, где советский солдат вновь одолевает врага, попирает знамена со свастикой, в них в сегодняшний день возвращается былое величие. И в этом код русской Победы.

Оборонец Дома Советов, вставший с иконой под огонь пулеметов и чудом выживший. С той поры он посвятил свою жизнь бескорыстному труду, доброделанию, заботе о ближнем. И в этом код русского служения.

Настоятель храма в Новом Иерусалиме, которому явился патриарх Никон и открыл, что монастырь, где воссоздано пространство Святой земли, стал местом второго пришествия Спасителя. Оно свершилось в 1941 году, когда на подступах к Москве враг дрогнул, был отброшен Христовой десницей. И в этом код русского чуда.

Агеев убежден, что Русская мечта — не утопия, не бегство от реальности, не пребывание в праздности. Русская мечта — горизонт за горизонтом, вечный двигатель. Русская мечта — путеводная звезда, она мерцает во мгле и влечет туда, где должно случиться самое главное. В Русской мечте все русское уживается, она вмещает в себя и русский вихрь, и русский вечный покой. Русская мечта может быть прозрением, открытием, вероучением, концепцией, манифестом. Можно создать эстетику Русской мечты, академию Русской мечты, партию Русской мечты.

Русская мечта может лечь в основу конституции, где буквально по статьям будет прописано: Россия — царство Божественной справедливости; Победа 1945 года священна; миссия России — одолевать тьму; наш народ движем жертвенностью и героизмом; при любом государственном устройстве необходимо сохранять Божественную сущность России.

И тогда станет возможным долгожданное развитие. Появятся экономика, производство, образование, армия, искусство Русской мечты. Родится лидер Русской мечты, который будет руководствоваться принципом «любить народ, бояться Бога».

И вот таблица Агеева собрана, только не хватает одухотворяющей силы, источника Божественного света, который озарит мозаику, не хватает ключа, способного отомкнуть Райские врата. Без этого собранная таблица хрупка. Она может распасться, и тогда история пойдет по кровавому пути или упрется в тупик, породит Пугачева, революцию или Чернобыль.

Русская мечта негодна многим. Русские коды пытается перекодировать либеральный режиссер, погружая в своих спектаклях целомудренных классических героев в современную скверну, превращая пушкинских и тургеневских девушек в распутниц, чеховских интеллигентов — в маньяков: *«Мой театр — это кузница, в которой мы дробим эти мертвые коды. Срываем печати с могильного склепа, где лежит омертвелая Россия. Хотим поднять Россию из гроба. Разбудить любой ценой, даже прижигая ее сигаретами. В этом видим призвание современного русского искусства»*.

Русскую мечту истязают во время сатанинской свадьбы светской львицы: оскверняется храм, где венчался Пушкин, к памятникам князю Владимиру, Жукову, Гагарину брачный катафалк бросает окровавленные кости.

Вырезать таблицу из-под сердца Агеева пытаются вражеские агенты. Им нужен шифр русской цивилизации, чтобы навсегда уничтожить ее, чтобы она не напоминала миру о Божественных смыслах, чтобы свет не развеивал тьму. День уничтожения таблицы станет международным *«Днем избавления от России»*.

Русская мечта будет «куплена дорогою ценою». Агеев переживет вероломство любимой, предательство фронтового друга, смерть близких. Лишенный своей таблицы, заживо погребенный врагами, Агеев чудом спасется. Опустошенный, измученный он забредет в безлюдное место среди «бедных селений», припадет «замершими устами» к роднику. Родник окажется истоком Волги.

Агеев поймет, что это тот самый ключ, который одухотворяет Русскую мечту. Не ключ, отворяющий замки, а живоносный источник, бьющий ключом среди молодой травы. Именно здесь берет начало русское время. «А у Волги нету берегов...» — прозвонит родник.

С каждым глотком Агеев будет исцеляться, вода станет врачевать истерзанное сердце. Волга впадет в него, как в море, вытеснит оттуда тоску, снова наполнит силами. Агеев найдет близ родника золотую песчинку, с нее начнет восстанавливать Богородичную мозаику Русской мечты.

А если не соберет ее целиком, унывать не станет, ведь и Менделеев оставил нам свою таблицу с пустотами, веря в гармонию природы, Божественный замысел, веря в пытливых потомков, которые обязательно найдут недостающие элементы, свойства которых подсказывает таблица.

Русская литература — тоже таблица, мозаика русских кодов. Каждый из писателей и поэтов прозревал ее по-своему: это и «Энциклопедия русской жизни», и «Бездна звезд полна», и «повесть временных лет», которая не заканчивается, а прирастает новыми годами, десятилетиями и веками.

Русская мечта хранит в себе небесную тайну. Чтобы подступиться к ней, необходимо разгадать сотни земных тайн. Но разгадываешь одну, а порождает сотни. И нужно продолжать поиск. Оттого сердце писателя обретает второе дыхание. Бог бережет писателя. Бог любит его.

